

Л.Н.Харюков

АНГЛО-РУССКОЕ
СОПЕРНИЧЕСТВО
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
И ИСМАИЛИЗМ

Л.Н.ХАРЬКОВ

АНГЛО-РУССКОЕ
СОПЕРНИЧЕСТВО
В
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ
И
ИСМАИЛИЗМ

Издательство
Московского
университета
1995

ББК 63.3
Х20

Рецензенты:

доктор юридических наук
И.П.Блищенко,
кандидат исторических наук
В.Г.Джангирян,
кандидат философских наук
Н.П.Нарбут

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Харюков Л.Н.

Х 20 **Англо-русское соперничество в Центральной Азии и
исмаилизм. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995.- 240 с.
ISBN 5-211-03393-0**

В монографии исследуется противоборство Британской и Российской империй (XIX — начало XXв.) в Центральной Азии (Индия, Афганистан, Восточный Иран, Туркестан, Бадахшан) и раздел сфер влияния между ними. Показан учет Англией и Россией исламского фактора в их колониальной политике и раскрывается в этом контексте роль исмаилистской секты, принадлежащей к одному из основных направлений ислама — шиизму. Такой анализ позволяет увидеть многие истоки современных конфликтов в указанном регионе.

Для специалистов-историков, востоковедов, преподавателей вузов, студентов, а также для широкого круга читателей.

$\frac{0503020000-060}{077(02)-95}$ Без объявл.

ББК 63.3

ISBN 5-211-03393-0

© Харюков Л.Н., 1995 г.

Предисловие

Прошлое, настоящее и будущее человека и человечества, народов и народностей, отдельных стран и целых регионов — вовсе не обособленные измерения, взаимно исключают друг друга, более того, просматривается их тесная, неразрывная взаимосвязь и взаимозависимость. Не познав прошлого, невозможно понять и оценить с позиций современности суть такого явления, как колониализм, и связанного с ним англо-русского соперничества в Центральной Азии в XIX в., взаимоотношений колонизаторов с традиционными структурами Востока и его социокультурными комплексами, складывавшимися в течение тысячелетий и многих веков, в основе которых лежали различные религиозно-цивилизационные фундаменты. И, наконец, без такого познания будет невероятно трудно вырабатывать оптимальную модель внешней политики в отношении государств Центральной Азии в связи с происходящими там процессами, драматическими событиями и этно-конфессиональными конфликтами, прежде всего в Афганистане, Кашмире и молодых независимых среднеазиатских государствах, возникших на развалинах распавшегося СССР.

Колониальная экспансия Британии и России в Центральной Азии постоянно и неуклонно нарастала и достигла своего апогея в последней четверти XIX в. Захватывая территории в этом обширном азиатском регионе, англичане и русские вторглись в абсолютно чуждую для них зону, где господствовали иные религиозные представления, принципы жизни, ценностные ориентации, нормы и стереотипы поведения. И это вполне понятно, так как цивилизационный фундамент Центральной Азии формировался веками и даже тысячелетиями господства сложившегося образа жизни, привычных стереотипов поведения, устойчивых систем нравственных ценностей, генеральных мировоззренческих установок и принципов. С точки зрения потенциала духовной культуры индуистско-буддийского и исламского обществ и тесно связанной с ними их социальной ориентации и структуры они были достаточно устойчивыми.

В Средней Азии и в Афганистане ислам как внутренне сильная тотальная религия, охватывающая все стороны жизни, сливающаяся воедино с политикой, с государством, доходящая в религиозном рвении до нетерпимости, был в наибольшей мере консервативен и в наименьшей степени поддавался внут-

ренной трансформации. Иначе обстояло дело с индо-буддийским миром, где религиозная терпимость и нейтралитет по отношению к власти, государству превалирует в обществе.

В отличие от большинства мусульманских стран, ислам в Северной Индии оказался достаточно поверхностным наслоением на индо-буддийском религиозно-цивилизационном фундаменте и заметной роли в усилении административно-политической структуры не сыграл.

Этих существенных обстоятельств не могли не учитывать Англия и Россия, осуществляя экспансионистскую политику. Разница заключалась лишь в том, что корректировка британской колониальной политики происходила на своего рода интуитивном уровне, на уровне проб и ошибок.

В отличие от Англии, Россия обладала огромным историческим опытом не только общения с мусульманским миром, но и совместного проживания с ним в рамках единого государства. В процессе взаимодействия и мягкого, но интенсивного влияния русской культуры на традиционную исламскую последняя была вынуждена приспособливаться к российской действительности, преодолевая естественный и столь свойственный ей мощный импульс сопротивления, отторжения всего чуждого. Этому способствовала также и проявляемая российским государством религиозная терпимость. Кроме того, перед вторжением в глубь Центральной (Средней) Азии Россия извлекла уроки из Кавказской войны, в ходе которой она вплотную столкнулась с внутренней силой ислама, с его установками на непримиримость к инаковерию и воинственность, с присущими горцам свободолобием и горделивым стремлением к независимости, с фанатичной готовностью сражаться за свой привычный образ жизни сколько угодно, доводя дело до священной войны — газавата.

С тех пор Россия осознала, какую мощную силу представляет ислам, и была вынуждена считаться с исламскими традициями и действовать гибкими методами на захваченных ею территориях.

Англо-русское соперничество, развернувшееся в Центральной Азии в прошлом веке, вызывалось сложным комплексом политических, экономических, торговых и иных задач и интересов. В этом обширном регионе в основном проживали мусульманские народы; Британская и Российская империи, хорошо представляя себе роль и значение ислама в их жизни, естественно, не могли игнорировать этого важного фактора при планировании и осуществлении своей колониальной политики, выработке ее стратегии и тактики. Более того, они стремились в

полной мере учитывать исламские факторы и даже использовать ислам и его секты в своих интересах. Особое место в англо-русском противоборстве было суждено занять секте исмаилитов в силу ряда исторических обстоятельств.

В связи с изложенным представляется уместным вкратце коснуться генезиса, эволюции и сущности ислама. Сформировавшись сравнительно поздно на местной арабской основе в Аравии в VII в., он доктринально восходит к его предшественникам — иудаизму и христианству, к библейским идеям, образам и легендам¹. Впитав в себя многое из древних традиций и культурных достижений древневосточных цивилизаций и греко-античного мира эпохи эллинизма, а также обогатившись за счет иранского зороастризма, ислам оказался в определенном смысле весьма богатым в духовно-идейном плане наследником многих цивилизаций.

Величие основателя ислама пророка Мухаммеда заключается прежде всего в том, что на первый план ставился отдельный человек со своими обязанностями и личной ответственностью. Первые стихи Корана отличались веротерпимостью; исповедывание иудаизма и христианства не преследовалось. Принадлежащие Мухаммеду выражения "Разногласие моей общины есть знак божественного милосердия" и "Глас народа — глас божий", безусловно, отражали его либеральные воззрения и являлись основой и оправданием для терпимости и даже обязательности нововведений в созданную им религию.

Исламское учение формировалось в течение длительного времени, прошло в своем развитии ряд стадий (аббасидская, фатимидская и др.) и претерпевало определенную трансформацию, сопровождавшуюся забвением его некоторых первоначальных весьма важных положений.

При Аббасидах (750 — 1258 гг.) ислам приобретает черты довольно жесткой религии, в некоторых аспектах даже фанатично-нетерпимой; произвол власти и право сильного становилось неоспоримым законом социальных и политических отношений. К этому периоду относится введение института преследования инакомыслящих с многими атрибутами инквизиции. Фанатизм и косный непримиримый конфессионализм ни в коем случае нельзя рассматривать как непосредственный итог развития коренного первоначального ислама и как основную характерную его черту, будто бы искони присущую ему. Например, под джихадом первоначально подразумевалась священная война только против идолопоклонников, а отнюдь не против верующих иудеев и христиан.

В аббасидском халифате шли оживленные диспуты, преимущественно в форме богословских споров, по многим серьезным проблемам — о божественном предопределении, догматах ислама, свободе воли и т.д. Видные мусульманские интеллектуалы — улемы энергично занимались географией, математикой, медициной, историей, философией, литературой, прежде всего поэзией, исламским правом, принципами устройства государства, созданием совершенной администрации и т.п.

Разногласия в области догматики и государственного права, приобретая исключительный характер, в конечном итоге приводили к возникновению различных течений и сект. Появление последних (а их в наше время насчитывается более 73) было связано с тем, что некоторые остатки доисламских религиозных представлений, продолжая тайно существовать, находили новые формы для своего выражения в политических новообразованиях, возникавших на почве оппозиции ортодоксальному исламу, а также по государственно-правовым вопросам. Это прежде всего относится к исмаилитскому учению и халифату Фатимидов (909 — 1171 гг.). Видный российский исламовед Е.А. Беляев справедливо отмечал, что "возникновение и развитие различных направлений и течений в исламе, в том числе религиозных сект, вызывалось исключительно экономическими, социальными и политическими условиями, в которых жили народы Ближнего и Среднего Востока"².

Пожалуй, главным результатом этих разногласий стало возникновение двух основных направлений в исламе — суннизма и шиизма. Сунниты признавали право тех, кто обладает силой; захвативший власть вместе с нею приобретал и сакральный авторитет. Шииты, что весьма существенно, признают законной высшей властью лишь правление прямых потомков Мухаммеда, святых имамов или их родственников по боковым линиям (алиды, фатимиды, сеиды и т.д.). Отсюда шиитское учение о незаконном и временном характере любой светской власти до пришествия скрытого имама, соединяющего в своих руках светскую и духовную власть. По господствующим в среде шиитов представлениям субстанция души, присущая Алию как потомку пророка, переходила из поколения в поколение к следующим за ним имамам и давала им все те же преимущества, которые были присущи только пророку.

Имам является олицетворением самого пророка, единственным законным толкователем божественной воли, непогрешимым наставником и повелителем в учении и жизни. Субстанция его души чище, чем у обыкновенных смертных, она свобод-

на от злых побуждений и украшена священными формами. Так, любое разногласие у шиитов и исмаилитов устранялось единственно решающим словом их имама.

Исмаилизм — одна из сект шиизма, поэтому без представления о нем как чрезвычайно влиятельной и могущественной силе среди верующих невозможно понять его значительной роли в англо-русском соперничестве в центральноазиатском регионе в колониальный период.

Арабам в силу тогдашнего реального уровня их развития не удалось освоить весь высокоинтеллектуальный потенциал религиозно-доктринерского наследия, доставшегося им через основавшего новую религию пророка Мухаммеда. Однако они преуспели в разработке догматики ислама.

В основе стандартизированного арабо-мусульманского знания лежали не вершины арабской средневековой мысли, а священная книга мусульман Коран, хадисы устного предания Сунны и каноны мусульманского права — шариата. Именно Коран, Сунна и шариат веками формировали исламский менталитет — образ и принципы жизни, поведение, сознание, систему ценностей, социально-нравственные установки среднего мусульманина, полноправного члена великой исламской общности — уммы.

При этом постоянно следует иметь в виду, что “решающим принципом для правильного суждения о религиозных явлениях ислама служит не столько то, что об этом говорят Коран и предание, сколько то, как их букву и дух толкует община”³.

Ислам подчеркнуто эгалитарен (перед Аллахом все равны) и стопроцентно индифферентен ко всему национальному, что в значительной мере способствовало динамичному изменению образа жизни подавляющего большинства населения, принявшего ислам, и введению мусульманских обычаев, норм взаимоотношений, подчас к замене бывших в употреблении до исламизации языков на арабский.

Ислам как религия, как цивилизация, как новая модель государственности вобрал в себя многое из религиозно-культурного наследия прошлого, о чем уже упоминалось, и вместе с тем выработал стройную, жесткую догматическую доктрину с ее пятью символами веры (исповедание, молитва, пост, милостыня и хадж), полной безоговорочной покорностью воле Аллаха, а также олицетворяющего его на земле посредника — пророка либо его заместителя — халифа и всех помощников посредника, нетерпимостью к неверным, к любой другой религии, вплоть до религиозной войны — джихада (газавата). Милостыня Корана не

обычная добровольная благотворительность, это своего рода обложение всех принявших ислам, благотворительность, возведенная в степень общерелигиозного и общегосударственного обязательства. Ислам и милостыня связаны неразрывно. Ислам фактически означает предание себя богу и власти. В исламском обществе сознательно культивируется фатализм, консерватизм, полное повиновение власти имущим, приниженность личности, некритическое следование общим мнениям и авторитетам.

В связи с этим вполне понятно, почему ислам отличают воинственность до фанатизма и наступательность вплоть до насильственного прозелитизма, то есть стремление обратить других в свою веру. Покорность чужой воле и фатализм здесь приводят к конформизму поведения и мышления, а формальное равенство всех перед Аллахом тесно переплетается с принципом полного рабства, а точнее бесправия нижестоящих пред вышестоящими. Тем не менее в исламе религиозно освящен и реализуется принцип социальной мобильности: сила, способности, предприимчивость, случай открывают двери наверх перед каждым достойным.

Важнейшей особенностью всех исламских стран вплоть до наших дней является неотъемлемая слитность религии и политики. Ислам с его ответвлениями является идеологической системой, включающей не только религиозное учение и религиозную практику, но и религиозно-ориентированные политико-правовые и этические представления и нормы.

До сих пор религия на Востоке, в особенности ислам, не ограничивается задачей определять отношения человека и Творца, она нечто большее, т.к. проникает во все поры народного организма, налагает свою печать на склад мышления и отражается на психологии населения, охватывая всю его жизнь целиком, во всех ее проявлениях — духовных и материальных.

В современных условиях ислам демонстрирует поразительно высокую степень преемственности в мусульманской культуре, живучесть и устойчивость традиционных представлений, однако некоторая часть мусульман, испытывая социопсихологический дискомфорт и ностальгию по идеализированному прошлому, проявляет неистребимое желание возвратиться к истокам, к чистоте подлинного древнего ислама, когда был жив великий пророк и не было еще деления правоверных на шиитов и суннитов, что и порождает фундаментализм в мусульманском мире.

Фундаментализм — прежде всего требование единства всех мусульман. Уже существует целый ряд региональных объ-

единений исламских стран экономического и политического характера в целях защиты своих жизненных интересов и выработки общей стратегии и тактики на мировой арене. К таким объединениям относятся, к примеру, Лига арабских государств (ЛАГ); Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК) — в подавляющем большинстве её члены — мусульманские страны; Организация исламской конференции (ОИК) и многие другие.

В среднеазиатских республиках прежнего СССР наблюдается возрождение ислама, о чем свидетельствует строительство и восстановление многочисленных мечетей (за последние два года число мечетей возросло со 160 до 5000). Это знаменует собой новые идеологические и политические реалии; общий религиозный фон — важный фактор в стимулировании сотрудничества как между самими бывшими советскими республиками, так и сопредельными мусульманскими государствами. Идеологической основой добрососедства и солидарности стран Азии выступает в большинстве случаев религиозная общность — ислам. Молодые независимые государства, возникающие на территории бывшей Средней Азии и Закавказья, уже вовлечены в деятельность ОИК и иных региональных объединений, созданных исключительно по религиозному признаку. Новые надежды на возрождение Центральной Азии будут серьезно подорваны, если своевременно не обуздать радикальный национализм и фундаментализм и не разрешить надлежащим образом этнические и территориальные конфликты.

Фундаментализм в его крайних формах ставит вопрос об объединении всех правоверных в их решительной борьбе с изменившимся миром, за возврат к нормам очищенного от позднейших наслоений и искажений настоящего ислама.

Тем самым выдвигается претензия на создание мощного консервативного политического потенциала, а это уже представляет некую непредсказуемость и зримую опасность в условиях усиления позиций ислама и исламских государств в мировом сообществе. Последнее безусловно обеспокоено ростом и укреплением позиций фундаментализма в таких странах, как Иран, Алжир, Судан, Египет, Афганистан, Пакистан и др. Даже в Боснии, входившей в недавнем прошлом в состав СФРЮ, насаждается религиозная нетерпимость, что создает угрозу появления экстремизма, фанатизма и фундаментализма в Европе.

Условий для широкого распространения и превращения в фактор мирового значения исламский фундаментализм не имеет, прежде всего в силу своей неспособности приспособиться к реалиям и принципам существования современного мира. Как представляется, в наше время ислам бессилён объединить все

мусульманские страны в одно государство лишь на основании религиозного единства, бесперспективны попытки исламского фундаментализма создать общество, стоящее выше расовых, лингвистических, экономических и политических границ, наподобие своего рода современного халифата. Происходящие в мире ислама интеграционные процессы вполне естественны и соответствуют мировым стандартам. И здесь ислам, как и прежде, гибко приспосабливается к изменяющимся социально-экономическим условиям и политическим обстоятельствам.

Учитывая изложенное, было бы весьма полезно и поучительно обратиться к истории колониальной экспансии и англо-русского соперничества в Центральной Азии. В контексте противостояния Англии и России невозможно обойти вниманием использование этими державами в своих интересах религиозных факторов, прежде всего индуистских и исламских. Актуальны также вопросы, связанные с трансформацией традиционных центральноазиатских обществ и приобщение их к западной цивилизации под воздействием колониализма.

Автор долгое время жил и работал в Средней Азии, преимущественно в Таджикистане и Узбекистане. Приходилось бывать в Туркменистане. Автор проявлял глубокий интерес к истории народов Центральной Азии, особенно уделял внимание изучению исмаилизма, распространенного в Горном Бадахшане, Синьцзяне, Афганистане, Иране и на Индостанском субконтиненте, чему и посвящена данная работа.

Глава I

АНГЛО-РУССКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ И СУДЬБЫ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ВОСТОКА*

Англо-русские отношения имеют многовековую историю. Известны периоды плодотворного сотрудничества, прежде всего в области торговли, политики и культуры, а также конфронтации вплоть до военных столкновений. К примеру, на протяжении всего XVIII в. русофильский характер английской дипломатии был традиционным, более того, к концу века открыто исповедуемым символом ее веры стало мнение Уильяма Питта, что “узы, связывающие Великобританию с Российской империей, созданы природой и нерушимы”⁴. Такая ориентация во внешней политике Англии вопреки её договорным обязательствам перед Швецией в немалой степени содействовала возвышению России до положения морской державы. Однако в определенных кругах тогдашнего английского общества этот внешнеполитический курс вызывал недоумение, раздражение и просто неприятие⁵. Именно в то время в Англии были впервые посеяны семена недоверия и подозрительности к России, которые пышным цветом расцвели во второй половине XIX в.

В XIX в. англо-русские отношения претерпевали глубокие изменения, в основном связанные с усилением колониальной экспансии Великобритании и России на Востоке. Их соперничество в этом обширном и весьма важном с геополитической точки зрения регионе давно стало достоянием истории, но последствия англо-русского

* Понятие Средний Восток (Туркестан, Бухара, Коканд, Хива, Восточный Иран, Белуджистан, Афганистан, Индия, Памир, Кашгария) сформировалось в результате англо-русского противоборства в Центральной Азии в XIX в. и нашло довольно широкое употребление в научной литературе и журналистике. В немалой степени этому способствовали труды лорда Джорджа Натаниела Керзона, который до своего назначения министром иностранных дел Великобритании был вице-королем Индии в 1899—1905 гг.

Вышеперечисленные страны и Индию, прежде всего северную и северо-западную, объединяли такие важные факторы, как религиозный (ислам, хотя и различных толков), этнический (подавляющее большинство персоязычного и тюркоязычного населения) и геополитический (непосредственная близость этих стран).

противостояния ощущаются и поныне. Достаточно упомянуть, что современные границы Афганистана и южная граница бывших советских среднеазиатских республик — Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана — были установлены именно в XIX в.

Основными мотивами как русских, так и английских завоевателей безусловно являлись торговые, экономические интересы и, конечно же, стратегические соображения, нацеленные на укрепление власти над уже захваченными территориями, прежде всего посредством демонстрации военной мощи. Англо-русское соперничество в Центральной Азии то разгоралось, то затухало и достигло апогея в последней трети XIX в., когда Англия и Россия оказались на грани военного конфликта из-за успешного продвижения русских войск в Туркменской степи, расположенной между Афганистаном и Каспийским морем (1885 г.)

Примечательно, что Британская и Российская империи в случае возникновения кризисных ситуаций в Центральной Азии всегда решали возникавшие противоречия путем переговоров, компромиссов, не доводя дело до вооруженных конфликтов. Правда, при этом они никогда не считались с национальными интересами народов, населявших центральноазиатские территории. Значительная часть афганцев, узбеков, таджиков и туркмен была искусственно лишена права на самоопределение и собственную государственность. К примеру, узбеки, таджики подвергались насильственному переселению на юг Афганистана с целью прервать их исторически сложившиеся связи с Бухарой. Пуштуны (патаны) северо-западной пограничной полосы до сих пор не имеют своей государственности.

Колониальные завоевания и захваты неизменно сопровождали наглая агрессия, беспримерная жестокость, разнузданный грабеж, насилие и попрание элементарных прав человека.

Резким осуждением и неприятием жестокости эпохи колониализма проникнуты полотна знаменитого русского живописца В.В.Верещагина, непосредственно наблюдавшего боевые действия русских войск в Средней Азии (1867—1870 гг.) и дважды побывавшего в Индии — в середине 70-х и начале 80-х годов прошлого века. На картине “Апофеоз войны”, многозначительно посвященной завоевателям прошлого, настоящего и будущего, изображена груда черепов под иссушающим безоблачным небом пустыни. Другая картина “Английская казнь в Индии” показывает жестокую расправу британских колонизаторов над участниками национального восстания 1857 — 1859 гг. в Индии. Между прочим, В.В.Верещагин в письмах к друзьям отмечал, что англичане с недоверием смотрят на всякого русского, путешествующего по Индии, и “просто

стыдно читать, что здесь пишут о России, русских, об их видах и намерениях”⁶.

Конечно, завоевание царской Россией Средней Азии сопровождалось социальным и национальным угнетением коренного населения, позорными деяниями и неоправданной жестокостью (например, карательная экспедиция против туркменского племени иомудов во время хивинского похода 1873 г.). Уничтожение иомудов совершалось по предписанию просвещенного туркестанского генерал-губернатора К.П.Кауфмана, решившего 10 июля 1873 г. предать кочевья иомудов и их семьи полному и совершенному разорению и истреблению. Чуть позже, в марте 1879 г., полковник Гродеков в представленном в Главный штаб объемистом докладе после своей поездки в Афганистан и Персию вполне серьезно настаивал на истреблении туркмен-текинцев в Ахале и Мерве из-за их разорительных набегов на соседей. Обосновывая этот по существу варварский план, Гродеков цинично утверждал, что “надлежащего результата можно добиться при условии действовать против текинцев так, как действовали против иомудов в 1873 г., т.е. беспощадно истребить всё попадающееся на пути... Туркмены — это черное пятно на земном шаре, это стыд человечеству, которое их терпит. Если торговцы неграми поставлены вне законов всех наций, то и туркмены должны быть поставлены в такое же положение. Что бы там ни писал Скайлер⁷ и К⁰ о жестокостях русских в иомудскую экспедицию 1873 г., во всяком случае приказ генерала Кауфмана об истреблении иомудов есть, по моему мнению, самый человеколюбивый акт, который когда-либо был издан, ибо он клонится к спасению и благополучию миллионов людей”⁸. Царское правительство и Главный штаб русской армии к их чести проигнорировали чудовищные в своей сущности предложения Гродекова.

Следует подчеркнуть, что русское господство, привнося с собой элементы просвещения, сыграло вполне определенную роль в разрушении средневекового застоя и замкнутости. Венгерский ученый и путешественник Арминий Вамбери, тесно связанный с английскими правящими кругами, которого трудно заподозрить в русофильстве, не без оснований писал: “Русское образование и культура ловкой рукой была пересажена в Среднюю Азию, в эту крепость дикого фанатизма, алчности и тирании. Завоевание русскими Туркестана было счастьем для населения этой страны. В этом должна сознаться даже Англия”⁹.

Своеобразие колониальной политики России заключалось в том, что она постоянно проявляла стремление к расширению сферы своего господства преимущественно за счет колонизации территорий и земель на её окраинах и интеграции населявших их народов

и народностей в орбиту своей хозяйственной деятельности. Сибирь, Украина, юг европейской территории России, Кавказ, Средняя Азия и т.д. были как бы колониями, сырьевыми придатками Российской империи, обеспечивающими ей развитие капитализма, в особенности после отмены крепостного права в 1861 г. Завоевание Средней Азии также стало средством расширения российского рынка. Последнее без каких бы то ни было оговорок следует относить лишь к 90-м — 900-м гг.

Однако первоначальные побудительные мотивы к завоеванию Средней Азии были вызваны совсем иными причинами. На протяжении двух с половиной веков на Востоке дикие орды кочевников разбивались о незыблемую мощь русского народа, избавившего себя, а вместе с тем и Европу от ужасов нашествия нецивилизованных народов, как некогда орд Атиллы и Батыея. Об этом в Европе мало известно, да ей и не было дела до России и её забот.

От кочевников приходилось защищаться устройством длинных оборонительных линий от Оренбурга до Омска, Семипалатинска и далее. В XIX столетии были приняты меры к более действенному подчинению степняков русской власти. В степях, на удобных местах, строились укрепления, вокруг которых основывались русские поселения. Таким образом власть России постепенно распространялась на громадное пространство.

Быстрые шаги России в Средней Азии во второй половине XIX в. были вызваны законным стремлением пресечь регулярные разбойничьи набеги кокандцев, хивинцев, туркмен и др. на пограничные российские губернии и положить конец захвату русских людей в плен и продажу их в неволю, а также разграблению русских торговых караванов.

Продвижение русских в Средней Азии стимулировала также деятельность английских эмиссаров в Бухаре, Коканде, Хиве и т.д. Следует отметить, что с начала 30-х гг. в Оренбурге обосновалась английская евангелическая миссия под предлогом проповеди христианства среди туземцев, однако никого из них евангелисты в свою веру не обратили, а занимались шпионажем, сношениями с Хивой и Бухарой и возбуждением их против России¹⁰. Беспокоила Россию и позиция Бухары, которая в 1867 г. предпринимала попытки к созданию большой мусульманской коалиции против России, в состав которой, по мнению бухарского эмира, должны были войти Коканд, Кашгар, Афганистан, Хива.

Поразителен двойственный характер политики Петербурга в отношении новых территориальных приобретений в Центральной Азии: с одной стороны, давались рекомендации воздерживаться от них, а с другой, начальникам отрядов предоставлялась свобода дей-

ствий. Результаты же их предприимчивости признавались достоинством истории как совершившийся факт, а предприимчивый первопроходец вслед за замечанием получал награду.

Умудренная опытом покорения Кавказа, Россия, в отличие от Англии, не стремилась к уничтожению устоев и традиций среднеазиатского общества и сразу же приступила к освоению вновь завоеванных территорий. Много было сделано для преодоления невежества и фанатизма, открывались туземные школы, гимназии, создавались библиотеки, молодежь из знатных семей направлялась для обучения в Петербург, принимались меры к развитию лесоводства, шелководства, рисоводства и, конечно, хлопководства, издавались законы, не противоречившие шариату, в частности, мусульманскому земельному праву. Были созданы условия для перехода кочевников в оседлое состояние. Для этого они освобождались от податей в течение пяти лет и пожизненно — от воинской обязанности (этот порядок действовал с 1868 по 1891 г.).

Немалая заслуга в развитии края принадлежала генерал-губернатору К.П.Кауфману (1867 — 1881 гг.). Это был неординарный человек, к тому же наделенный огромными политическими полномочиями, включая ведение переговоров и заключение трактатов со всеми среднеазиатскими ханами и независимыми владетелями. Народ тотчас придумал соответствующий такой власти титул Ярым Падишах, то есть полуцарь. Его преемникам такого титула уже не давали. В своей политической деятельности он руководствовался следующими принципами: неизменная правдивость, твердость и умеренность. А это ценят как на Востоке, так и на Западе.

Россия внесла большой вклад в развитие ирригации и хлопководства в крае. В 1880 г. в Туркестане было 1137000 десятин орошаемых земель, а в 1893 г. стало 1617360. В 1880 г. производилось 88 тысяч пудов хлопка, а в 1893 г. — 2204000 пудов.

В 1881 г. в связи с ахал-текинским походом началось строительство Закаспийской железной дороги. В 1887 г. на Аму-Дарье было учреждено пароходство и проведена железная дорога от Чарджоу до Самарканда. В 1896 г. построена Самаркандско-Андижанская железная дорога, прорезавшая всю Ферганскую долину. В 1900 г. была закончена кушкинская ветвь, а в начале XX в. железная дорога соединила Ташкент с Оренбургом. К этому времени Средняя Азия превратилась в обширный рынок сырья и сбыта российских товаров¹¹.

Но путь к этому был долгий и тернистый. Он был отмечен не только благими делами и героическими поступками. Антирусские выступления и восстания местного населения, мощное противодействие Англии, опасавшейся за свои ост-индские владения, и т.п. —

все это сопровождалось борьбой, кровопролитием и имело драматические последствия для мирного населения.

Британская же колониальная система создавалась путем захватов территорий на других континентах — в Америке, Азии, Австралии и Африке. В одной из книг, изданной в Санкт-Петербурге в середине XIX в., экспансия британских колонизаторов довольно точно охарактеризована следующим образом: «Стоило Англии ступить ногою на какую-нибудь землю, на какой-нибудь берег, чтобы никогда уже не покидать ее: с этой минуты она постепенно начинает развиваться, подаваться вперед, ежедневно отрезывать участок за участком, обирать последовательно целые народонаселения, уничтожать или угнетать их, так ловко, так повсеместно обвивает она ветвями своими ту почву, на которой единожды навсегда водворилась, что решительно вытесняет туземцев и сама же начинает вопиять о помощи, о захватах, когда эти народы требуют от нее достоинства отцов своих!»¹²

Подобным образом действовала и английская Ост-Индская компания. Первоначально она закрепилась на побережье Индийского океана, построив там фактории (ок. 1600г.), а затем постоянно расширяла зону своего влияния и свободу действий. При поддержке метрополии английским купцам удалось административно организоваться и укрепиться; право вести войны и содержать армию ставило компанию в положение могущественной силы, вполне сопоставимой с местными государственными образованиями. Именно такого рода динамика служила важной основой для постепенной трансформации колониальной торговли в колониальную экспансию политико-экономического характера, что ощущалось в Индии уже в XVIII в. Собственно говоря, Ост-Индская компания стала административным костяком английского колониализма в Индии.

Вынужденное признание Англией независимости североамериканских колоний в 1782 г., несомненно, свидетельствовало о кризисе колониальной стратегии её правящих кругов и привело к появлению новых акцентов в британской колониальной политике, изменению статуса Ост-Индской компании. Акт Питта 1784 г. превратил её в послушный инструмент правительства Великобритании. Это придал британской агрессии на Индостанском субконтиненте новые импульсы. Именно с этого времени с помощью британского флота и британских войск владения Компании стали расти как на дрожжах.

Если царизм осуществлял захват территорий, угнетение и насилие под предлогом просвещения и освобождения народов, то Великобритания разыгрывала роль естественного союзника, благожелательного посредника, решительного противника вторжения русских и истинного защитника ислама.

К середине XIX в., за сравнительно короткий исторический период, английские колонизаторы оказались обладателями обширнейших территорий с их многомиллионным населением и колоссальными природными богатствами в Южной, Центральной, Северо-Западной и Северо-Восточной Индии, включая некоторые сопредельные с нею страны (Бирма, Непал и т.д.). К тому же Англии удалось избавиться от французской колониальной конкуренции и укрепить свои стратегические позиции в Индии и Иране. А ведь были времена, когда “калькуттские торгаши” трепетали перед комбинацией: Франция, Персия, Афганистан¹³. С присущим Наполеону размахом он разрабатывал операцию, связанную с походом на Индию, и даже предпринял успешную попытку по привлечению к этому походу России при Павле I.

Эмиссары Наполеона Жобер, Ж.де Лабланш, Бонтан, генерал Гардан находились в Персии и разрабатывали детали операции. Конечно, замысел был грандиозным, но нереальным применительно к условиям того времени.

Именно с тех пор Англия стала настороженно относиться к действиям России на Востоке. Ну, а пока благоприятный для англичан разворот событий в связи с поражением Франции в эпоху наполеоновских войн повлек за собой вытеснение последней из Индии. Причем британская армия даже не появилась на главном театре войны вплоть до битвы при Ватерлоо в 1815 г. Так что у британцев было достаточно сил и времени для укрепления своих позиций на Востоке¹⁴.

Осуществляя экспансию на Индостанском субконтиненте, британские колонизаторы искусно придерживались хорошо известного принципа “divide et impera” (“разделяй и властвуй”) и были органически не способны уступить кому-либо что-то, даже фактически не принадлежавшее им, не добившись для себя привилегий и не получив значительной компенсации. Ни в коем случае нельзя забывать и об огромном перевесе военно-экономической организации Англии над феодальной государственностью в Индии.

К моменту начала колонизации Индии там сложилась ситуация политической ослабленности государства и его административной, социально-политической системы с разрозненными, внутренне слабыми княжествами и относительно небольшими государствами-владениями, усугубленная кризисом и фактическим распадом империи Великих Моголов. Это породило феномен политического полицентризма и ожесточенные усобицы претендентов на общеиндийский престол, что в немалой степени помогло англичанам быстро овладеть Индией и укрепить свое владычество. К.Маркс справедливо отмечал: “Неограниченная власть великого могола была свергну-

та его наместниками. Могущество маратхов было сломлено афганцами, и пока все воевали против всех, нагрянул британец и сумел покорить их всех. Страна, где существует рознь не только между мусульманами и индусами, но между одним племенем и другим, между одной кастой и другой; общество, весь остов которого покоится на своего рода равновесии, обусловленном всеобщим взаимным отталкиванием и органической обособленностью всех его членов, — разве такая страна и такое общество не были обречены на то, чтобы стать добычей завоевателя?”¹⁵ Индия и оказалась сравнительно легкой добычей англичан, быстрыми темпами упрочивавших свое политическое господство.

При этом им приходилось действовать с учетом сложившейся религиозной ситуации в этом регионе. Возникший около V в. нашей эры индуизм всегда сохранял и внушительно демонстрировал свою внутреннюю силу, величественное достоинство издревле существующей и практически непоколебимой гигантской системы, с чем не могли считаться внешние силы. Первичный индуистский фундамент оказался необычайно прочным с точки зрения социальной общинно-кастовой его структуры и всегда оказывал, хотя и пассивное, но трудно преодолимое сопротивление давлению извне, будь то мусульманские падишахи или английские колонизаторы.

Ислам в Индии оказался частью огромного социума и находился под смягчающим воздействием индуизма. Этот уникальный факт индуистско-мусульманского симбиоза не мог не ослабить традиционной структуры Индии, что было на руку колониализму¹⁶.

Англичанами практиковались не только прямые вооруженные захваты новых территорий, но и подкуп, шантаж, дипломатическое давление, установление протектората над независимыми государствами Индостана, субсидарные договоры с ними.

Особенно жестокой была система субсидарных договоров, отработанная Ост-Индской компанией. Местные индийские государства и княжества фактически переставали существовать с того момента, как они оказывались опутанными субсидарными договорами. Для выполнения взятых на себя обязательств местные князья и государи всех рангов — султаны, эмиры, навабы, мехтары, сардары и пр. были вынуждены занимать у англичан огромные суммы под ростовщические проценты. “Когда их затруднения достигали высшей точки, кредитор становился неумолим, ”винт закручивался”, и князьям оставалось лишь уступать путем “полюбовной сделки” свои территории Компании, либо начинать войну. В первом случае они становились пенсионерами своих узурпаторов, во втором — лишались престола как изменники”. По образному определению одного из английских авторов, это была система откармливания союзни-

ков, как быков, прежде чем их съесть. Деятельность Ост-Индской компании по окончательному поглощению либо аннексии индийских государств была в корне преступной и в высшей степени аморальной, безнравственной. Именно тогда на Востоке утвердилось мнение о невозможности доверять “советам нации жадных купцов, которая торгует в Индии жизнью и коронами государей”¹⁷.

Англия также широко использовала в своих целях междоусобную борьбу, феодальную раздробленность и изолированность индийских владений, недалёковидность, алчность, соглашательство, а подчас и предательство, забвение правителями интересов собственных государств и народов.

Чтобы закрепить в Индии, Британия в полной мере учитывала политический и религиозный антагонизм, основанный на племенных различиях, усугубленный историческими традициями, поддерживаемый взаимными претензиями и пограничными распрями.

Таким образом, англичане довольно легко и при минимальных для себя потерях упрочили свои позиции в Индии не столько благодаря испытанной тактике “разделяй и властвуй”, но едва ли не в первую очередь потому, что задававшая тон в стране индуистская традиция была безразлична к политической власти и весьма терпима к инакомыслию.

Несмотря на аморфность и некую рыхлость, индуизм как мировоззренческая система большинства индийцев отличается глубиной религиозно-философской мысли, традиционно чужд насилию и активному протесту. Он всегда готов принять в свое лоно всех чужих и заблудших — от индийских джайнов, буддистов или сикхов¹⁸ до мусульман. И, наконец, индуизм практически безразличен к власти и государству.

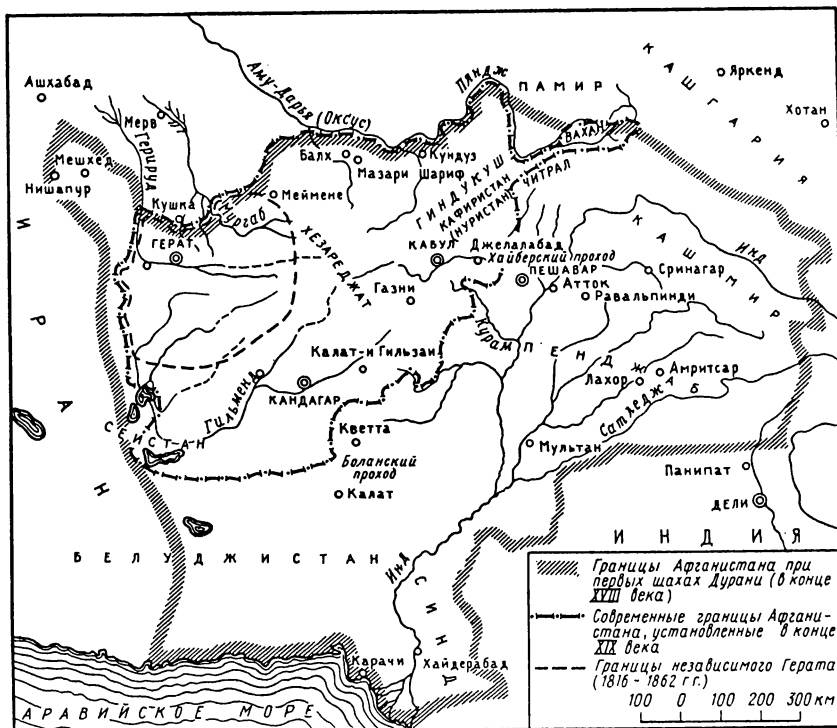
Это в значительной степени облегчало задачу колониального завоевания и покорения Индии.

Получив важные политические и стратегические преимущества в Индии, Великобритания продолжила наступательное движение в направлении Афганистана, Ирана, бассейна Каспийского моря и Туркестана. Причем всегда предварительно предпринимались активные попытки к сбору подробных военно-географических, топографических и иных разведывательных сведений.

Стремление Англии к установлению политического контроля над Афганистаном и даже захвату его вполне объяснимо. Политическое значение этой страны в делах Центральной Азии заключается в её географическом положении. Через Афганистан пролегали пути, ведущие в Индию и Туркестан. Ещё в XVI в. Абу-Фазль-и-Аллами, историк, сподвижник и министр третьего падишаха из династии Великих Моголов Акбара, отмечал: “И какая из европейских стран ов-

ладает Афганистаном, та утвердит свое господство над всей этой частью земного шара”¹⁹.

Для противодействия осуществлению французских планов на Среднем Востоке еще в 1809 г. Англия направила в Афганистан посольство во главе с М.Эльфинстоном и тем самым сделала первую попытку привлечь его на свою сторону.

Границы Афганистана при первых шахах Дурани (в конце XVIII века)

С тех пор Афганистан стал объектом пристального внимания англичан. В 1810 — 1833 гг. в разведывательных целях под видом торговцев и путешественников Афганистан посетили Муркрофт, Стирлинг, А.Конолли, А.Бернс, Ч.Мессон и др. Добытые ими политические и экономические сведения, в том числе о путях, ведущих в Иран и Туркестан, вызвали еще больший интерес британских властей к этой стране.

В начале XIX в. в период междоусобиц и раздоров между сардарами Садозаев и Баркзаев Афганистан неоднократно подвергался расчленению и от него навсегда были отторгнуты Кашмир, Мультиан, Дераджат и возникла угроза Пешавару (1818 г.).

Лишь в 1827 г. Дост-Мухаммед стал правителем Кабула, Газни и Кухистана, а его братья — баракзайские сардары получили во владение Пешавар и Кандагар.

В это время британские колонизаторы, искусно маневрируя, побуждали махараджу Пенджаба Ранджит Сингха к захвату Пешавара и других афганских земель.

Как раз в 1827 г. при дворе сардара Дост-Мухаммеда в Кабуле появился некий Сеид Ахмад, который провоцировал на войну с сикхами, что было выгодно англичанам, так как отвлекало внимание афганцев от борьбы за возврат Синда.

До настоящего времени истинная роль Сеид Ахмада (1786—1831 гг.) не ясна. Известно только, что в молодости он служил в английской артиллерии, впоследствии оставил военную службу у англичан, принял сан шейха, затем основал в Дели секту вахаббитов²⁰, объявил себя посланником Аллаха-махди, прибыл через Аравию в Афганистан и стал призывать к священной войне против сикхов. Ему удалось привлечь на свою сторону некоторые афганские племена, в частности юсуфзаев, а затем он ввязался в борьбу с пешаварскими сардарами, что было выгодно Ранджит Сингху и Англии и в конечном итоге привело к потере Пешавара для Афганистана.

К тому времени парламентский акт, принятый в 1833г., еще более ограничил функции Ост-индской компании, оставив за ней статус административной организации, практически управлявшей Индией, но уже под очень строгим надзором лондонского Контрольного совета. Индия шаг за шагом все очевиднее становилась колонией Великобритании, превращалась в часть Британской империи, в жемчужину ее короны.

Такое неординарное парламентское решение объяснялось тем, что Индия стала первым и по существу единственным колониальным государством столь крупного масштаба, точнее группой государств, объединенных общностью социально-кастовых принципов внутри ее структуры, религиозной традицией и цивилизацией.

Получив титул эмира, Дост-Мухаммед обращается к англичанам по вопросу возвращения Пешавара Афганистану. Однако от генерал-губернатора Индии лорда Окленда поступил недвусмысленный и предельно ясный ответ (август 1836 г.) : “Принципы британского правительства не позволяют ему вмешиваться в дела других государств”²¹.

Англия не желала возрождения сильного Афганистана в непосредственной близости у границ своих индийских владений.

Вскоре развернулись примечательные события вокруг незави-

симого Гератского княжества, которые были следствием обострения не только ирано-афганских, но и англо-русских противоречий. Более того, они являлись предвестниками наступления эры конфронтации между Англией и Россией в центральноазиатском регионе.

Осада Герата персидскими войсками (ноябрь 1837 г. — сентябрь 1838 г.) была спровоцирована Россией. Сама по себе борьба за Герат была ординарным событием в истории персидско-афганских отношений. Кстати, Гератское княжество оставалось самостоятельным вплоть до 1862 г., когда Дост-Мухаммеду удалось присоединить его к своим владениям.

Как известно, Герат — центр обширного региона, лежащего между Персидским заливом, Каспийским морем и рекой Инд, один из важнейших стратегических пунктов на Среднем Востоке, обладание которым чрезвычайно выгодно как для наступления на Индию со стороны Ирана и Туркестана, так и из Индии к берегам Каспия. Между прочим, в большинстве английских и русских источников приводятся крылатые слова “Герат — ключ к Индии”, но весьма редко указывается на его значение как “ключа к Каспийскому морю”. А ведь местность Гератского оазиса представляла больше преимуществ для продвижения к берегам Каспия, чем в направлении Индии²².

Англия не могла допустить усиления влияния России и Ирана в этом районе. И совсем не случайно защитой Герата руководил английский артиллерийский офицер Э.Поттинджер²³, обладавший опытом разведывательной работы на Востоке, в частности, в Синде и Белуджистане, а его осадой — полковник царской армии Бларамберг.

Еще до начала осады Герата Англия установила прямой контакт с эмиром Дост-Мухаммедом, направив в Кабул своего официального представителя Александра Бернса с группой из трех офицеров с целью отдалить эмира и кандагарских сардаров от Ирана и России и склонить их на сторону Англии.

Тем временем в Афганистан прибыл русский дипломатический агент поручик В.И.Виткевич, находившийся в распоряжении русского представителя в Персии полковника графа Симонича, с целью выяснить обстановку и не допустить англо-афганского сближения, направленного против России и Ирана. Он вел переговоры о заключении договора между Ираном, Кабульским и Кандагарским княжествами под общей гарантией России. Из перехваченного английскими шпионами письма Виткевича на имя графа Симонича явствует, что Дост-Мухаммед заявил ему о невозможности заключения союза на том основании, что еще ранее он обещал англичанам оказать помощь правителю Герата²⁴.

Дост Мухаммед-хан

Под сильнейшим военным и дипломатическим нажимом англичан осада Герата была снята 9 сентября 1838 г.; Виткевич дезавуирован министерством иностранных дел России, не пожелавшим пойти на риск конфликта с Англией из-за афганских дел. Виткевич внезапно скончался при весьма загадочных обстоятельствах в одной из петербургских гостиниц, причем исчезла масса ценных материалов.

Именно тогда царская Россия неплохо усвоила, что любого рода действия, предпринятые на подступах к Индии, — эффективное средство давления на британскую дипломатию с целью добиться уступок в европейских и ближневосточных делах. И Россия неоднократно прибегала к этому средству.

Военно-политическая активность Англии во время гератских событий предвещала новый виток колониальной экспансии в Центральной Азии. И, действительно, англичане, не удовлетворившись тем, что им удалось пресечь попытки Ирана овладеть Гератским оазисом, решили захватить весь Афганистан для себя. О начале военных действий против Афганистана было объявлено 1 октября 1838 г., то есть спустя почти месяц после снятия осады Герата. Это означало, что Англия решила перенести свои форпосты с берегов Инда, который до тех пор был границей ее экспансии в Западной Индии, до Гиндукуша и, более того, распространить свое влияние до реки Аму-Дарья.

Предлогом для вторжения послужило обвинение эмира Дост-Мухаммеда в заговоре с Ираном и Россией, и оккупация Афганистана оправдывалась как средство противодействия русским интригам в Центральной Азии. Обвинения в интригах и сговоре с Ираном и Россией против англичан, возводимые английским генерал-губернатором на кабульского эмира, были совершенно не обоснованы, более того, лживы.

Лорд Окленд знал, что направление в Афганистан Виткевича являлось простой демонстрацией, подобно тем, какие устраивали сами англичане. Все призывы и просьбы А.Бернса оказать помощь Дост-Мухаммеду во время иранских событий остались без внимания: англичане не собирались брать на себя какие-либо обязательства. Эмир вступил в контакт с Виткевичем по совету А.Бернса и не предпринимал против англичан каких-либо шагов ни прямо, ни косвенно. Об этом свидетельствовало письмо эмира, переданное с А.Бернсом: “ Я сообщил вам о планах шаха Ирана и о том, что это ”дружественное“ государство намерено сохранить за собой захваченные территории. В течение долгого времени я надеялся на Вашу помощь и сочувствие. Вам известно, что народ Афганистана возлагал на Англию большие надежды. Эти надежды зародились в нем со

дня прибытия к афганскому двору Эльфинстона и заключения договора о взаимной обороне и совместных действиях. Когда Бернс увидел, что народ Афганистана отчаялся в своих ожиданиях, а сам он не имеет от Вас никаких полномочий, чтобы удовлетворить эти чаяния, он решил выехать из Афганистана. И я его удерживал. Бернс сам сообщит Вам подробности. До сих пор многие пользовались милостью Англии. И если наши упования оказались напрасными, то дело здесь не в желании Англии, а просто такова уж, видно, наша злая судьба”²⁵.

И “милости” не замедлили воспоследовать. Английские войска вторглись в пределы Афганистана и захватили Кандагар, Газни, Кабул, Желалабад. Осуществлению замыслов англичан благоприятствовало внутривнутриполитическое положение в стране (феодалная раздробленность, междоусобные распри). Правда, в 1839 г. они были серьезно обеспокоены известием о военной экспедиции Оренбургского генерал-губернатора В.А.Перовского на Хиву. Хотя этот русский поход был неудачным, но сообщение о нем очень нервировало английских интервентов. И дурные предчувствия их не обманули.

Здесь уместно сказать несколько слов об экспедиции Перовского. Цель хивинского похода заключалась в понуждении хана выдать всех русских пленных, обращенных в рабство, и предоставить караванной торговле российских купцов полную свободу. В марте 1839 г. Перовскому особо указывалось: “Отложить самый поход до окончания дел Англии в Афганистане, дабы влияние или впечатлительные действий наших в Средней Азии имело более веса и дабы Англия, собственными завоеваниями своими, лишила себя права беспокоить правительство наше требованием разных объяснений”²⁶. Однако Перовский не внял этому совету и поспешил с походом. Его экспедиция в Хиву (1839—1840 гг.), впрочем как и ахал-текинская (1879 г.), не удалась главным образом из-за того, что предварительно не была серьезно выяснена обстановка. Эта неосведомленность обошлась России в 9 миллионов рублей.

Вторгаясь в Афганистан, Англия не учитывала особого, свободолюбивого характера отважных афганцев, их фанатическую любовь к родине и свободе. Эта основная черта народа прочно объединяет его в минуты военной опасности для родины. Против оккупантов развернулось мощное вооруженное народное восстание. В результате его английская оккупационная армия (почти 18 тыс. человек) была полностью истреблена, за исключением одного человека (чудом удалось избежать гибели доктору Брайдону).

Генерал-губернатор Британской Индии лорд Окленд дал исчерпывающую оценку происходившим событиям в одном из своих писем за 1842 г.: “С самого начала оккупации Кабула начались бес-

порядки и волнения ... Эта революция (ибо точнее было бы назвать это революцией, чем мятежом) повлекла за собой весьма печальные последствия и в конце концов привела к разгрому и уничтожению большого числа английских войск, что является невиданной в истории Индии катастрофой. Все это было следствием всеобщего сопротивления афганцев, которое завершилось объединением афганского народа против нас и вылилось в такую войну, которая была одновременно и религиозной, и национальной".

Участник событий, крупный военный деятель Г. Дюранд с горечью писал: "За всю историю войн в Индии величие Англии и чести нашего оружия еще никогда не был нанесен столь чувствительный удар, ... укрепивший надежды всех противников английского господства на Востоке"²⁷.

Разгром и уничтожение этой английской армии (а все потери Англии в первой англо-афганской войне 1838 — 1842 гг. составили 30 тыс. человек, военные расходы — 15 млн. фунтов стерлингов)²⁸ остались в памяти потомков как невиданная катастрофа в истории покорения Индии британскими колонизаторами.

Неудачи в Афганистане и продвижение России в Средней Азии явились одной из причин, побудивших Англию к участию в Крымской войне 1854 — 1855 гг.

Тем не менее Англия не оставила мысли о дальнейшей агрессии в направлении Афганистана и Средней Азии. Первая англо-афганская война вскрыла слабые, уязвимые места в обороне британских владений в Индии и заставила британцев укреплять их позиции на подступах к Афганистану.

Завершая завоевание Индии, англичане в 1843 г. аннексировали Синд, а в 1846 — 1849 гг. захватили Пенджаб вместе с Пешаваром и другими искони афганскими землями (Мульта, Дареджат, Кохат, Банну и др.). Тем самым они вплотную приблизились к Афганистану, завершая процесс превращения Индии в английскую колонию. Это был важный рубеж в истории завоевания Индии. "С завоеванием Синда и Пенджаба, — отмечал К.Маркс, — англо-индийская империя не только достигла своих естественных границ, но и стерла последние следы независимых индийских государств"²⁹.

Таким образом, "британское владычество было окончательно установлено в пределах этнографических, политических и военных границ всего ост-индского континента"³⁰.

Именно с середины XIX в. Индию стали называть "жемчужинной британской короной". В 1851 — 1856 гг. Англия, в целях подчинения независимых племен своей власти, организовала несколько военных экспедиций в пограничную полосу проживания момандов, тури, ширани и других племен.

К середине XIX в. британское колониальное владычество причинило народам Индии несоизмеримо более глубокие бедствия, нежели все вместе взятые, перенесенные ими ранее. Причем Англия не обнаруживала никаких попыток к преобразованию индийского общества. Потеря старого мира без приобретения нового и придавала бедствиям населения Индии особенно удручающий характер. Безжалостное разрушение устоев и традиций индийского общества, оставшихся неизменными с самой отдаленной древности до начала XIX в., которое сопровождалось неограниченным произволом англичан и полным бесправием индийцев, а также тупостью и безмерной ограниченностью колониальной администрации, вся деятельность которой была проникнута исключительно духом наживы и преследовала низменные цели, — все это привело к социальному взрыву³¹.

Не следует забывать, что Индия в доколониальный период была во многих отношениях не менее процветающей, чем Европа. Колониализм коренным образом деформировал структуру страны где-то на рубеже XVIII—XIX вв.

Машинная индустрия, совершившая подлинную революцию в мировом хозяйстве, способствовала крутой ломке и энергичной трансформации внутренней структуры Индии, наводненной английскими промышленными товарами.

Эти факторы вели к интенсивной колонизации страны, к превращению ее в аграрно-сырьевой придаток Англии, к разорению ремесленников и крестьян, к усилению налогового гнета, к страданиям многих людей. Силовое вмешательство английских колонизаторов в сложившиеся земельные отношения, введение ими в конце XVIII — начале XIX в. земельно-налоговых систем заминдари и райятвари не могли не сказаться на состоянии традиционной индийской структуры в целом. Индия стояла на пороге социальных потрясений.

В 1857—1859 гг. в Индии разразилось грандиозное национальное восстание. Кстати, эмир Дост-Мухаммед еще раз доказал свою лояльность по отношению к британцам и строго соблюдал нейтралитет, хотя для Афганистана открывались благоприятные возможности для возвращения афганских земель. Во главе антибританского индийского восстания встали не униженные и ограбленные англичанами крестьяне и ремесленники, а выхолненные, откормленные и избалованные английскими подачками сипаи. Подавление индийского национального восстания было равносильно вторичному завоеванию Индии и не усилило власти Англии над умами индийского народа³². И не только. Восстание, несмотря на его поражение,

серьезно подорвало престиж Британской империи на Востоке, существенным образом повлияло на темпы английской колониальной экспансии в Центральной Азии и заставило британцев временно прибегнуть к политике закрытой границы (close border policy) в целях реорганизации военных и гражданских структур по управлению Индией. Для этого британским колонизаторам понадобилось более 15 лет.

Справедливо оценив восстание как мощный народный взрыв недовольства не только правлением колонизаторов, но и грубым разрушением традиционных форм существования многих слоев индийского общества, английские колониальные власти пришли к выводу, что резкая насильственная ломка здесь неприемлема и ее следует заменить постепенной и тщательно продуманной трансформацией, ориентируясь, естественно, на европейскую модель.

В августе 1858 г. появился закон, согласно которому Ост-Индская компания была ликвидирована, Индия стала составной частью Британской империи и государственная власть в ней перешла к представителю Англии в статусе вице-короля, назначаемого Лондоном и обязанного действовать под непосредственным контролем парламента и министерства по делам Индии. Королева Виктория была провозглашена императрицей Индии, ставшей в полном смысле колонией Великобритании, жемчужиной британской короны. Вслед за тем последовал ряд важных реформ, в том числе закон об организации законосовещательных Индийских Советов при вице-короле и губернаторах провинций, куда назначались и индийцы.

Именно в этот период Англия стала уделять больше внимания подготовке европейски образованных туземцев, преимущественно из местных правящих кругов и высших слоев тогдашнего индийского общества. Дети князей, брахманов и т.п. обучались в созданных англичанами колледжах с преподаванием на английском языке и по английским программам и направлялись на учебу в английские университеты — Оксфорд, Кембридж и др. Воспитание по английской модели не могло оказывать на них воздействия.

Получая европейское образование, они жадно перенимали достижения науки и культуры и были готовы сотрудничать с английской колониальной администрацией. Из этой среды подбирались надежные помощники и проводники колониальной политики. Не секрет, что в XIX в. немногочисленные слои социальных верхов Индии находили общий язык с колониальными властями и пользовались существенной поддержкой с их стороны.

Так было положено начало проникновению в Индию европейских идей, идеалов, знаний и опыта. Ограниченный круг представителей социальных верхов и индийских интеллектуалов ознакомился с европейскими науками, искусством, культурой и образом жизни.

Английские колонизаторы навсегда запомнили уроки, преподанные индийским национальным восстанием. В последующем они учитывали нарастающее сопротивление индийского общества и стремились погасить его, идя время от времени на необходимые уступки. Они довольно умело готовили почву для таких трансформаций в обществе, которые при господстве малоизменяющейся структуры Индии в целом все же сделали бы возможным сближение ее в ряде аспектов с британскими стандартами в образе жизни, системе образования, политики, администрации и т.п.

Осуществив коренную реформу управления Индией, Англия начала формировать инфраструктуру (включая строительство дорог), необходимую ей для рыночной эксплуатации Индии и дальнейшего продвижения в Центральной Азии.

Лишь с середины 70-х годов Англия смогла приступить к проведению пресловутой наступательной политики (forward policy).

В 1858 г. Индия окончательно перешла из-под власти Ост-Индской компании под непосредственное управление короны, в связи с чем в обращении к индийскому народу, оглашенном на дурбаре в Аллахабаде 1 ноября 1858 г., королева возвестила: "По отношению туземцев наших индийских территорий мы признаем себя связанными теми же обязательствами, как и по отношению ко всем остальным нашим подданным... мы желаем, дабы наши подданные независимо от племени и религии допускались бы свободно и беспристрастно ко всякой в нашей службе должности, отправлять которую надлежащим образом они будут признаны достойными по их качествам, способности и честности"³³. В нем было много лицемерия и фальши, что подтверждают последующие события. Например, в первые три четверти XIX в. голод посещал Индию 13 раз, а в последней четверти она переживала голод уже 18 раз. За время владычества британцев голод возвращался все чаще, размеры его становились ужаснее и шире, от него гибли миллионы людей. Истинная причина голода заключалась ни в недороде или недостатке дождей, ни в приросте населения, ни в крайней, невероятной, ужасающей бедности народа, а полнейшем экономическом истощении Индии по милости англичан³⁴.

Получив независимость, Индия в короткий исторический срок добилась полной самостоятельности в обеспечении продовольствием, накопила резервные запасы продовольствия и уже не страшится голода.

Концепция наступательной политики ни в коей мере не вписывалась в рамки складывающихся в то время англо-русских отношений. К концу 60-х годов у многих высших чиновников англо-индийской администрации сложилось вполне определенное мнение о

нецелесообразности выдвижения уже существовавших к тому времени форпостов, связанных с обороной колониальных владений в Индии, так как это было нерационально с точки зрения военной, финансовой и политической.

В частности, вице-король Индии Джон Лоуренс (1864—1869) считал, что опасность русского наступления на Индию чрезмерно преувеличена и предлагал уладить противоречия между обеими державами мирным, дипломатическим путем.

Его преемник лорд Мэйо на первых порах также разделял его точку зрения и полагал, что следует отбросить в сторону взаимное недоверие и подозрительность и тогда не будет никаких оснований для столкновения англо-русских интересов в Азии. К тому времени британской дипломатии стало очевидно, что Россия стремилась избежать вовлечения в военный конфликт с Англией из-за среднеазиатских дел.

В 1869 г. по инициативе английской стороны в Санкт-Петербурге начались переговоры о разграничении сфер влияния в Средней Азии с учетом успешного продвижения русских войск в этом регионе. (В 1865 г. русские войска вступили в Ташкент, в 1868 г. заняли Самарканд и подчинили Бухару)

Переговоры проходили непросто и долго. В частности, министр иностранных дел России А.М. Горчаков внес предложение о признании независимости Афганистана под общей гарантией Англии и России, хотя ему было хорошо известно о фактической зависимости его от Англии еще с 1855 г. Последняя категорически отвергла это предложение, усмотрев в нем посягательство на ее права. Горчаков и не рассчитывал на согласие англичан; ему было важнее ограничить любым способом английское влияние на среднеазиатские дела. И эта задача была успешно решена.

19/31 января 1873 г. вступили в законную силу англо-русские договоренности о северной границе Афганистана по реке Аму-Дарье, согласно которым Россия признавала власть афганского эмира над Южным Туркестаном и Бадахшаном. Она добровольно отказывалась от земель, населенных узбеками и таджиками. С политической точки зрения это соглашение было неудачным для России. Предельной линией ее наступательных операций оказалась Аму-Дарья, которая никогда ранее не служила этнографическим рубежом и политической границей для крупных государств. Продвижение России в Средней Азии как бы повисло в воздухе. Тем не менее один из весьма сведущих историков генерал-лейтенант царской армии М.А.Терентьев не без удовлетворения отмечал: “Провозгласив полную свободу действий в Средней Азии с обещанием, насколько это возможно, не подходить к границам Индии, Горчаков, наконец, вышел на настоящую дорогу”.³⁵

И британская дипломатия могла торжествовать, ведь ее усилия в значительной степени были направлены на то, чтобы обратить энергию афганских эмиров на север. Поощряемый англичанами Афганистан задолго до разграничения 1873 г. приступил к покорению мелких владений, ранее подвластных Бухаре и Хиве, расположенных между Гиндукушем и Аму-Дарьей—Меймене, Андхой, Мазари-Шериф, Балх, Акча, Шеберган, Хульм (Таш-Курган), Кундуз, Баглан, Гури (Катаган), Талекан (Бадахшан) и др. Такая тактика позволяла Англии отвлекать внимание афганских эмиров от Северной Индии. К тому же расширение границ их владений за счет Южного Туркестана казалось Англии весьма выгодным, так как британские политики смотрели на Афганистан как на свою будущую колонию. Договоренности 1873 г. официально зафиксировали принадлежность Южного Туркестана и Бадахшана Афганистану. Между прочим, трезво мыслящие английские государственные и общественные деятели прекрасно понимали, что царское правительство ставило перед собой в Средней Азии только реально выполнимые, ограниченные задачи, что Россия весьма далека от планов вторжения в Индию, а любые утверждения об опасности русского наступления в направлении Индии чрезмерно преувеличены.

В 1873 г. намечалось англо-русское согласие и понимание того, что соперничество нельзя сводить только к открытому вооруженному противостоянию между державами; допустимы и другие формы соперничества, более мирные и скрытые, — дипломатическое противоборство, компромиссы, наконец, закулисная борьба и пр.

Здесь уместно подчеркнуть, что установление Россией протектората над Хивинским ханством и занятие ею всего правого берега Аму-Дарьи (в 1873 г.) ни в коем случае не было неожиданностью для британской дипломатии и английских высших государственных деятелей. В Англии хорошо понимали, что рано или поздно Россия должна была прибрать к своим рукам Хиву и стать твердой ногой на Аму-Дарье. Ведь в процессе длительных переговоров о разграничении сфер влияния Англия безуспешно пыталась добиться гарантий неприсоединения Хивы к российским владениям. Более того, Россия определила предельной чертой своих помыслов и предприятий в сторону Персии реку **Атрек**. Таким образом, туркмены были отнесены к сфере влияния России.

Примечательно, что в 1872 г. хивинцы направляли в Британскую Индию посольство с просьбой о помощи против России, но тогдашний вице-король посоветовал хивинскому хану смириться перед ней, исполнить все ее требования и впредь не подавать ей никаких поводов к неудовольствию. В свою очередь Россия неоднократно отклоняла подобные просьбы некоторых владетелей самосто-

ятельных княжеств и ханств Индостанского субконтинента (Андура, Канджута, Белуджистана и др.)³⁶. Это свидетельствует о реалистических подходах трезвомыслящих государственных деятелей противоборствующих сторон к принятию ответственных политических решений и об их стремлении к взаимопониманию, несмотря на импульсивность и страстность англо-русского соперничества, а отнюдь не к углублению конфронтации.

Такая перспектива не устраивала агрессивные, экспансионистские круги Великобритании. В связи с успешным продвижением русских в Средней Азии (установление протектората над Хивинским ханством в 1873 г.) в Англии была развернута мощная пропагандистская кампания, исходным пунктом которой послужил составленный статс-секретарем по делам Индии Г.Роулинсоном меморандум о возникновении якобы реальной угрозы русского вторжения в пределы Индии. Между прочим, тот же Г.Роулинсон в одном из своих докладов в 1873 г. допустил многозначительную обмолвку о том, что Россия пока далека от планов вторжения в Индию³⁷.

Миф о внешней опасности для британского господства на Индостанском субконтиненте оказывал мощное воздействие на формирование общественного мнения в метрополии, служил искусственному нагнетанию атмосферы подозрительности и недоверия к России, а также стимулировал английскую агрессивную наступательную политику в Центральной Азии. Творцы зловещей наступательной политики Г. Роулинсон, министр по делам Индии Р. Солсбери, Д. Литтон и др. призывали под предлогом обороны Индии к вмешательству в дела Афганистана, Персии и т.д. с целью укрепления британского влияния и могущества. В действительности они руководствовались чисто экспансионистскими устремлениями.

Эта агрессивная группировка одержала верх над сторонниками трезвого, примирительного направления в восточных делах. С назначением лорда Литтона вице-королем Индии политика закрытой границы как система бездействия по отношению к странам, расположенным за пределами управляемой им территории, категорически предана забвению.

Однако существовала альтернатива такому развитию событий. Зимой 1876 г. тот же лорд Литтон высказывал русскому послу в Лондоне мысль о полезности прямых, непосредственных сношений вице-короля с Туркестанским генерал-губернатором. Кауфман, будучи информирован об этом, согласился, что англо-русское сотрудничество в азиатских делах весьма полезно, и представил военному министру секретную записку, в которой высказывал соображения об общности интересов России и Англии в Азии. Успех азиатов над англичанами, считал он, невыгодно отзовется и на России, а успех

азиатов над русскими стал бы гибелью для Англии. Далее он предостерегал о вреде снабжения армий азиатских владетелей усовершенствованным оружием и обучения их военному делу европейцами и подчеркивал, что “мы должны идти рука об руку с Англией в делах наших в Азии”³⁸.

В 1876 г. англо-индийские войска оккупировали Белуджистан и превратили Кветту в свою военную базу на западных рубежах Афганистана. Кветта была как бы воротами в Индию со стороны Герата. Афганский же эмир по поводу её захвата заметил: “Англия поставила караул у задней двери моего собственного дома, чтобы ворваться во время моего сна”³⁹. Естественно, эта британская акция была проведена без согласования с афганским эмиром, в нарушение его суверенных прав на эту территорию, в свое время подтвержденных самими же англичанами⁴⁰.

Затем последовали длительные англо-афганские переговоры. Англичане искали любого повода для вторжения в Афганистан и предъявляли афганцам необоснованные, неприемлемые требования, например, о замене своего представителя в Кабуле мусульманина Ата Мухаммеда Садозая (кстати, честно и добросовестно выполнявшего обязанности перед англо-индийской администрацией) природным англичанином и о назначении еще трех представителей Англии в Кандагаре, Герате и Мазари-Шерифе. Это свидетельствовало о стремлении Англии установить полный контроль над афганской внешней политикой.

Положение еще более обострилось с появлением в Афганистане летом 1878 г. русской военной миссии во главе с генералом Столетовым с тем, чтобы накануне Берлинского конгресса оказать давление на жесткую позицию Англии и добиться ее уступок в ближневосточных делах. Этот дипломатический ход русских в Афганистане оказал некоторое отрезвляющее действие на англичан, но не изменил коренным образом невыгодной для России ситуации на конгрессе. Россия не собиралась оказывать афганскому эмиру какой-либо военной помощи в назревавшем англо-афганском конфликте. По этому поводу герцог Аргайл заметил: “Совершенно ясно, что направление русского посла ко двору эмира Шер Али-хана было продолжением оборонительной политики, которую проводила в то время Россия; кроме того, оно было непосредственным результатом политики угроз британского кабинета по адресу России в Европе”⁴¹.

Действительно, главной целью миссии генерал-майора Н.Г.Столетова было поддержание в эмире недоверия к действиям англичан и поощрение к дальнейшему сопротивлению их попыткам утвердиться в Афганистане. Предложив эмиру в начале августа

1878 г. договор, Столетов ввел его в заблуждение и превысил свои полномочия. Конечно, принятие русского посольства и его продолжительное пребывание в Кабуле в высшей степени раздражало англичан и провоцировало их на немедленное вооруженное вмешательство в афганские дела. Сбывались дурные предчувствия эмира Шер Али-хана, который при представлении ему русской миссии высказал опасение, как бы ее появление в Кабуле не принесло с собою огня и меча, как это случилось уже при его деде Дост-Мухаммеде, когда вслед за Виткевичем явились англичане и разгромили Афганистан. Несомненно, отправление миссии было вызвано исключительными обстоятельствами, но после подписания Берлинского трактата присутствие ее в Афганистане более не имело оснований; Россия должна была незамедлительно отозвать ее, однако этого сделано не было. В Англии это расценили как недружественный акт России⁴².

Использував жупел “русской угрозы”, английские консервативные круги подогревали шовинистический угар и призывали к беспощадной расправе с “вероломными афганцами”, хотя афганские эмиры никогда не нарушали достигнутой с Англией договоренности, даже во время индийского национального восстания.

В этих условиях в ноябре 1878 г. началось второе вторжение англо-индийской армии в Афганистан по заранее разработанному плану. Английские войска заняли три главных горных прохода Куррам, Хайбер и Болан с прилегающими территориями, а также Желалабад и Кандагар. Сложная внутривосточная обстановка в Афганистане после внезапной смерти Шер Али-хана привела к быстрому заключению Гандамакского договора в мае 1879 г. Этот договор устанавливал, в сущности, британский протекторат над Афганистаном и почти совсем не отличался от тех соглашений, которые были в свое время навязаны англичанами суверенным индийским княжествам. В соответствии с ним английский посол Луи Каваньяри в сопровождении многочисленной миссии и внушительного военного эскорта въехал в Кабул в июне 1879 г.

Когда начались военные действия против Афганистана, премьер-министр Англии Б. Дизраэли заявил: “Наша цель в войне с Афганистаном заключается в исправлении и уточнении границы. Мы хотим иметь вместо случайной научно обоснованную границу”. А 13 февраля 1879 г. по поводу завершения военных действий он на открытии сессии парламента не без гордости разъяснил: “Мы являемся теперь обладателями трех главных дорог, которые связывают Афганистан с Индией, и надеемся, что наша страна навсегда останется хозяином этих дорог. Мы достигли своей цели благодаря военному походу наших войск. Теперь, наконец-то, мы имеем грани-

цу, которая позволяет нам надеяться, что наша индийская империя стала недоступной крепостью для нападения извне”⁴³.

Но торжествовать было несколько преждевременно. Из-за наглого и бесцеремонного вмешательства Л. Каваньяри и его посольства во внутренние дела афганцев в Кабуле 3 сентября вспыхнуло восстание. Состав миссии и охранявший ее английский отряд были поголовно перебиты. Началась вторая фаза англо-афганской войны.

Шер Али-хан

Английские войска двинулись к Кабулу, занимая деревню за деревней, расстреливая мирное население, шагая по трупам и лужам крови.

Тем временем на юге и севере страны ширилось народное ос-

вободительное движение, была объявлена священная война — джихад. В национально-освободительной борьбе наряду с афганцами принимали активное участие хезарейцы, таджики, узбеки и др. Из их среды выдвинулись свои вожди и военачальники.

Инсургентам не удалось удержать Кабул. Захватив его, англичане устроили дикую и жестокую расправу над афганцами, которая сопровождалась зверствами и разрушениями. Именно тогда был уничтожен знаменитый Кабульский базар, многие исторические дворцы и сооружения Бала-Гисара и т.д. Известный английский юрист и общественный деятель Гаррисон описывал бесчинства оккупантов следующим образом: "Они расстреливают из пушек целыми толпами, вешают пленных на первом попавшемся дереве, избивают ружейными залпами целые толпы, секут людей сотнями, жгут дотла поселения... Английская армия наиболее часто, чем какая-либо другая армия на свете, занимается вешанием, расстреливанием или наказанием военнопленных"⁴⁴.

В ходе второй англо-афганской войны не удалось сломить сопротивление народов Афганистана. Интервенты вновь потерпели ряд серьезных поражений, понесли значительные людские и материальные потери. Она завершилась осенью 1880 г. эвакуацией английских войск из Афганистана. Едва не повторилась катастрофа 1842 г.

Однако и на этот раз Англия сумела извлечь выгоды из своего поражения, получив под свое покровительство и защиту афганские территории с важнейшими горными проходами Болан, Курам и Хайбер. Правда, спустя год Англия была вынуждена возвратить Афганистану Кандагар, так как пришедший в ходе войны к власти сардар Абдурахман-хан, внук Дост-Мухаммеда, категорически возражал против отторжения Кандагара от Афганистана, на чем настаивали англичане, рассчитывавшие превратить этот регион в плацдарм дальнейшей агрессии. Но эмир Абдурахман был вынужден в основном признать условия Гандамакского договора, по которым Афганистан лишался права непосредственных сношений с соседними странами по политическим, торговым и даже пограничным вопросам. Англия добилась установления своего контроля над внешней политикой Афганистана.

Восхождение Абдурахмана на афганский престол началось с укрепления его власти в Бадахшане, Катагане и вообще в Афганском Туркестане. Именно в период его правления бурно развивался процесс колонизации, "афганизации" Южного Туркестана, сопровождавшийся хозяйственным упадком левобережья Аму-Дарьи, усилением национального гнета, насильственным переселением коренного населения — узбеков, таджиков и т.д. на юг Афганистана,

резким ослаблением торговых, экономических, культурных и иных исторически сложившихся связей с правобережьем. А ведь их сородичи сидели тогда на бухарском и хивинском престолах. В свете сказанного становится во многом понятным, почему узбеки, весьма гордившиеся своей древней и яркой историей, нередко называли афганцев (пуштунов) выскочками на центральноазиатской арене. По тем же соображениям таджики не доверяли афганцам, а афганцы с подозрением относились к таджикам.

Присоединение Кокандского ханства к России в 1876 г. было быстрым и столь неожиданным для англичан, что они даже не успели выразить протеста. Это обстоятельство и вторая англо-афганская война, приведшая к усилению английского влияния в Афганистане, стимулировали доселе невиданный рост напряженности в англо-русских отношениях. По свидетельству герцога Аргайля, в начале 1878 г. англо-индийское правительство приготовило 30-тысячный отряд для нападения через Афганистан на среднеазиатские владения в России⁴⁵.

За всем этим последовали драматические события, поставившие Британию и Россию на грань войны в Центральной Азии.

Глава II

От Зульфигара до Зор-куля

Перед второй англо-афганской войной завязывался тугой узел англо-русских противоречий в Закаспии, где проживали туркменские племена — текинцы, сарыки, салыры, гоклены, иомуды, не имевшие своей государственности.

В конце прошлого века эти племена географически размещались следующим образом: ближайšie к Хиве иомуды (150 тыс.) занимали полосу до Каспийского моря; наиболее сильное и воинственное племя текинцев (300 тыс.) населяло Ахал-текинский и Мервский оазисы; южнее по реке Гюрген жили гоклены (31 тыс.); южнее Мерва — сарыки (65 тыс.); восточнее Мерва по Аму-Дарье — эрсари (150 тыс.); в районе Серахса и Чарджоу — салыры; южнее Чарджоу — чаудоры (86 тыс.); восточнее всех, в том числе в Афганистане, — алили (250 тыс.). Между гокленами и сарыками обитали курды, отделявшие туркмен от Персии⁴⁶. Исторически сложилось так, что туркмены проживают в собственно Туркменистане, Иране и Афганистане.

Несмотря на успехи Англии в достижении своей цели по установлению контроля над Афганистаном, последний из-за своего важного стратегического положения в Центральной Азии оставался центром политических устремлений и интриг: Россия с 70-х гг., а Англия еще раньше претендовали на определенное влияние в Афганистане. Перед афганскими правителями стояла нелегкая задача сохранить независимость в условиях заметного давления на страну с юга и севера.

Низкий уровень развития Афганистана с ориентацией на привычную для ислама нетерпимость, а также неблагоприятные природные условия объективно действовали против любых попользновенных колонизаторов на его независимость. Именно в Афганистане оказались наиболее живучими восходящие к первобытным племенным нормам свободолюбие и горделивое стремление к независимо-

сти пуштунов, готовых сражаться за свой привычный образ жизни с кем угодно и сколько угодно*.

В 60-е гг., еще до второй англо-африканской войны, Англия предпринимала меры, чтобы поднять Туркестан против России, в частности обращалась к бухарскому эмиру с предложением антирусского союза, в крайнем случае просила хотя бы пропустить ее войска через бухарские владения. Небезынтересно, что при взятии русскими Джизака в мае 1866 г. было найдено большое количество револьверов, а также ударных и нарезных ружей европейского образца. По лицам и по тонкому европейскому белью некоторых убитых можно было подозревать в них предприимчивых агентов соперничавшей с Россией державы.

С антироссийскими предложениями англичане обращались и к кокандскому хану, который в отличие от бухарского эмира обещал свободно пропустить их через свою территорию и даже указывал путь: Памир, Каратегин и Матчу в системе гор Каратау, на северо-востоке от Шахрисябза.

Великим державам представлялось не столь уж сложным привлечение вождей и старшин этих племен на свою сторону. В стратегическом отношении это был весьма важный регион, к которому проявляли повышенный интерес как Россия, так и Великобритания.

В ноябре 1869 г. русский отряд под командованием полковника А.Н.Столетова высадился на берегу Красноводского залива; началось сооружение порта и укреплений. Так возникла постоянная база России на восточном берегу Каспийского моря — ворота для дальнейшего продвижения в глубь Туркмении. В то время российская дипломатия стремилась к ограждению нижнего течения Аму-Дарьи от появления там афганцев. В письме Азиатского департамента МИД российскому послу в Лондоне указывалось: “Мы ни в коем случае не можем допустить, чтобы на этом пространстве какой-либо пункт на реке был занят афганцами. Всякая попытка с этой целью имела бы самые пагубные последствия. Она заставила бы нас прибегнуть к решительным мерам для ограждения наших торговых и политических интересов, — мы быстро приблизились бы к началу именно тех затруднений, которых Россия и Англия так искренно желают избежать”⁴⁷.

И оснований для беспокойства было более чем достаточно. В

* Опыт британских колонизаторов однозначно свидетельствовал о том, что необходимо безусловно и решительно отказаться от политики, предполагающей ввод войск в Афганистан, так как она обречена на провал. Но спустя ровно сто лет советское руководство, игнорируя этот опыт, приняло известное роковое решение. Только та политика может снискать прочные симпатии афганцев, которая обеспечит им покой и предоставит возможности просторного, самостоятельного развития в русле религиозно-национальных идеалов.

туркменских степях орудовали профессиональные английские разведчики, в задачу которых входили сбор подробной информации и организация вооруженной борьбы против России. Весной 1873 г. английская военная миссия в составе полковника В.Бэкера, капитана Клейтона и лейтенанта Джилла совершила поездку по туркменским областям Астрабада и Хоросана и пыталась проникнуть в Мерв, однако вождь мервских текинцев Коушут-хан отклонил просьбу миссии о пропуске в Мерв, пояснив, что появление англичан может возбудить волнения среди текинцев, и он не может гарантировать их безопасность.

Разрабатывая планы 2-й англо-афганской войны, англо-индийская администрация предприняла активные шаги к усилению своего влияния в Туркмении через местных ханов и родовых старшин. В 1878 г. там появился капитан Батлер. Впоследствии, поссорившись со своим начальством, Батлер выступил со скандальными разоблачениями и признался, что в соответствии с инструкциями лорда Литтона руководил возведением военных укреплений Геок-Тепе. В 1880 г. другой военный разведчик О'Доннован "путешествовал" по долинам Атрека и Гюргена, а потом пробрался в Мерв, где пытался склонить родовых вождей мервских текинцев и серахских салыров к вооруженной борьбе против русских.

В мае 1881 г. русскому командованию в Ашхабаде поступило донесение о прибытии в Серахс 32 английских специалистов, которым было поручено доставить в Мерв оружие с боеприпасами и руководить фортификационными работами⁴⁸.

Разъезжая среди туркменских племен, английские эмиссары завязывали с ними сношения, склоняли их принять английское подданство, поощряли к враждебным выступлениям против России, сулили военную помощь со стороны Англии и Афганистана. В частности, мусульманин Аббас-хан, исправлявший в Мешхеде должность английского консула, деятельно сносился с текинцами, обещал им помощь Англии и советовал до последней крайности держаться в Геок-тепе, ни в коем случае не отступать в пески (данные за 1880г.). С 1881 по 1884г. в Иолотани (25 верст от Мерва) действовал английский лазутчик, называвший себя Сияхпуш, явившийся туда с одним афганцем и двумя индусами. Он уговаривал туркмен не входить в сношения с русскими и подчиниться Персии⁴⁹.

Вообще британские агенты — англичане, афганцы, иранцы появлялись не только в Мерве и Серахсе, но и в занятых русскими войсками районах Западной Туркмении (Броун, Стивенс, Стюарт, Мирза Аббас-хан и др.). Деятельность британской агентуры в Закаспийском крае представляла очевидную опасность для экономических и стратегических интересов России в Центральной Азии.

Однако эвакуация английских войск из Афганистана в 1880 г. и оставление англичанами Кандагара в 1881 г. значительно уменьшили влияние британских агентов среди туркмен. Вожди и старшины племен стали весьма скептически относиться к их обещаниям. К тому же для туркменского населения постоянно нарастала угроза порабощения со стороны Афганистана и Ирана.

Россия в стремлении установить в этом регионе выгодную и безопасную для своих среднеазиатских владений границу, которая бы естественно смыкалась с Туркестанским генерал-губернаторством, стала последовательно и постепенно продвигаться в глубь Туркмении. В 1880 г. она занимает Ахал-текинский оазис, в январе 1881 г. — Геок-Тепе и Ашхабад, в ноябре — Теджен, в январе 1884 г. — Мерв.

При вступлении русских в цитадель Мерва 4 марта 1884 г. британская агентура пыталась организовать сопротивление при содействии одного из влиятельных мервцев, Каджар-хана⁵⁰.

Оправдывая и обосновывая разными доводами будущее движение к Мерву, Горчаков незадолго до этого писал: “Мы хотим .. обеспечить себе надежную базу для действий со стороны Каспийского моря до центра Туркменской степи, на случай, если нападение, угрожающее нам с этой стороны, заставит нас развернуть свои оборонительные силы. Эти меры предупреждения нам властно приказываются политическим движением Англии. До сих пор, имея перед собой только дикарей, столь же подвижных, как песок их пустынь, мы были завлекаемы против воли вперед, не имея возможности обеспечить ни свои сообщения, ни свою базу. Теперь англичане приблизились к нам. Мы стоим лицом к лицу с могучим врагом. Мы должны серьезно подумать об обороне”⁵¹. Не правда ли, жесткий стиль и твердая позиция?

Россия вышла на северо-западный еще не установленный участок границы с Афганистаном. Причем присоединение Мерва к России было оформлено решением маслахата — собранием ханов и старшин различных текинских родовых групп. В значительной степени такое решение было обусловлено сложившейся в Восточной Туркмении политической обстановкой.

Присоединению Мерва к России мирным путем, несомненно, способствовала блестяще проведенная генералом Скобелевым Ахал-текинская операция, завершившаяся штурмом и взятием сильной туркменской крепости Геок-тепе в январе 1881 г.

Напутствуя Скобелева, Александр II 12 января 1880 г. заметил: “Судя же по тому, что мне докладывали о текинцах, полагаю, что это должен быть особенно воинственный народ”, а военный министр 27 марта указывал Скобелеву, что “военные действия не

цель, а только средство к умиротворению туркмен, а потому не следует искать боя”⁵². Но это указание было запоздалым. В 1875 — 1876 гг. действительно намечалась тенденция добровольного подчинения текинцев России при посредстве хивинского хана, но эта возможность была упущена из-за недалковидности и нерасторопности некоторых российских чиновников. Победило неумемное стремление к военным действиям, причем не учли, что после всякого ненужного движения вперед придется отходить назад. А отход всегда в Азии воспринимается как поражение. Так и произошло после неудачной попытки русских в августе 1879г. занять Геок-тепе. Текинцы решили укрепить свою крепость и биться на смерть.

В принятии этого рокового решения существенную роль сыграли английские агенты, они распускали провокационные слухи, обещали помочь оружием и деньгами, советовали держаться до последней крайности в Геок-тепе и не отступать в пески, поддерживали в текинцах дух непримиримости и отчаянного сопротивления. Не будь такого психологического давления, текинцы покорились бы без боя.

Как ни парадоксально, это было на руку Скобелеву, который был внутренне убежден, что в смысле государственном задача быстрого и бесповоротного разрешения текинского вопроса невозможна без взятия Геок-тепе. Такая позиция, быть может, была и небезупречной, но имела свои объяснения и оправдания.

Выступая в поход на Геок-тепе, Скобелев 23 мая 1880 г. послал к текинцам лазутчика с короткой прокламацией, в которой объявлял, что идет уничтожить разбойников и жестоко наказать сопротивляющихся воле государя, но покорившиеся вовремя будут приняты милостиво и снисходительно. После падения Геок-тепе русский генерал сдержал свое слово, проявив мягкость даже по отношению к побежденным и врагам.

После рекогносцировки, предпринятой в июле 1880г., Скобелев пришел к выводу, что Геок-тепе — это целая страна, а Денгиль-тепе — ее среднее звено, которое обложить невозможно, открытого штурма тоже предпринимать нельзя и только надлежит вести правильную осаду.

Тем временем текинцы укрепляли Геок-тепе. Фортификационными работами руководил английский офицер капитан Батлер, который, без сомнения, выполнял полученные из Лондона инструкции. И, действительно, крепость Геок-тепе “вышла мало похожей на среднеазиатские укрепления”: широкий земляной вал, одетый глиной; наверху две стены, между которыми по валу образуется широкий коридор, перегороженный кое-где траверсами; внутренняя стенка коридора имеет проходы, через которые можно сходить с ва-

ла внутрь крепости по ступенькам, выбитым в глиняной одежде вала; в стенах крепости проделано несколько выходов, прикрытых с поля траверсами; впереди южного фаса вырыта траншея, ведущая к флешу, играющей роль рavelина для бокового обстрела подступов. Таким образом, траверсы коридора и внутренняя стенка его давали возможность защищаться даже в случае прорыва русских внутрь крепости, а бесчисленные выходы, очевидно, назначались для облегчения вылазок”⁵³.

Крепость Денгиль-тепе, расположенная в 8 верстах южнее Геока, представляла собой продолговатый четырехугольник, суживающийся к югу: северный фас с тремя выходами в длину 450 сажень; южный с одним выходом — 240 сажень; западный с 9 выходами — 600 сажень и восточный с 8 выходами — 720 сажень. Толщина стен — около 5 сажень, ширина коридора наверху между двумя стрелковыми стенками — 3 сажени, множество траверсов пересекало коридор для защиты от продольного огня. В контрэскарпе рва были вырублены ниши и ступеньки для облегчения выхода из рва в поле для вылазок, так как вдоль внутренних и внешних стен были вырыты рвы глубиной 1 — 2 метра.

Накануне штурма в Геок-тепе находилось до 30 тыс. защитников, из коих 10 тыс. конных — в самом Геоке, а остальные в Денгиле. Всех жителей в последнем насчитывалось до 35 тыс. человек.

Непосредственно в наступлении на Геок-тепе участвовало 36 рот в 4 470 штыков, 9 эскадронов и сотен в 975 шашек и 52 орудия. Всего с артиллерией и нестроевыми — 6 300 человек. Осада Геок-тепе длилась с 23 декабря 1880 г. по 11 января 1881 г.

Штурм начался 12 января с утра. Весьма символично, что он совпал с датой подписания Павлом I указа о походе казаков атамана Платова в Индию. Честолюбивый Скобелев мечтал покорить не только Мерв, последний оплот туркмен, но и Герат — второй этап продвижения России в Центральной Азии. Однако овладение Гератом не входило в расчеты и планы царского правительства.

В инструкции войскам накануне штурма Скобелев писал: “Бой за местные предметы предстоит ожесточенный. Неприятель храбр и искусен в одиночном бою, стреляет метко и снабжен хорошим холодным оружием; но он действует врассыпную, вразброд или отдельными кучами, мало поспешными воле предводителя, а потому неспособными, несмотря на свою многочисленность, к единству действий и маневрированию массами”⁵⁴.

При разработке и проведении этой операции Скобелеву несомненно пригодился его личный военный опыт, приобретенный в период службы в Средней Азии. Во избежание неудачи было предусмотрено все до мельчайших деталей. В результате Геок-тепе был

взят. Неприятель потерял от 6 до 8 тыс. человек. У русских из строя выбыло 398 человек, в том числе убито 59. Вообще же их невосполнимые потери с 1 мая 1879г. по 1 июля 1881г. составили 1584 человека. Такова цена геок-тепинских экспедиций.

В ходе военных действий обе стороны прибегали к неоправданной жестокости. Даже Скобелев не гнушался казнью того или иного захваченного в плен текинца для устрашения противника. Фактов же изощренной жестокости туркмен-текинцев по отношению к русским очень много: так, в ночь с 28 на 29 августа 1879г., празднуя отход русских, они изрубили пленных и с трупов срезали жир, находя, что это снадобье отлично залечивает раны; у пленных текинцы отрубали руки, ноги, вырывали губы и уши, выкалывали глаза и т.п.⁵⁵

После взятия Геок-тепе женщин и детей не трогали, им приказали собраться к холму Денгиль и разрешили взять из кибиток все необходимое для насущных потребностей и укрытия от холода. Правда, крепость была отдана на разграбление в течение четырех дней; добыча, доставшаяся войскам, оценивалась приблизительно в 6 млн руб.

Спустя три дня после падения Геок-тепе всем бежавшим текинцам было предложено вернуться на обжитые места. Скобелев обещал личную и имущественную неприкосновенность всем, кто покорится добровольно, и беспощадное истребление тем, кто вздумает сопротивляться. Это обращение мало кто решился проигнорировать.

Покорившимся выдавались свидетельства на свободное проживание в прежних селениях; жителям было роздано 18500 пудов пшеницы, 10600 пудов джугары; 2000 пудов муки и и до 8000 кибиток. Мало того, для присмотра за полями невернувшихся еще жителей и содержания в исправности арыков, чтобы хозяева тотчас по возвращении могли приступить к посевам, Скобелев велел нанять иранцев, больших мастеров искусственного орошения. Он хотел, чтобы к концу февраля 1881г. дело умиротворения края было окончено.

Рабство объявлялось уничтоженным, аламанам был объявлен конец, но все награбленное и захваченное до 12 января, кроме людей, считалось собственностью грабителя и никаких исков со стороны персидских подданных по старым счетам не принималось. Здесь уместно пояснить, что до покорения туркмен Россией они преимущественно занимались грабежом и разбоем. Набег с целью наживы не считался позорным и назывался аламаном. Некоторые туркмены разбоем составляли себе огромные состояния. Особенно страдали от аламанов персидские пограничные селения, но не брезговали туркмены грабить и своих сородичей, часто нападали и на караваны российских купцов.

Первыми к Скобелеву явились старшины и ханы, а затем пошли аламанщики. Они были обласканы и неизвестно за какие заслуги — за усердие или храбрость — пожалованы почетными грамотами и даже медалями. 6 февраля 1881г. Скобелев приказал расстрелять пьяного бомбардира, который ворвался в кибитку текинского семейства, убил хозяина и ранил двух женщин.

Ахал-текинская экспедиция генерала Скобелева стала одной из самых блистательных в военном и политическом отношении, и не только потому, что Россия овладела территорией почти в 28 тыс. квадратных верст с населением в 50 тыс. В результате нее 9 декабря 1881 г. между Россией и Персией была подписана конвенция о разграничении к востоку от Каспия, благодаря чему и существует современная граница Туркменистана с Ираном. Помимо того, достигнутые в ходе этой экспедиции успехи носили столь многоплановый характер, что повлияли на исторические судьбы Ирана, Афганистана и Туркменистана. Были открыты новые безопасные пути для торговли.

28 марта 1881 г. по высочайшему повелению Скобелев сдал командование и вскоре оставил пределы Средней Азии. Взятием Гек-оке-тепе завершился героический период истории завоевания этого региона.

Ушедший из жизни в возрасте всего лишь 39 лет (25 июня 1882 г.), Скобелев был незаурядным полководцем (по мнению некоторых современников, равным Суворову). Ему были свойственны бесстрашие, глубокий и быстрый расчет, новаторские подходы к ведению боя, решимость в выполнении поставленных задач. Он был человеком замечательного хладнокровия и храбрости. Первые свои лавры Скобелев приобрел в Туркестане, получив два Георгиевских креста, чин генерала и орден Анны 1-й степени, а затем, снова на полях Средней Азии, — третий Георгиевский крест и чин генерала от инфантерии.

Неизвестно, как сложилась бы судьба туркмен без присоединения Ахал-текинского оазиса к России — слишком уж агрессивно были настроены к ним в Персии.

Между тем известие о переходе Мерва под власть России и появление там русских войск вызвало бурю в английском парламенте. Многих английских политиков охватило крайнее беспокойство по поводу вероятного усиления влияния России в Герате. Наступление России могло воспрепятствовать британской экспансии в этом регионе.

Занятие Мерва неизбежно должно было повлечь за собой продвижение русских войск на юг, в Иолотанский и Пендинский оазисы, без занятия которых Туркмения, и, прежде всего, Мерв, не мог-

ли быть надежно гарантированы от агрессивных действий с афганской территории, так как эти районы непосредственно примыкали к границам Гератского оазиса, тем более что англо-индийские власти, располагавшие в тот период преобладающим влиянием в Афганистане, добивались присоединения к нему южной части Туркмении, предполагая создать здесь свой плацдарм. 9 июня 1884 г. газета "Таймс" опубликовала статью, в которой наряду с признанием необходимости разграничения границ утверждалось, что эмир Абдурахман обязан предварительно превратить Пенде, равно как и некоторые другие местности, в укрепленные пункты в целях обеспечения своей власти на северо-западе.

Тем временем была создана смешанная англо-русская разграничительная комиссия, которая, закончив топографические съемки, в декабре 1884 г. представила проект границы. Узнав о нем, члены английского кабинета — сторонники агрессивного курса потребовали немедленной войны с Россией, так как их возмутило предложение об установлении границы от Зульфигара к юго-востоку до оазиса Пенде и далее к Аму-Дарье, к сел. Босага (Ходжа-Салех). Английское правительство настаивало на проведении границы по линии Ашхабад — Теджен — Мерв — Аму-Дарья.

В начале 1885 г. руководитель английского отдела разграничительной комиссии генерал Ламсден и его офицеры спровоцировали выдвижение афганских войск в Пендинский оазис и к Кушке. В связи с этим обстановка накалилась, вопрос о разграничении приобрел все большую сложность. Ламсден находился в этом районе с довольно крупным (около 1000 человек) вооруженным отрядом. К местечку Таш-Кепри, где с помощью англичан укрепились афганцы, двигался русский отряд под командованием генерала А.В. Комарова. Англия и Россия оказались на грани военного конфликта.

В марте 1885 г. русский отряд прибыл к Таш-Кепри, и генерал Комаров потребовал очистить занимаемую афганцами местность. Последние отказались выполнить это требование, мотивируя тем, что необходимо — де посоветоваться с одним из помощников Ламсдена капитаном Йетом. Йет от лица английского отдела комиссии приказал не отступать. 30 марта 1885 г. русские атаковали афганцев и вынудили их отступить к Герату, а сами дошли до Кушки и остановились. Общие потери афганцев при Таш-Кепринском инциденте — около 600 убитых, 8 орудий и два знамени⁵⁶. Вспоминая этот инцидент, эмир Абдурахман писал: "... английские войска и офицеры были до такой степени испуганы и нервозны, что бежали в диком замешательстве, не будучи в состоянии отличить друзей от врагов»⁵⁷.

Абдурахман-хан

Россия, придерживаясь твердой политики и делая небольшие уступки в 1887 г. добилась установления границы по линии Зульфигар — Ходжи — Салех; Англия была вынуждена пойти на компромисс. Таким образом удалось избежать военного столкновения в Центральной Азии между двумя державами.

Однако еще долгое время после разгрома афганского отряда при Таш-Кепри война казалась неизбежной. Настораживали многочисленные рекогносцировки англичан и активность их агентуры, настойчивое стремление возбудить столкновение между русскими и афганцами; вызывало тревогу усиление афганских войск в Герате,

Чар-вилаете (Афганский Туркестан) и Бадахшане в 1886 г. В связи с этим со стороны Туркестанского округа было решено двинуть на Аму-Дарью, на границу с Афганистаном, для действий в Чар-вилаете достаточно сильный отряд. К тому времени по договоренности с бухарским эмиром России было предоставлено право занять Чарджуй и Керки⁵⁸.

В Индии укоренились вполне определенные взгляды на причины и конечные цели продвижения русских в Средней Азии. Индийцы воспринимали это продвижение как прелюдию их появления на Индостанском субконтиненте.

Анализируя сложившуюся ситуацию, Ф.Энгельс справедливо отмечал: "Нынешняя позиция русских в Туркестане далеко еще не обеспечивает им надежной и достаточной базы для нападения на Индию. Но она во всяком случае создает очень серьезную угрозу для вторжения в будущем и вызывает постоянное волнение среди местного населения. ... Английское владычество перестает быть для Индии чем-то вроде неумолимого рока; перед населением открывается другая перспектива; то, что силой было создано, силой же может быть и разрушено"⁵⁹. Именно в этом и заключались истинные причины английской "мерзости", обострения англо-русских отношений в Средней Азии до крайних пределов.

После разграничения 1887 г. наступил новый завершающий виток англо-русского противостояния в Центральной Азии, связанный с борьбой за сферы влияния на Памирах и в конечном счете за обладание ими.

В соответствии с англо-русскими договоренностями за 1869 — 1873 гг. Россия согласилась передать Афганистану районы Вахана и Бадахшана, однако они вовсе не определяли границу Афганистана в северо-восточной части, примыкающей к Памирам, хотя и обозначали ее по верховьям р. Аму-Дарьи до озера Сарыкуль (Зоркуль).

Царское правительство претендовало на территории Восточного и Западного Памиров, так как они были исконными владениями кокандских ханов и бухарских эмиров. Ввиду близости Памиров к Британской Индии Англия, усматривая в каждом шаге России посягательство на Индию, нервничала и относилась с тревогой и недоверием к любым действиям русских в этом регионе. Политическое значение памирского участка границы было очень велико. Здесь завязывался новый узел противоречий.

Памирское разграничение имеет свою предысторию, полную драматических событий и почти авантюрных сюжетов.

В 70-х гг. XIX в. Англия усилила подрывную деятельность в среднеазиатских владениях России и в прилегающих к ним странах, в частности в Кашгарии и Афганистане. В Бухару, Коканд, Хиву,

Ташкент и т.д. посылались многочисленные офицеры и агенты, в задачу которых входили шпионаж и организация вооруженных выступлений против России. По этому поводу имеется интересное сообщение, относящееся к 1871 г.: "...в Самарканде, Ташкенте и Коканде проживают секретные английские агенты, природные англичане, которые сообщают обо всем английскому агенту в Бадахшане, а тот уже доносит в Пешавар. Агенты эти живут между индусами; последние по мере требования снабжают их деньгами, взамен которых выдаются векселя, оплачиваемые правительством в Индии"⁶⁰.

Между прочим, британские колониальные власти занимались в Индии подготовкой специальных кадров "пандитов". Пандиты, как правило, подбирались среди туземного населения из числа выносливых, крепких и знающих людей, обладавших умением ориентироваться в малоизвестных горных местностях. В 1860 — 1861 гг. пандит Мухамед Амин прошел из Читрала в Яркенд (Кашгар) через Гиндукуш, Памир и Сарыкол; в 1868 — 1870 гг. пандит Мирза пересек весь Памир с запада на восток; в 1870 г. пандиты Файз-бахш и Ибрагим-хан занимались изучением памирских проходов в сторону Ферганской долины. Все собранные пандитами материалы, прежде всего описания маршрутов и местностей, передавались английским властям⁶¹.

Вопреки имевшимся договоренностям англо-индийское правительство поддерживало в 1876 г. сношения с ханом Вахана, что вызвало крайнее раздражение эмира Афганистана⁶².

В 1868 г. в Восточном Туркестане (Кашгарии) — в южной части нынешнего Синьцзян-Уйгурского района КНР — в результате восстания местного мусульманского населения против китайского господства, активно поддержанного их среднеазиатскими единоверцами, возникло мусульманское государство Йетишаар во главе с выходцем из Коканда Якуб-беком, принявшим титул "бадаулета" (счастливейшего), сюзереном которого считался бухарский эмир, по другим данным — турецкий султан.

Англичане сразу же установили с Якуб-беком тесную связь. В 1870г. Англия отправила в столицу Йетишаар-Яркенд дипломатическую миссию во главе с прекрасным знатоком центральноазиатского вопроса сэром Томасом Дугласом Форсайтом (тем самым, который в 1869г. вел переговоры в Санкт-Петербурге о разграничении сфер влияния в Средней Азии и настаивал на признании государства Якуб-бека независимым и нейтральным). Помимо экономических целей, миссия преследовала и чисто военные, стремясь подчинить своему контролю вооруженные силы Йетишаара, ядром которых были кокандцы. Однако в связи с распадом этого государства после смерти Якуб-бека в 1878г., замыслы англичан, успевших в 1874г.

заклучить с ним союз, в тот период не увенчались успехом. Тем не менее Кашгария длительное время оставалась зоной их внимания.

В августе 1880 г. китайцы водворились на прежних территориях в Восточном Туркестане. Это устранило опасения России относительно предприимчивых мусульманских подданных Китая, так как строгость китайских правителей служила для мусульман хорошей уздой. Но Россия недооценила настойчивость и напористость британцев. Последние направили энергию китайских властей Кашгарии на расширение территории за счет Восточного Памира.

В свою очередь царская разведка и туркестанское генерал-губернаторство, пользовавшееся значительной самостоятельностью от Петербурга, раскинуло обширную сеть связей с местными феодальными властителями, племенами и мусульманским духовенством.

В последней четверти XIX в. на Памире побывал Н.А. Северцев, И.В. Мушкетов, Г.И. Грум-Гржимайло, Б.Л. Громбчевский, Д.Л. Иванов, Бендерский, Костенко, Куропаткин, Путята. Экспедиция Громбчевского проникла за Гиндукуш и в 1888 г. посетила одно из княжеств Дардистана — Хунзу. Ее правитель Сафдар Али-хан торжественно встретил русских и обращался за военной помощью и защитой от англичан. Ранее, в 1871 г., натуралист А.П.Федченко посетил Памир со стороны Алая. Случались и военные экспедиции. В частности, в 1876 г. летучий отряд князя Вигенштейна достиг оз. Кара-куль. Один из современников отмечал: “Появление на Памирах русских путешественников, особенно же военных, заставило Англию считать эти путешествия враждебными по отношению к ее владениям”⁶³.

В это же время Англия как раз приступила к покорению пригиндукушских княжеств, известных под общим названием Дардистан. Одновременно она тщательно изучала подступы к Памиру со стороны Индии. В 1883 г. Памир посетил ладакский комиссар Элиас, в 1886 г. — полковник Локкарт, в 1889 и 1891 гг. — капитан Янгхасбенд и Дэвидсон, в 1895 г. — лейтенант Пич. Последний служил в 3-м полку Мадрасской кавалерии, выдержал экзамен по русскому языку и был послан из Лондона сухим путем через Среднюю Азию в Индию. Проезжая по России и Туркестану, он вполне серьезно уверял, что направляется в Кашмир через Памир на охоту, так как она там обойдется дешевле, чем дома. Конечно, Ней Элиас был известным путешественником и одним из немногих, кто прошел по Оршору и Рушану до появления русских на Памире. Еще в 1836 — 1838 гг. у истоков Аму-Дарьи побывали офицеры английской спецслужбы Вуд и Бернс. С тех пор Англия постепенно наращивала свои усилия по изучению Памира. Особое внимание на припамирские страны английское правительство обратило после того, как значительно упрочились позиции России в Центральной Азии.

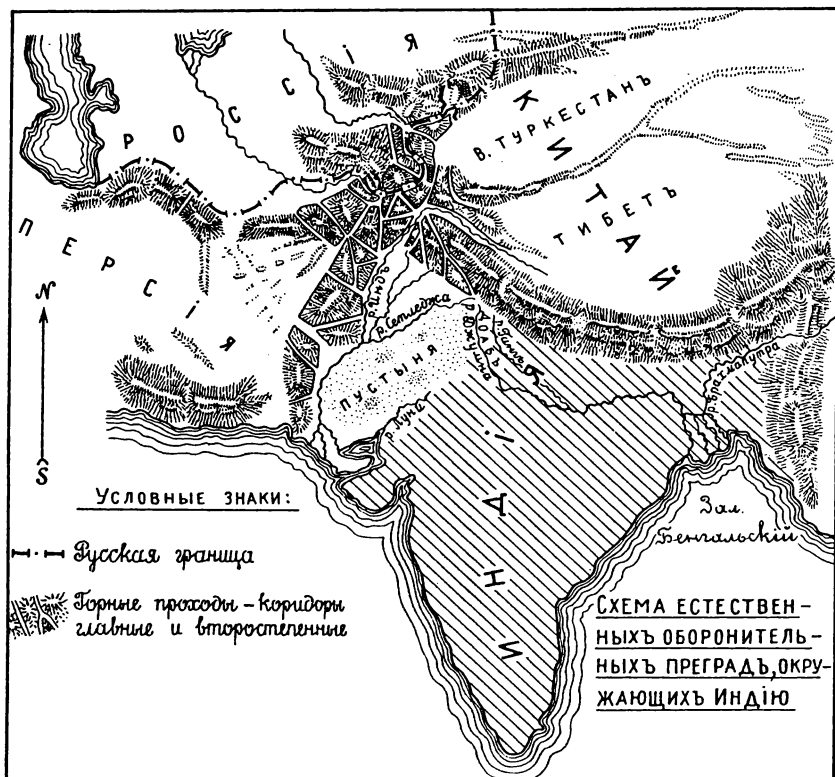

Схема естественных оборонительных преград, окружающих Индию

Как видим, интенсивность изучения Памира и прилегающих к нему областей постоянно возрастала. Англия не рассчитывала овладеть Памирами вследствие сопротивления царской России и поэтому всячески подстрекала Афганистан и Китай к захвату памирских территорий⁶⁴. Альбион и в данном случае был верен своей любимой тактике и испытанным приемам. Еще в 1883 г. эмир Абдурахман в нарушение имевшихся англо-русских договоренностей ввел афганские войска в районы Вахана, Рушана и Шугнана, находящиеся на правом берегу Пянджа.

Насколько далеко заходили планы Великобритании в отношении Памира, можно судить по изданной в 1890 г. в Лондоне карте, где чуть ли не весь Памир (до Рушана, Бартанга, Мургаба, Ак-су) был включён в границы Афганистана.

Получив сведения об активности англичан на Памире, туркестанский генерал-губернатор в 1891 г. направил небольшой военный

отряд во главе с капитаном Ионовым для выяснения обстановки и утверждения прав России на территорию, принадлежавшую ей по праву, в соответствии с достигнутыми в 1873 г. договоренностями.

Эта экспедиция находилась под бдительным оком англичан: в двух переходах за ней следовал лейтенант английской службы Дэвидсон, впереди был Юнгхазбенд, со стороны Кашгарии за ней наблюдал Макартней, а в Алайской долине при генерал-губернаторе бароне Вревском находился секретарь английского посольства в Петербурге Эллиот.

Отряд ИONOва дошел до населенного пункта Базай-Гомбед, далее спустился по Вахан-Дарье, перешел Гиндукуш через перевал Бай-кара в княжество Ясин и возвратился другой дорогой через перевал Барогиль в Базай-Гомбед, где и произошла встреча с англичанами, которые удалились лишь под угрозой применения оружия.

Как только отряд ИONOва оставил Памир, китайцы выставили свои посты в верховьях р.Мургаб и на р.Аличур, а афганцы на среднем течении р.Мургаб. К этим действиям их подстрекали англичане.

Во время этой экспедиции произошла встреча с капитаном Янгхасбендом. От него Ионов взял подписку о немедленном оставлении русских владений. Спустя некоторое время на одном из китайских пикетов, незаконно выставленных на принадлежащей России территории, был задержан лейтенант Дэвидсон и, несмотря на его протесты, доставлен в Фергану. Как выяснилось, Дэвидсон имел регулярную связь с Янгхасбендом и доносил ему обо всем происходящем. Начиная с этого времени на Памир регулярно направлялись военные отряды для выяснения обстановки и охраны российских интересов⁶⁵.

В те годы Великобритания приступила к завоеванию горных северо-западных районов Индостанского субконтинента — Читрала, Канджута (Хунза), Нагора, Ясина, Ишкумана и др. Прибрав чуть ранее к рукам Джамму и Кашмир, англо-индийские власти укрепились в Гилгите и стали планомерно и настойчиво наступать на пригиндукушские княжества, границы которых непосредственно примыкали к Памиру. Основным населением независимых мехтарств северо-западной полосы Индии, куда устремлялась экспансия англичан, были исмаилиты. Англия не преминула заручиться поддержкой Ага Хана. Она тратила значительные средства на утверждение своей власти в Дардистане, производила множество рекогносцировок, вела специальные войны (Хунза-Нагарскую и др.), строила важные военно-стратегические дороги. Эти огромные расходы покрывались главным образом за счет налогов, взимаемых Англией с населения поработанной Индии. По официальным данным, только в 1878 — 1891 гг. английские власти отпустили на “освоение”

этих территорий свыше 250 млн рупий. Завоевание же Хунзы, Нагора и Читрала потребовало новых дополнительных ассигнований.

В 1885 г. Читралу был навязан английский протекторат. В 1886 г. в пригундукушский район была направлена специальная военно-разведывательная миссия полковника Локкарта, посетившая Читрал, Хунзу, Бадахшан, Вахан и другие княжества. Спустя год сюда же прибыла новая миссия, возглавляемая А.Дюрандом. Члены ее тщательно изучили этот регион, посетили резиденции всех местных правителей. Именно тогда было принято решение о превращении Гильгита в главную базу английских наступательных операций в Пригундукуше. В 1889 г. в Гильгите создается британское политическое агентство, в обязанности которого входил непосредственный контроль над горными северо-западными районами. На него, несомненно, возлагались и разведывательно-информационные функции. Главой Гильгитского агентства стал уже упоминавшийся А.Дюранд. Впоследствии именно он предстал перед миром как архитектор северо-западной границы Британской Индии, придавший забвению элементарные права и интересы многих тысяч людей. По существу Гильгитское политическое агентство стало координационным центром по захвату Дардистана.

В 1891 г. англичане развязали войну против Канджута (Хунза) и Нагора и аннексировали их. Захват Канджута был очень выгоден Англии в военно-стратегическом отношении. Это владение непосредственно соприкасается с Кашгаром, а в верхней части Канджутской долины находится несколько удобных перевалов и горных троп, ведущих через Гиндукуш на Тагдумбаш и далее к Памиру и Средней Азии. Сафдар Али-хан, правитель Канджута, в письме к царю, направленном через Туркестанского генерал-губернатора, не без оснований предупреждал: "В случае, если англичане, победив меня, займут мои владения, тогда и Вам будет немало хлопот и затруднений, так как Канджут есть ключ к Туркестану"⁶⁶. И он был абсолютно прав. Англия, овладев Канджутским ханством у китайских границ, фактически сомкнула свою передовую линию с памирскими ханствами Ваханом, Рушаном и Шугнаном, занятыми ранее по ее наущению Афганистаном. Путь в западные китайские владения и в Туркестан, в частности в Фергану, был открыт.

В 1895 г. вмешательство англичан в дворцовые распри Читральского ханства повлекло за собой ввод английских войск и завоевание Читрала. Затем были захвачены и более мелкие владения. Характерно, что захватнические действия мотивировались необходимостью преградить России дорогу в Индию.

Завоевание Дардистана в значительной мере укрепило пози-

ции Британии в этом стратегически важном горном регионе на стыке границ Индии, Афганистана, Китая и Средней Азии. Читралоканджутское направление английской экспансии представляло для царской России ту опасность, что ставило под удар юго-восточную часть Памира, южную Кашгарию, угрожало долине Раскем-Дарьи и даже Сарыколу.

Следует отметить, что за годы порабощения Индии британскими колонизаторами сложился специальный институт политических агентов и резидентов, выполнявших весьма важные функции по контролю за точным исполнением местными правителями условий заключенных ими договоров и по наблюдению за их действиями. Один из английских авторов со знанием дела объясняет эту систему: “Несколько слов о положении резидента в туземных государствах. В Индии имеется около ста таких государств, из них некоторые окружены областями, находящимися всецело под британской властью, другие, как Кашмир, находятся на границах Империи; государства эти весьма разнообразны по величине и имеют в сумме свыше 80 млн народонаселения. За отсутствием более подходящего слова государства могут быть определены как феодальные по отношению к нашей власти. Их отношения к последней проходят через тысячи градаций, от quasi — независимых — до вполне подчиненных. Сотни трактатов, условий и статей, созданных в течение последних лет, определяют положение и обязанности договаривающихся государств; ни в каком случае туземное государство не имеет права начинать войну или завязывать какие-либо внешние сношения.

Власть правителей и формы внутренней администрации разнообразятся до бесконечности: на одном конце страны вы найдете конституциональное государство, как Майсор, с разработанной системой доходов и народного образования, с обществами и советами; на другом — грубое патриархальное правление пограничного владителя, но во всех случаях на основном фоне картины стоит верховная власть британской короны, готовая создавать лучшие формы или пресекать злоупотребления, когда последние могут повести к нарушению общего покоя или к крайностям.

Большие туземные государства имеют каждого резидента, живущего в нем; малые — политического офицера, ведающего группой из 3 — 4 государств.

Дела о туземных государствах представляются индийскому правительству через секретаря в иностранном департаменте, распоряжением которого и назначаются офицеры в наиболее важных из туземных государств. Общее руководство делами департамента направляется непосредственно вице-королем”⁶⁷.

В данной характеристике значение и положение резидентов были безусловно идеализированы и в значительной степени преуменьшены. Например, магараджа Кашмира Партаб-Сингх не без участия британского резидента был отстранен от власти под предлогом неспособности править народом, а в действительности, за строптивость и отказ выполнять навязываемые ему рекомендации: при восшествии на престол отклонил предложение англичан о принятии резидента вместо прежнего политического агента; удалил одного туземца, приятного англичанам; удержал на посту другого, неудобного англичанам; якобы завел переписку с Россией и т.д. Как видим, власть резидентов и политических агентов была далеко не призрачной. Корпус политических агентов и резидентов формировался из числа способных и неординарных офицеров как из гражданской, так и военной службы. Нередко они должны были действовать самостоятельно и подчас принимать рискованные решения.

Как представляется, Гильгитское британское агентство, учрежденное в марте 1889 г., было венцом этой системы и сыграло весьма важную роль в покорении Дардистана. О необходимости его организации А.Дюранд писал откровенно и недвусмысленно в 1888 г. в депеше к статс-секретарю Британской Индии: "...движение России к границе Афганистана и большое развитие ее военной силы в Азии вызвали необходимость усиления нашей оборонительной линии, и что среди пунктов ее, требующих особого внимания, оказались северные перевалы Гиндукуша, ибо они являются хотя трудной, но все же преоборимой дорогой для сил достаточно крупных, чтобы вызвать возбуждение, если не что-либо еще худшее, в Кашмире и между племен Баджаура, а может быть даже в Джелалабаде и на пенджабской границе"⁶⁸.

Сферой деятельности Гильгитского агентства стала обширная пограничная с Британской Индией область, официально известная под именем Восточного Гиндукуша, включающая весь Дардистан, Балтистан, или Малый Тибет, долины Гильгита и Астора, долину Инда от Бунджи до Сазина и Батеры, а также Кухистани Малазам и Кухистани Сват с мелкими владениями Гор, Чилас, Дарель и Тангир. Протяженность этой области с востока на запад около 750 верст, а с севера на юг — около 225 верст.

Полковник А.Дюранд как представитель британского правительства в пограничной обширной области был наделен широкими полномочиями: внешние сношения с соседними государствами находились под его контролем; в его обязанности входило исследование подведомственной территории (с этой задачей он справился блестяще, но об этом несколько позже); на него возлагалась ответственность за управление гильгитским округом, его преуспевание, прове-

дение дорог и открытие телеграфной линии, а также за дисциплину и общее состояние войск. При этом управление в пределах Гильгита находилось в руках кашмирского губернатора, а начальствование над войсками оставалось в руках кашмирского генерала, но с существенной оговоркой, что ни одно значительное передвижение войск не будет предпринято без согласия британского агента.*

Англии никогда бы не удалось покорить Дардистан в столь поразительно короткие сроки, несмотря на ее военную мощь, если бы ее Гильгитское агентство под руководством полковника А.Дюранда с марта 1889 г. по май 1893 г. не создало обширную сеть из числа способных и лояльных местных помощников. Более того, англичане занимались проверкой и анализом сведений, поступавших в Гильгитское агентство со всех сторон, как это было, например, весной 1891 г. накануне нагаро-хунзуской войны. Они с упорством добивались всегда самого широкого и точного осведомления. Агентство привлекало к разведывательной работе таких опытных, способных и бесстрашных офицеров, как поручик Мэннерс-Смит, капитан Франк Юнгхасбанд, который после его выдворения с Памира, стал политическим агентом в Хунзе, а затем в Читрале (1893 г.) и др.⁶⁹

Укрепление английской власти в Гиндукушских княжествах означало полное устранение влияния афганского эмира на многочисленные владения Пригиндукушья, а также обширную территорию пуштунских племен на западном берегу Инда.

Англия поспешила закрепить сложившееся положение юридически. В сентябре 1893 г. она направляет в Кабул миссию во главе с шефом ведомства внешних сношений англо-индийской администрации сэром Мортимером Дюрандом. Под сильнейшим нажимом Великобритании Афганистан был вынужден подписать соглашение о так называемой "линии Дюранда". Это означало отказ эмира от сюзеренитета над полосой пуштунских племен (Вазиристан) и признание власти Англии над Сватом, Диром, Баджауром, Читралом и княжествами между Читралом и Кашмиром.

Почти 5 миллионов пуштунов оказались отторгнутыми от своей родины и отданными под власть чужеземных поработителей. Но пуштунские племена отказывались подчиняться британским колонизаторам и оказывали им упорное сопротивление. Если в 1880 — 1890 гг. англичане совершили в полосу независимых племен всего 4 крупные военные экспедиции, то в 1890—1900 гг. им пришлось совершить уже 13 экспедиций. Афганским племенам не суждено было стать оплотом Британии в Индии. Последствия искусственного расчленения афганского народа сказываются и поныне.

Британия предвидела крупные расходы на усмирение независимых племен, но она, искусно сопрягая свой опыт завоевания Ин-

дии с ее историческим прошлым, предпочла нести крупные расходы и удерживать за собой территорию северо-западной пограничной полосы со всеми ее стратегически важными рубежами и проходами⁷⁰. Великобритания капитально подготовилась к памирскому разграничению.

Еще в декабре 1883 г. российское правительство обращалось к правительству Великобритании с нотой протеста по поводу захвата Афганистаном правобережных районов Западного Памира, что явилось грубым нарушением соглашения 1873 г. Но Англия не отреагировала должным образом и фактически взяла Афганистан под свою защиту, в результате чего незаконная оккупация Шугнана, Рушана и Вахана продолжалась до середины 90-х годов XIX в. Более того, афганцы пытались прибрать к своим рукам Ишкашим и выставили посты на Восточном Памире. Годы господства афганских завоевателей были временем самых тяжелых экономических лишений и духовных унижений для памирских народностей. Некоторые из них подвергались настоящему геноциду. Памирцы неоднократно восставали против афганских угнетателей (например, восстание шугнано-рушанцев в 1888–1889 гг.), но, не получая поддержки со стороны России, терпели поражение.

Закрепление памирских территорий за Афганистаном было выгодно Британской империи и полностью совпадало с ее интересами. Она стремилась отодвинуть афганскую границу как можно далее на север, чтобы отрезать Россию от Гиндукушского хребта и приобрести выгодные стратегические позиции на Памире. Действия афганского эмира скорее всего были инспирированы Англией. Между прочим, эмир Абдурахман и сам прекрасно ориентировался в бадахшанских делах и, чувствуя английскую поддержку, действовал решительно и умело. К тому же англичане обеспечили афганские войска казнозарядными ружьями; начались работы по проведению телеграфной линии из Кабула на север. Весной 1886 г. из Гильгита в направлении Читрал — Бадахшан был отправлен отряд полковника Локкарта⁷¹. Это красноречиво свидетельствовало о поддержке афганского эмира в его намерении удержать Шугнан, Рушан и другие памирские территории.

Миссия Локкарта прошла Хунзу, перевалила Гундукуш, проследовала через Вахан к Аби-Пянджу (самому южному рукаву Оксуса-Вахан-Дарье). Именно полковник Локкарт впервые в 1886 г. поставил вопрос о создании Гильгитского агентства. Следовательно, он придал границе немалое значение, значит, перевалы Восточного Гиндукуша нашел доступными. Впоследствии он предложил план обороны Гиндукуша и стал главнокомандующим англо-индийской армией (умер в 1900 г.)⁷².

По решению царского правительства летом 1892 г. на Восточный Памир был направлен военный отряд опять под командованием Ионова в составе батальона пехоты, 3 сотен казаков и 4 орудий. Отряд достиг реки Аличур, где встретил китайские и афганские посты. По требованию Ионова китайцы удалились, а афганцы отказались отойти. 12 июля около укрепленного пункта Соматаши произошла стычка, в ходе которой было убито несколько афганцев и ранен один русский солдат. Афганцы были вынуждены ретироваться.

В августе этого же года при слиянии Оксу и Акбайтал было возведено первое русское укрепление — Памирский пост. «Укрепление это находится в центре территории, в узле главных памирских дорог, — писал Б. Тагеев, — и нельзя было сделать более удачный выбор места для постановки его, как у слияния рек Ак-Байтала и Ак-Су с Мургабом»⁷³. Основание его закрепило за Россией Восточный Памир. Почти весь этот край был очищен от афганцев.

В ходе этой экспедиции выяснилось, что афганская сторона претендовала на земли, простирающиеся от озера Ранкуль и реки Мургаб по направлению к отрогам Гиндукуша.

Появление китайцев на Памире было далеко не случайным. Воспользовавшись неточностью разграничительного протокола за 1884г., китайцы, подстрекаемые англичанами, стали претендовать на памирские территории, к востоку от линии, соединяющей Узбель с оз. Зор-куль. В 3-м пункте Маргеланского договора указывалось, что граница с Китаем проходит от Иркештама до перевала Узбель и далее граница России поворачивает на юго-запад, а Китая — на юг. Следовало же оговорить, что китайская граница идет, огибая оз. Ранг-куль к востоку, по Сарыкольскому хребту до восточной окраины Канджута. Туркестанская администрация пыталась в 1894 г. исправить допущенную ошибку через министерство иностранных дел, но безуспешно. В Петербурге считали, что вопрос о границе Памира с Китаем вполне ясен и его не следует касаться, тем более вносить какие-либо поправки в разграничительный протокол.

Между тем китайцы, цепко ухватившись за 3-й пункт Маргеланского договора, в 1888 г. выставили пикеты в долине р. Ак-су, далеко впереди Сарыкольского хребта, в 1889 г. явились на р. Аличу, впадающей в оз. Яшиль, а в 1891 г. их разъезд появился на оз. Яшиль в самом центре Памиров. Китайцы даже начали строительство своих укреплений за оз. Яшиль у Ак-Таша. По команде Ионова эти недоконченные укрепления были скрыты⁷⁴.

Одновременно Россия проводила большую работу по дипломатическим каналам для предотвращения крупных военных конфликтов в связи с политической ситуацией, складывавшейся на Памирах.

Англия продолжала политику интриг в районе Памира, стремясь уверить Афганистан и Китай, что он принадлежит им по праву, и подстрекая к его захвату. Только в 1892 г. на Памире побывали для изучения обстановки Гринфильд и полковник Бидульф, лорд Дунлор и майор Рич, проезжавшие из Канджута в Кашгар, английский агент в Кашгаре Макартней, проследовавший в Канджут и обратно⁷⁵. Англия в данном случае действовала в нарушение соглашения 1873 г. о разделе сфер влияния в Центральной Азии.

В 1894 г. российское правительство принимает решение занять правый берег реки Пяндж на основе соглашения 1873 г. В июне на Восточный Памир прибыл все тот же М.Е.Ионов, но уже в чине генерал-майора, и принял на себя командование находившимися там отрядами. Им были сформированы две колонны, которые направились в сторону Шугнана по долинам реки Гунт к Хорогу и реки Шахдары. В низовьях Шахдары у крепости Рошт-Калы афганские войска преградили путь отряду русских, произошла небольшая схватка, после чего афганцы стали отступать. Следует отметить, что число афганцев раз в 20 превышало рекогносцировочный отряд капитана Скерского. "Путь шахдаринского отряда пролегал по невероятной трудно проходимым местам, и часто отряду приходилось следовать по искусственно устроенным балконам, прикрепленным к отвесным скалам высоко над бездонными пропастями". Причем на отдельных участках этих оврингов солдаты Скерского были вынуждены производить ремонтно-восстановительные работы⁷⁶. К концу августа 1894 г. они очистили правый берег реки Пяндж.

Такому благоприятному исходу способствовало и то обстоятельство, что Ионов заранее направил губернатору Бадахшана Исахану письмо с извещением, что в Шугнан двинутся две съёмочные партии русских, и просьбой воспретить афганским отрядам переходить на правый берег Пянджа во избежание столкновений. К сожалению, губернатор своевременно не отдал приказа об отводе своих войск на левый берег Пянджа, хотя, безусловно, и имел такое распоряжение из Кабула.

Таким образом, в первой половине девяностых годов Россия в полном объеме заняла Памир до южных природных границ, то есть до Гиндукушского хребта. У Памирского поста, в самом сердце Памиров, находилась южная часть долины Аксу, облегающая их с юга и востока; будучи удобнопоезжей, широкой и ровной, она пересекает Памиры с востока на запад. Именно в этих пределах Памиры, упираясь в Гиндукуш с его перевалами в Индию, врезывались между Афганистаном и Китайским Туркестаном и разъединяли Северо-Западную Индию и Западную Азию от восточной её части, от Китая. В руках России оказывались древнейшие исторические пути со-

общения, пролегающие по южным памирским окраинам, которыми китайцы еще в VIII веке настолько дорожили, что снаряжали для их охраны военные экспедиции. Вследствие географического положения Вахана его долина служила излюбленной дорогой для караванов, следовавших через Памиры из Персии, Балха, Пешавара и т.д. в Китайский Туркестан — в Яркенд, Кашгар и Хотан⁷⁷.

Этот быстрый и несомненный успех России побудил Англию ускорить процесс памирского разграничения. Уже в июле 1895 г. к озеру Зор-куль прибыла разграничительная комиссия. Русскую ее часть возглавил военный губернатор Ферганской области генерал-майор Паволо-Швуйковский, английскую — полковник М. Жерар и афганскую — Гулам Мухаммед-хан. Впервые представители Афганистана принимали участие в установлении линии границы своей страны. Но английская сторона попыталась опротестовать участие афганцев в работе комиссии. Лишь благодаря последовательной и твердой позиции Паволо-Швуйковского представитель Афганистана подписывал протокол разграничения в сентябре 1895 года.

Памирскому разграничению предшествовали длительные переговоры между Англией и Россией и, естественно, связанное с этим выяснение и уточнение позиций дипломатических, военных и иных ведомств обеих стран. Компромиссы стали возможны благодаря уступчивости России; лишь в одном русские твердо стояли на своем, категорически возражая против перехода английских войск через Гиндукуш и создания их форпостов у перевалов и проходов с его северной стороны; заявляя, что такой переход будет однозначно оцениваться как враждебный акт против России. В конечном итоге Россия обязалась не выдвигать своих военных отрядов далее Мургаба, а Англия — далее Гильгита, причем понятие “Гильгит” трактовалось довольно широко, в него вошли Хунза (Канджут), Нагар, Ясин, Мастудж и Читрал.

России пришлось отказаться от проекта провести границу от Сархада на перевал Барогиль и далее по Гиндукушу до Ионовского перевала (Бай-кара), затем по водоразделу притоков Аму-Дарьи и Инда. Согласившись вести границу от оз. Зор-куль (Виктория) к горе Акт-таш, Россия потеряла важный узловый пункт Базай-Гумбед, из которого шли пути в Китай, Фергану, Бухару и Индию.

Таким образом, Англия заняла более выгодные в стратегическом отношении позиции, чем Россия, а Ваханский коридор фактически получил статус нейтральной зоны.

Вознаграждать Афганистан Дарвазом за отобранные у него незаконно оккупированные им Рушан и Шугнан было нелогично и более чем странно. Здесь свою неприглядную роль сыграла позиция бухарского эмира, пожелавшего в качестве компенсации получить лучше обработанные и более населенные земли, чем Дарваз.

Вне рамок памирского разграничения оказался Китай, его как бы проигнорировали. На самом деле все обстояло несколько иначе: в 1893 г. наконец-то было заключено соглашение с Китаем, в соответствии с которым восточная граница на Памире устанавливалась от Уз-беля по хребту Сарыкол, включая Ранг-кульский оазис и все перевалы, ведущие в российские владения из Китая. Россия считала, что недоразумений вроде бы не предвидится и никакой необходимости в постановке пограничных столбов не требуется. В связи с этим Китай и не был подключен к процессу Памирского разграничения⁷⁸.

11 марта 1896 года Великобритания и Россия обменялись нотами по памирскому разграничению. Согласно протоколу 1895 г. река Пяндж объявлялась границей между Афганистаном и Россией; часть Дарваза, расположенная на левом берегу Пянджа, и часть Вахана, находящегося выше впадения реки Памир в Пяндж, были присоединены к Афганистану. Рушан, Шугнан и часть Вахана вновь отошли к Бухарскому эмирату. Восточный Памир, часть Рушана (Орошор, долина Бартанга) были включены в Ферганскую область Туркестанского генерал-губернаторства. После разграничения Россия выставила военные посты в Калаи-Вомаре (Рушан), Хороге (Шугнан) и в селении Зунг (Вахан).

Искусственно образованный таким путем клин на крайнем северо-востоке афганской территории отделял владения России на Памире от северо-западной границы Британской Индии и преграждал русским доступ к Гиндукушу.

Этого, собственно говоря, настойчиво добивалась британская дипломатия, опасавшаяся проникновения России в Индию.

Занимаясь памирским разграничением, Англия и Россия полностью проигнорировали Китай, по всей вероятности, это было не случайно: каждая из них вынашивала свои экспансионистские планы в отношении Кашгарии (ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР). До сих пор существуют серьезные разногласия между Китаем и Таджикистаном о линии ее прохождения в районе Памиров.

Несмотря на упорный характер борьбы за Памиры, угроза англо-русской войны, подобная ситуации 1885 г., не возникала на всем протяжении памирского противостояния; почти с самого начала наметилась тенденция компромиссного решения назревавшего конфликта, правда, как было принято тогда у великих держав, за счет слабых и беззащитных⁷⁹.

По поводу памирского разграничения один из современников совершенно справедливо заметил: “ В результате Пяндж стал политической границей. Конечно, когда Вы углубитесь во все это де-

ло, перед Вами выплывает сплошное комедианство; две европейских державы распоряжались бедными горными людьми, как им было выгодно, не спросив ни у них, ни у истории. Много было при этом, конечно, слез и неправды... И по историческим причинам, и по полной политической возможности Англия могла бы оставить Вахан за собою или отдать его России, что было бы по многим причинам справедливо... в Вахане афганцев нет, Вахан и для них совсем чужая страна ... настоящими же хозяевами в ней являются англичане, а афганцы разве только часовые на постах”⁸⁰.

Другой современник давал следующий комментарий к протоколу о памирском разграничении: “ На основании этого соглашения Вахан, Ишкашим, Горон, Шугнан и Рушан были все разбиты пополам. Части их, расположенные на правом берегу Пянджа, отошли к нам; на левом — к Афганистану. От Вахана отошла к нам только четвертая его часть, т.е. тот участок, который лежит на правом берегу, ниже реки Памир; правый берег выше этой реки остался, как и левый, за Афганистаном. Эта новая граница, которая разрешила эти общества на две части, создала для них неуклюжее положение, какое получилось бы, если кто вздумал поделить русскую деревню вдоль по улице между двумя государствами”⁸¹. А ведь до 1895 г. население этих районов в верховьях Пянджа жило большей частью одной общей жизнью.

Ни Англия, ни Россия абсолютно не учитывали интересы коренного населения; многие близкие родственники, проживающие на разных берегах реки Пяндж, оказались в разных государствах. Были серьезно ущемлены киргизы, так как часть долины Оксу отошла к Афганистану, и сократились пастбища для их скота.

Как видим, случай и стечение обстоятельств в истории чрезвычайно важны. Случайно сложившаяся в памирском регионе геополитическая конфигурация как барьер между английской и российской зонами колониальных владений имела трагические последствия в судьбе Бадахшана и непредсказуемо повлияла на последующий ход событий и путь исторического развития народностей этого региона.

Таким образом, в условиях сложных политических интриг Россия и Англия наконец-то, казалось бы, решили свои внешнеполитические споры в районе Афганистана и близ него: в 1893 — 1895 гг. была проведена под сильным нажимом англичан демаркация англо-афганской, точнее индо-афганской границы по так называемой линии Дюранда, а затем и русско-афганской границы на Памире. Собственно говоря, это было прелюдией к достижению англо-русского соглашения о разграничении сфер влияния в центральноазиатском регионе. Следует заметить, что завоевание Средней Азии,

установление протектората над Бухарским эмиратом для царской России означало прежде всего экономические и торговые выгоды, присоединение же Памира к России носило чисто политический характер.

Еще долгое время после памирского разграничения над сознанием современников довлела мысль о возможности внезапного и сокрушительного удара из-за Гиндукуша. Страсти вокруг Памиров продолжали бушевать. Англия и Россия внимательно наблюдали за каждым движением, подозревая друг друга в недобрых намерениях.

О тревожной обстановке на только что установленной линии границы на Памире свидетельствовало, к примеру, донесение начальнику памирского отряда Рангульского поста за апрель 1896 г. о появлении на восточных склонах Сарыкольского хребта партии из 30 вооруженных всадников с пятью лошадьми, удалившихся по истечении 8 — 10 дней в Кашгар. В донесении особо отмечалось: "Трое из партии собирали у жителей сведения, записывая их в книжки, а на каждой остановке снимали окружающую местность. По многим признакам надо полагать, что это смелая разведочная партия из трех англичан, конвоируемая канджутцами"⁸².

Англия тщательно укрепляла перевалы, ведущие в Гиндукуш со стороны Памира: от Малого Памира к Хунзе и Гильгиту; от Сархад — Вахан и Базои—Гумбеца к долине Ишкумана и Ясина; от Пянджа в долину Яркенда и далее на Читрал и от Ишкашима и Зебака к западной части Читрала. В депешах из Российского посольства в Лондоне подчеркивался безудержно-агрессивный характер англо-индийской политики. *Fogward policy* превращала Индию в британскую укрепленную базу в Азии, в опорный оборонительно-наступательный лагерь⁸³.

В инструкции российскому генеральному консулу в Бомбее Клемму от 7 сентября 1900 г. недвусмысленно и четко определена позиция России: "Основное значение для нас Индии заключается в том, что она представляет собой наиболее уязвимый пункт Великобритании, тот чувствительный нерв ее, одно прикосновение к коему, в случае надобности, способно, быть может, заставить правительство королевы изменять враждебное нам настроение его политики и проявлять желаемую уступчивость во всех тех вопросах, где будут сталкиваться обоюдные интересы"⁸⁴. Такой взвешенный и осторожный подход России к Британской Индии казался бы подводил черту под англо-русским противостоянием в Центральной Азии.

Но совершенно иной точки зрения придерживались по ту сторону Восточного Гиндукуша со ссылкой на близость русских передовых постов и якобы исходящую от России угрозу британским владениям в Индии. Небезызвестный А.Дюранд продолжал утверж-

дать:" Средняя Азия теперь уже принадлежит ей (т.е. России — Л.Х.). Что ее военные люди, и притом наиболее способные, верят в возможность завоевания Индии, в этом мог убедиться всякий, кто имел случай изучать вопрос.

Дипломаты ее, правда, может быть, и не верят в возможность такого предприятия; они завалены работой в других местах. И все же они осторожно нащупывают дорогу вперед к нашей индийской границе. Сегодня незаметно проглатываются Памиры, завтра эта участь постигнет Китайский Туркестан и часть Персии"⁸⁵.

Несомненно, такая постановка вопроса отражала точку зрения наиболее консервативных и агрессивных военно-политических кругов Англии, но Дюранд забыл, что в свое время Великобритания проглотила Индию и совсем недавно — Дардистан.

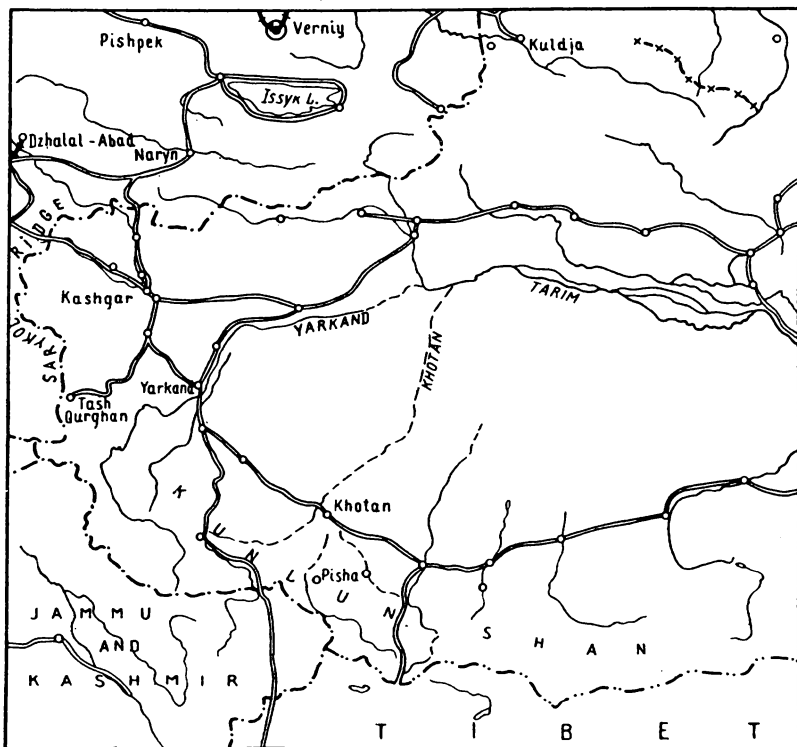
В 1904 г. шла усиленная концентрация английских войск; производилась рекогносцировка горных перевалов Гиндукуша; циркулировали слухи о намерениях англичан занять афганскую часть Вахана, отделявшую северную границу Индии от территории России. В 1905 г. была завершена очередная реорганизация англо-индийской армии, более 2/3 ее было сосредоточено вблизи северо-западной границы, что свидетельствовало о наступательных стратегических замыслах англичан и одновременно о намерениях обезопасить свои владения в Индии от возможных неожиданностей со стороны России. Интенсивная деятельность англо-индийского командования, внешнеполитическая позиция Великобритании безусловно были связаны с русско-японской войной, когда Англия официально объявила о своих союзных обязательствах по отношению к Японии.

Настораживала безостановочная, спешная деятельность англо-индийского командования по усилению военных сил на северо-западной границе Индии и его уверенность в полной военной неподготовленности России в Средней Азии.

В конце января 1904 г. министр иностранных дел России В.Н.Ламздорф констатировал:" Что касается вопроса о возможном поведении Англии в будущем, то, конечно, не следует терять из виду, что держава эта, заявившая официально о союзных обязательствах своих по отношению к Японии, при известных условиях, способна была бы перейти на сторону нашего противника. Вследствие этого, принятие мер на случай разрыва с Англией являлось бы небесполезным"⁸⁶. Это предупреждение было своевременно и отнюдь не лишено оснований. В Британской Индии открыто обсуждались перспективы кардинального решения русско-индийского вопроса.

Именно тогда с особенной силой проявлялось стремление англо-индийского правительства отнести свою передовую линию воз-

можно далее от границ самой Индии и протянуть оттуда сеть стратегических и торговых дорог по разным направлениям. На прицел брались, прежде всего, Афганистан, Белуджистан, и, наконец, районы Читрала, Ясина, Гильгита и Канджута.

Часть Кашгара (Синьцзяна)

Читрало-Канджутское направление британской агрессии представляло для России ту опасность, что ставило под удар юго-восточную часть Памира и южной Кашгарии и угрожало долине Раскем-Дарьи и Сарыколу⁸⁷.

Ближайшей целью военных приготовлений на читрало-гильгитской границе действительно являлось изменение существующих границ пригиндукушских владений Англии за счет Китайского Туркестана⁸⁸.

Для оправдания британских военных приготовлений и маскировки истинных целей министерство иностранных дел направило русскому послу в Лондоне представление, где выражало беспокойство в связи с якобы происходившей концентрацией русских войск в Средней Азии для нападения на Индию. В английском представле-

нии указывались совершенно фантастические цифры о сосредоточении в Туркестане 100 тыс. человек, на Памирской границе — 80 тысяч. Но англичанам, несомненно, было хорошо известно, что в 1904 г. Россия меньше, чем когда-либо, могла и желала наступать на Индию. Это был чистый блеф, своего рода дымовая завеса для подготовленных британских военных акций на Востоке (Тибет, Китай). Англия была хорошо осведомлена о положении на Памире.

Начальник Памирского отряда 18 апреля 1905 г. доносил в штаб Туркестанского военного округа: "...все, что делается здесь, на правом берегу р. Пянджа, становится известным англичанам благодаря их многочисленным разведчикам"⁸⁹. Англичанам прекрасно было известно, что на Памире насчитывалось едва ли 1 000 русских солдат. К тому же английское правительство отдавало себе отчет в неподготовленности англо-индийской армии к вооруженному конфликту с Россией, которая, даже при испытываемых в то время затруднениях, рассматривалась им как весьма серьезный, опасный противник.

Англо-русские противоречия в Центральной Азии намеренно подогревались противниками Великобритании. С этой точки зрения определенный интерес представляет выдержка из письма кайзера Вильгельма II императору Николаю II от 17 ноября 1904 г. : "Граница Индии и Афганистана — это единственная часть земного шара, где весь британский военный флот ничего не может поделаться и где пушки его бессильны отразить вторжение неприятеля"⁹⁰.

Но к тому времени границы среднеазиатских владений России были окончательно определены. Версия о русской угрозе Британской Индии исчерпала себя.

Страх перед возраставшим в колониальных и зависимых странах национально-освободительным движением побуждал царское правительство не к обострению англо-русского соперничества, а, напротив, заставлял искать сближения и сотрудничества с Великобританией. Еще в 1900 г. А.Н. Куропаткин в бытность его военным министром указывал на тождественность интересов Англии и России в Азии, "ибо как нам, так и англичанам приходится считаться со стремлениями побежденных нами народностей свергнуть иго победителей". Далее он высказался еще более определенно: "Глубоко убежденный, что овладение в XX веке Индией составит несчастье и непосильную тяжесть для России, я в то же время признаю естественным и желательным установление настолько дружественных отношений к Англии, чтобы в случае волнения против Англии в Индии мы были бы на стороне англичан"⁹¹. Вот эти умонастроения в верхах российского общества и развитие политической ситуации в Европе и привели к подписанию 18/31 августа 1907 г. конвенции о разделе сфер влияния на Среднем Востоке и в Центральной Азии.

В соответствии с ней, в частности, Англия приняла на себя обязательства не производить никаких изменений в политическом статусе Афганистана, которые могли бы угрожать России. Последняя обязалась считать его вне сферы своего влияния и вести политические сношения с этой страной исключительно при посредничестве британского правительства. Англо-русское соглашение устанавливало торговое равноправие и предусматривало открытие в Северном Афганистане российских торговых агентств.

Вместе с тем конвенция провозглашала допустимость непосредственных приграничных сношений неполитического характера между Россией и Афганистаном: это было сплошное фарисейство, так как такие сношения были слишком неизбежны, чтобы их можно было будто бы устранить. Великие державы, казалось, забыли, что у границы уживается сложная совокупность старых нерешенных вопросов, остатков лишь временно потухших обид, политических принуждений, естественной и неистребимой тяги к общению с близкими родственниками, единокровными и единоверными братьями*.

Впрочем, конвенция 1907 г. в полной мере не отражала устремлений и намерений британских колонизаторов в Центральной Азии. Великобритании нужно было гораздо больше. В меморандуме от 21 октября 1907 г. главнокомандующий англо-индийской армии лорд Китченер недвусмысленно писал: "Заключенная только что конвенция, надо надеяться, устранил опасность непосредственного нарушения Россией мира в Средней Азии. Но, если даже она может рассматриваться, как полная гарантия длительного мира с самой Россией, то имеются и другие обстоятельства, вытекающие из нашей оккупации Индии, которые невозможно игнорировать при рассмотрении вопроса о наших вооруженных силах"⁹². Под "другими обстоятельствами" подразумевалось прежде всего сохранение британского колониального господства на Индостанском субконтиненте.

В Санкт-Петербурге не обольщались в части намерений англичан. На одном из совещаний генерал-майор Н.С.Ермолов указывал: "С назначением лорда Китченера на пост главнокомандующего индийской армией, весь старый план обороны Индии подвергся коренному изменению. Теперь делается все, чтобы обеспечить возможность быстрого наступления на Гиндукуш, и даже далее, и таким образом вынести оборону Индии за ее пределы". Ему вторил начальник генерального штаба царской армии генерал-лейтенант Палицын: "К сожалению, меры военной обороны Индии, проводи-

* Это подтверждается событиями, происходящими на исходе XX столетия в Таджикистане, Азербайджане, Молдавии и т.д. Границы не терпят политических принуждений.

мые лордом Китченером со строгою систематичностью, имеют явно агрессивный характер, с чем мы не можем не считаться"⁹³.

В 1912 г. английское правительство выдвигало ряд предложений относительно изменения соглашения 1907 г. Царское правительство в свою очередь предъявило контрпредложения, направленные на расширение присутствия России в Северном Афганистане (установление контроля над ирригационными сооружениями, право на строительство новых, запрещение деятельности английских монополий и др.). Споры об изменениях в конвенции 1907 г. прекратились в связи с началом первой мировой войны⁹⁴. Во время нее британская стратегия на азиатских театрах не исчерпывалась лишь оборонной подступов к Индии, а носила активный наступательный характер. Британия тогда по-прежнему мечтала о проникновении в Закавказье и Туркестан.

Характерно, что Англия, ради сохранения своего престижа, на каждое завоевание или приобретение России в Центральной Азии отвечала захватом какой-либо территории, причем нередко это делалось чужими руками, например, афганцев, кашмирцев и т.д., на коих возлагалась благородная миссия защищать британские владения с севера и северо-востока. Так, за Хиву и Коканд англичане взяли Келат и Кветту, предоставив афганцам Бадахшан и Вахан, никогда им не принадлежавший; за Геок-тепе они отхватили часть Афганистана, а в качестве компенсации подвинули афганского эмира на захват Рушана и Шугнана; за Мерв выдвинули афганские посты к р.Мургаб и Аличур; за Памир подчинили своему влиянию дотоле независимые пригиндукушские княжества Ясин, Канджун и др., а когда русские добились выдворения с правобережья р.Пяндж афганцев, англичане предоставили им Кафиристан, а сами заняли Читрал и Сват. Эта тактика оставалась неизменной на протяжении всего XIX в.

Так завершалась эра англо-русского противостояния в Центральной Азии: совершался постепенный переход от взаимной подозрительности, недоверия и конфронтации к сотрудничеству, прерванному Октябрьской революцией.

Глава III

Низаритский имамат в Индии

В средние века на территории Ирана существовало исмаилитское государство, распавшееся во время монгольского нашествия (1256г.). Но исмаилитские общины были достаточно сильны, и вне государственных структур сложился так называемый низаритский имамат.

Перенесение низаритского имамата из Ирана в Индию в первой половине XIX в. имело непредсказуемые последствия для народов, населявших Индостан и примыкающие к нему регионы.

В Индии издавна проявлялась большая взаимная веротерпимость, и религиозным различиям как таковым не придавалось особого значения в силу традиции. Еще в III в. до н.э. Ашока указывал: “Все секты заслуживают уважения по той или иной причине. Поступая так, человек возвеличивает свою секту и в то же время оказывает услугу другим сектам”⁹⁵.

Несомненный интерес представляет взгляд на религию Джавахарлала Неру, отражавший точку зрения индийских мыслителей-философов: “Она, видимо, почти всегда олицетворяет слепую веру и реакцию, догму и идолопоклонство, суеверие и эксплуатацию и сохранение привилегированных групп... в ней было что-то еще, нечто такое, что отвечало сокровенным чаяниям человеческих существ”⁹⁶.

Такое отношение к религии вполне созвучно с мнением Аристотеля и Энгельса. Первый, колебавшийся между идеализмом и материализмом, полагал, что человек творит внешний вид и жизненные отношения своих богов по своему собственному подобию, а второй определил религию “как фантастическое отражение человеческого бытия в человеческой голове”⁹⁷.

В любом случае религия наряду с другими формами общественного сознания составляет один из неотъемлемых компонентов духовной жизни и культуры общества.

Английские колонизаторы всегда достаточно умело и широко использовали религиозные секты в политической борьбе. Они поощ-

ряли раскольнические, обскурантистские, реакционные и оппортунистические элементы в них. Ярким примером тому служит секта ахмадийе, основанная в 1829 г. и являвшаяся мощным проводником британского влияния в Индии. Последователи этой секты, между прочим, появились и в среднеазиатских владениях царской России.

Появление на политической арене Британской Индии низаритского имама Ага Мухамеда Хасана Али Шаха Махаллати относится к началу I-й англо-афганской войны (1839 — 1942 гг.). Он был внуком правителя Кермана Абуль Хасана (конец XVIII в.), которого считали прямым потомком Низара, а, следовательно, пророка Мухамеда и его зятя Али.

В XVI в. сефевидские шахи Исмаил и Тахмасп I, будучи отвержены шиизму, поддерживали низаритских имамов ради использования сектантской исмаилитской организации, имевшей последователей в соседних странах. В свою очередь имамы, используя эту благоприятную обстановку, усилили исмаилитскую пропаганду, укрепляли исмаилитские общины и устанавливали более действенный контроль над их деятельностью. В период правления каджарской династии шахи использовали проповеди сектантов для подрыва чремерного влияния высшего духовенства в Иране.

Хасан Али Шах, правитель области Керман, он же главнокомандующий персидской армии, претендовал на шахский трон, но, потерпев поражение в дворцовых интригах, не без помощи и содействия англичан бежал в 1838 г. в Кандагар (Афганистан). Так как афганцы отнеслись к нему с подозрением, он перебрался в Синд, где секта исмаилитов появилась еще в IX в.

Деятельность этой секты значительно оживилась в XIV в. в результате прибытия в Синд беженцев-исмаилитов из Персии. В начале XV в. в Индии появился исмаилитский миссионер (даъи) Садруддин, который активно занимался проповедью исмаилизма, действуя чрезвычайно энергично, но с большой осторожностью, согласно принципу такыйя, допускавшему внешнюю ложь при сохранении внутренней убежденности, другими словами, такыйя (предосторожность) означала нравственное допущение скрывать свое исповедание и мнимое отречение от своих настоящих воззрений, коль скоро свободное исповедание было связано с личной опасностью. Он добился больших успехов в распространении исмаилизма в Синде, Гуджарате, Кашмире и некоторых районах Пенджаба. Таким образом, в Западной Индии укреплялись позиции исмаилизма в том числе за счет обращения в эту веру индусов из местных торгово-ростовщических каст.

К XVI в. в Индии уже сложились исмаилитские торговые общины—бохра, относившаяся к мусталитской ветви исмаилизма, и

ходжа, причислявшие себя к его низаритской ветви. По традиции основателем общины ходжа считается пир Садр-уд-дин (упоминавшийся выше проповедник). Причем прозелит секты исмаилитов никогда не может стать ходжой, им можно только родиться.

Хасан Али Шах еще при дворе каджарского шаха Фатх Али (1797 — 1834 гг.) получил прозвище Ага Хан, которое стало наследственным титулом низаритских имамов в Индии ⁹⁸.

Следует подчеркнуть, что в тот период в Иране английское влияние часто осуществлялось через правителей областей. Вполне вероятно, что Хасан Али Шах именно тогда установил связь с британской разведкой. Об этом косвенно свидетельствует его бегство в Индию в период обострения англо-иранских отношений, приведших к разрыву дипломатических связей в ноябре 1838 г. почти на три года. Причиной разрыва отношений стал провал замыслов англичан по установлению своего влияния в Хорасане и Герате. Ими же и было спровоцировано выступление Ага Хасана против шаха Ирана, которое потерпело неудачу, что и явилось поводом для его поспешного бегства в Индию. Последующие события уже прямо подтверждают тесные контакты Хасан Али Шаха с британскими колониальными властями.

Возглавляя отряд своих последователей, он участвовал в действиях кандагарской колонны генерала Нотта; благодаря его успешным переговорам с повстанцами, осаждавшими английский гарнизон в крепости Пешавара, осада была снята, что привело к спасению англичан.

В 1843 — 1844 гг. Хасан Али Шах оказал помощь английскому генералу Ч. Нэпиру в овладении Синдом, в частности, он выдал английскому командованию план обороны эмиратской столицы Хайдерабад. Столь своеобразно он отблагодарил синдских эмиров Тальпуров, оказавших ему радушный приём в 1841 г.

Затем последовало покорение Белуджистана. И здесь Ага Хасан, вновь подтверждая свою преданность британским колонизаторам, настойчиво убеждал вождей белуджей пойти на сговор с англичанами, но все его попытки не увенчались успехом. Тогда он со своими приверженцами вновь встал под английские знамена ⁹⁹.

Таким образом, Ага Хасан Али Шах сумел обеспечить благожелательное отношение к себе со стороны англо-индийских колониальных властей и ему были дарованы княжеские привилегии сардара I класса с пожизненной пенсией в размере 3000 кальдаров ежемесячно и наследственный титул “высочество”.

С 1845 г. постоянная резиденция Ага Ханов учреждается в Бомбее. Сразу же в общине ходжа возникли серьезные разногласия, отражавшие новые тенденции в мировоззрении нарождающейся ис-

маилитской буржуазии. Они заключались в требовании развития просвещения и стремлении оградить свое имущество, семью, свободу предпринимательства от покушений имама с помощью буржуазного права. Дело дошло до судебного разбирательства.

Обе стороны представили в суд хранившиеся до того в строгой тайне материалы по истории, догматике, организации и деятельности исмаилитов в Индии и за её пределами. Они дали английским властям более ясное представление о положении низаритского имама и о выгоде сотрудничества с ним и верхушкой общины ходжа.

Низаритские имамы возводят свою родословную к середине XII в. и считают себя прямыми потомками одного из аламутских владык. Но являются ли Ага Ханы прямыми потомками и наследниками пророка? Воплощена ли в них световая субстанция души, присутствующая Алию? Низар был в действительности сыном фатимидского халифа Мустансира (1036 — 1094 гг.), который назначил своим преемником Низара, но перед смертью изменил свое намерение и передал имамат другому своему сыну Мустали. Низар вместе со своим сыном Мавляно Никоди тайно скрылся из Египта и через верного ему человека переправил своего сына в неприступную крепость Аламут, который и находился там на воспитании у Хасана Саббаха, бывшего в свое время знаменитым в истории вазиром Мустансира. Мустали обманным путем вызвал Низара в Египет и спустя год убил его. После этого братоубийца погибает от рук своих приближенных, а имамат переходит к скрывающемуся в Аламуте сыну Низара, но к тому времени фатимидский халифат из-за раздиравших его внутренних распрей приходит в упадок.

По достижении совершеннолетия Мавляно Никоди при деятельном участии Хасана Саббаха объявляется имамом — светским и духовным владыкой Аламута. По существующим преданиям, последний аламутский владыка Рукн ад-дин Хуршах Хасан, предположительно потомок Мавляно Никоди, после завоевания Ирана монголами якобы отрекся от престола и переехал на мирное жительство в Тавриз. Сын Хуршаха известный персидский поэт Шашен Табризи, фигурирующий в исмаилизме как “Солнце истины”, много лет скрывался, путешествуя по Европе, и через безусловно вымышленную родословную целого ряда воплощений выявляется, наконец, в образе Хасана Али Шо, который силами набранных им воинов захватывает Керман. Как видим, в генеалогии Ага Ханов много невразумительных объяснений и вымышленных фактов (чего стоит легенда о спасении Хуршаха от беспощадных монгольских завоевателей и о его спокойном проживании в Тавризе до конца своих дней, хотя точно известно о его гибели от рук монголов в 1257 г.)¹⁰⁰. Подобные сюжеты в родословной Ага Ханов вызывают глубокие, обоснованные сомнения в законности их прав на имамат.

В 1866 г. бомбейский суд вынес приговор в пользу Ага Хана, что укрепило авторитет и власть имама в общине. Английский суд подтвердил и закрепил духовные и светские привилегии Ага Хана, признал его юридическим собственником всего общинного имущества джамаата Бомбея. Ходжа были признаны особой общиной исмаилитов, жизнь и организация которой не регулируется обычным мусульманским правом¹⁰¹.

Такое решение в значительной степени было продиктовано политическими интересами британского империализма и учитывало прежде всего экспансионистские устремления Англии на Востоке во второй половине XIX в.

Кроме того, ходжа, будучи одной из исламизированных индийских каст, связанных с городской жизнью, торговлей и ремеслами, более легко, чем другие чисто индуистские группы населения, включались в возникающий сектор колониально-капиталистической экономики, чуждый индийской традиционной структуре.

Тем не менее ближайшие преемники Ага Хана I в полной мере учитывали уроки судебных процессов 1862 — 1866 гг. и реформаторские тенденции в общине ходжа. Следует отметить роль Али-шаха, сына Ага Хана I, в дальнейшем укреплении позиций низаритского имамата в Индии.

В родословной Ага Ханов много темных пятен, вымыслов, которые заставляют глубоко сомневаться в “божественном происхождении” керманского правителя Ага Хасана Али Шаха. По крайней мере, к прямым потомкам пророка Мухамеда — Али и Низара — Ага Ханы не имеют никакого отношения, а потому абсолютно бездоказательны утверждения, что божественная субстанция Али, переходящая по непрерывной цепи имамов от поколения к поколению, воплощена именно в них.

Ага Ханы возводят свою генеалогию к правителю Аламутского государства Хасану ала зикри-хи-с-салям (1162 — 1166 гг.), который стал создателем низаризма — новой демократичной ветви исмаилизма. Он смело восстал против уз и оков шариата, выступая против невежества и суеверия, призывая к наукам и познанию мира. Выдающийся азербайджанский просветитель Мирза Фатали Ахундов, высоко оценивая историческую роль Хасана ала зикри-хи-с-саляма, писал, что он “предпринял реформацию в то время, когда европейцы еще жарились на инквизиционных кострах”, и “положил начало протестантизму в исмаилизме”¹⁰². Хасан никогда не был имамом и возводить через него генеалогию к Али антинаучно и лишено веских оснований.

Более того, “Хасан был общепризнанным знатоком исмаилитского учения. Это заставило его проявлять осторожность в присвое-

нии себе имамата. Он не мог не знать, что во враждебных ему кругах немедленно возникнет сомнение в его праве на имамат и что ему придется приводить аргументы и доказательства”¹⁰³.

Рассказы о пребывании в Аламутском государстве прямых потомков Низара являются легендами, а детальный, объективный анализ источников приводит к неоспоримому выводу о легендарном характере генеалогии Хасана, о том, что он не был потомком фатимидских имамов ¹⁰⁴.

К моменту появления Ага Ханов в Индии из низаризма были уже изъяты демократизм, конкретность, идеи социального и имущественного равенства для исмаилитов и антифеодалная направленность.

В 1885 г. Ага Ханом III стал Ага Султан Мухаммед Шах (1877 — 1957 гг.), внук Ага Хана I. К тому времени персидское феодальное окружение имама уже было вытеснено, и на смену ему пришла верхушка общины ходжа, которая по существу возглавила руководство низаритским имаматом. Однако там еще оставалась мать Ага Хана III — персиянка Биби Хукми, весьма умная и энергичная женщина. Она долгие годы рассылала грозные приказы и напоминания исмаилитским общинам “бояться бога и платить десятинные деньги”. Один из ее современников-исмаилитов образно, не без иронии отмечал: “По результатам 50-летнее управление мамыши Ага Хана далеко оставляет за собой и монголов, и Тамерлана: те убивали тело, она уничтожила душу. Жаловаться было бесполезно, так как жаловалась она сама и умела убедить сына”.

Благодаря ее целеустремленным действиям такого свойства семейство Ага Ханов стало обладать огромным состоянием, которое с годами увеличилось благодаря успешным финансовым и деловым операциям. К тому же верующие исмаилиты разных стран продолжали регулярно выплачивать зякет, а по случаю празднования юбилеев Ага Хана III — “золотого”, “бриллиантового” и “платинового” — они взвешивали имама, используя вместо гирь золото, бриллианты и платину, которые затем дарили “живому богу”.

Имам Ага Хан III, незаурядная личность с весьма широким кругозором, сочетал в себе качества крупного политика, финансиста и предпринимателя, способного журналиста и драматурга, мецената и спортсмена. Вместе с тем он был убежденным сторонником буржуазного рационализма в вопросах религии и приверженцем исламского модернизма. В практической деятельности Ага Хан III всецело руководствовался интересами своей секты и считал главной задачей и целью приспособление исмаилизма к современным условиям, о чём неопровержимо свидетельствует оглашенное после смерти завещание в пользу внука Карима в присутствии высших предста-

вителей сектантской иерархии. В частности, в нём говорилось: “В век атомной энергии, спутников и социальных потрясений во главе исмаилитов должен стоять молодой человек, которому ближе дух времени и который в качестве руководителя секты сумеет проводить достаточно гибкую политику”¹⁰⁵.

Ага Султан Мухаммед Шах получил традиционное образование: изучал арабскую письменность, историю, литературу, теологию ислама и мусульманское право. Затем учился в закрытом аристократическом Итонском колледже, Кембриджском университете, а также слушал лекции в Сорбонне. Там он приобрел достаточно основательные знания в области современных языков, математики и естественных наук (химия, физика, биология).

Как индийский князь имам Ага Хан III был, естественно, тесно связан с феодальной знатью Индии, что ни в коем случае не характеризует его как мракобеса, представителя феодальных кругов. Он был высокообразованным человеком, большую часть времени проводил в Европе и вел светский образ жизни. Его личные взгляды по политическим, экономическим, общинным и религиозным вопросам были вполне современными.

Ага Хан III уделял огромное внимание общине ходжа по сравнению с другими подчиненными ему исмаилитскими общинами за пределами Индии. По существу в недалеком прошлом ходжа представляли собой одну из самых суеверных, отсталых индийских каст, состоявшую главным образом из мелких разносчиков, лавочников и ростовщиков, причем их отличала крепкая общинная спайка.

К середине XX в. община ходжа стала одной из самых передовых групп населения Индии, почти со 100% грамотностью, в основном занятых промышленной, финансовой, коммерческой и другой деятельностью, имеющей свои газеты, кооперативы, кредитные, культурно-просветительские учреждения, школы, больницы, детские сады и т. д. Всем этим община ходжа обязана реформаторской и просветительской деятельности Ага Хана III, его энергичному и компетентному руководству, такту и недюжинным организаторским способностям. Причем имам вложил немало личных средств. К тому же объективно такой динамичной трансформации ходжа благоприятствовало становление Бомбея как центра и штаба индийской промышленности, торговли, банковского и страхового дела.

В политическом плане Ага Хан всегда последовательно защищал интересы крупной компрадорской буржуазии ходжа. Благодаря покровительству имама и его тесным связям с английскими монополиями верхушка общины ходжа из средневековых купцов превратилась в представителей современного монополистического капитала¹⁰⁶. К концу 20-х гг. ее влияние в руководстве имаматом настоль-

ко возросло, что один из авторитетных исмаилитских духовников Китайского Туркестана в приватном разговоре прямо говорил о чрезмерной зависимости Ага Хана от своего ближайшего окружения: "...если он будет противоречить особенно настойчиво, то в один прекрасный день может получить по шапке и оказаться развенчанным богом"¹⁰⁷. Видимо, этот крупный духовник имел веские основания для подобных утверждений.

В середине нынешнего столетия община ходжа насчитывала более 130 тыс. человек. Около 30 тыс. из них проживали в странах Восточной и Южной Африки, фактически являясь её влиятельной диаспорой за рубежом.

В ближайшем окружении Ага Хан III нередко утверждал, что считает своими настоящими духовными детьми только ходжей, а остальных исмаилитах отзывался с известной долей пренебрежения и даже презрения. Впоследствии он как руководитель секты принимал участие в финансировании и деятельности Алигархского, Лакхорского и других университетов, призывая мусульманскую молодежь изучать естественные и технические науки, что было широко использовано исмаилитской пропагандой, изображавшей имама "великим просветителем". Ради объективности следует подчеркнуть, что престиж Ага Хана III был высок, он умел поддерживать благочестие в своих последователях.

Ага Хан III был не только крупным религиозным деятелем, но и довольно известным политиком, обладавшим умением лавировать. Как имам он всецело сообразовывался с интересами своей секты, прежде всего общины ходжа. Однако в своей политической деятельности он не мог не учитывать реального положения вещей, а именно прямой зависимости благосостояния имамата, привилегий верхушки ходжа от благосклонности английских колониальных властей. Кстати, еще в 70-х гг. XIX в. видный английский чиновник Бартль Фрир, большой знаток организации и практической деятельности ходжа обратил внимание на их роль как агентуры британского империализма¹⁰⁸.

Ага Хан III был последовательным сторонником британского владычества на Индостанском субконтиненте и убежденным противником каких бы то ни было изменений, ведущих к нарушению статус-кво. Его органическая связь с английскими правящими кругами несомненна. Заслуги его были отмечены многими британскими орденами и другими королевскими наградами.

В 1902 — 1904 гг. Ага Хан III, несмотря на молодость, был удостоен чести входить в состав вице-королевского Совета Индии. Именно в 1902 — 1903 гг. имам переходит на позиции религиозно-общинного сепаратизма, что в известной степени объясняется англ-

лийской политикой “разделяй и властвуй”, выразившейся во всемерном разжигании религиозно-общинной розни. Последствия этого сказались значительно позже.

В 1906 г. при участии английских колониальных властей, стремившихся к разжиганию религиозной вражды между индусским и мусульманским населением с целью укрепления британского господства, была создана политическая партия — Всеиндийская Мусульманская лига. Она возникла на фоне роста национализма среди молодого поколения мусульман и его явного стремления к активным политическим действиям. Лига ставила перед собой казалось бы благородную цель — защиту интересов мусульман. Но к руководству ею сразу же пришли представители мусульманских феодально-помещичьих и буржуазных кругов, которые стремились во что бы то ни стало расширить свое присутствие в администрации — совещательных органах при вице-короле Индии. Ага Хан III был бессменным председателем Мусульманской лиги вплоть до 1913 г. Это весьма красноречивый и парадоксальный факт в истории лиги: ведь ни Ага Хана, ни его последователей не считают правоверными мусульманами.

Еще в 1908 г. известный венгерский ученый-исламовед И. Гольдциэр, комментируя избрание Ага Хана III на этот пост, справедливо подметил, что последний считал британское владычество в Индии благодеянием для ее народов и в период волнений индийских свараджистов (то есть сторонников независимости) обращался со словом увещевания к мусульманам Индии, а также к индусам и указывал “ на безумие и незрелость стремлений к самостоятельности и необходимость и спасительность английского господства”¹⁰⁹. Руководство лигой, доверенное духовному владыке исмаилитов, означало лишь одно: индийские мусульманские лендлорды и их развивающаяся буржуазия оказывают полную поддержку британской колониальной администрации.

И, действительно, Мусульманская лига строила свою политику на сотрудничестве с англичанами и отказе от союза с Индийским национальным конгрессом. Мусульманские лидеры были верными помощниками британских колонизаторов, которые высоко ценили их лояльность. Неудивительно, что Мусульманская лига использовалась для отвлечения внимания молодого поколения от политической активности и направления его деятельности в безопасное для англичан русло.

Ага Хан III, будучи заинтересован в предупреждении политических изменений в Индии, внушал вице-королю Минто, что любые политические уступки индусскому большинству одинаково опасны как для стабильности британского господства, так и для ло-

яльного мусульманского меньшинства. Деятельность Мусульманской лиги под руководством Ага Хана III вызывала полное одобрение у колониальных властей. Даже утверждалось, что “никогда еще мусульмане Индии как единое целое не отождествляли с такой полнотой свои интересы и чаяния с интересами укрепления и продления английского владычества”¹¹⁰. Эти восторженные слова относятся к 1910 г. и, конечно, не отражают истинного положения вещей.

В 1913 г. Ага Хан III покидает пост председателя Мусульманской лиги. Причиной его ухода, как впоследствии свидетельствовал М. А. Джинна, было включение в программу лиги требования о предоставлении Индии автономии¹¹¹. Имам, большинство последователей которого проживало в пределах империи, не желал компрометировать себя в глазах правящих кругов Англии. Затем он вообще порвал связи с руководством лиги ввиду ее участия в кампании гражданского неповиновения в 1917 — 1918 гг.

Накануне первой мировой войны Ага Хан III много путешествовал по странам Ближнего Востока и Восточной Африки. Попутно он выполнял различные дипломатические и разведывательные задания английского правительства, весьма искусно увязывая их с заботами о создании более льготных условий для предпринимательской деятельности буржуазии ходжа на подвластных Турции арабских территориях и в германских колониях в Восточной Африке. Впоследствии он вел переговоры в Берлине с кайзером Вильгельмом II о коммерческих правах и юридическом положении ходжа в африканских колониях Германии¹¹².

В январе 1914 г., перед началом первой мировой войны, довольно оригинальным способом (путем публикации статьи в журнале “Эдинбург ревью”) Ага Хан настоятельно, со знанием дела советовал англичанам “отказаться от политики разделения индусов и мусульман и объединить умеренные элементы обеих религий в общий лагерь, чтобы таким образом обеспечить противовес радикальным националистическим тенденциям молодой Индии — как индусской, так и мусульманской”¹¹³. Это предложение было в высшей степени рациональным, еще раз свидетельствовало о преданности Ага Хана Британской империи, об умении его как политика анализировать ситуацию и давать совершенно правильные рекомендации.

В годы первой мировой войны Ага Хан выпустил воззвание к мусульманам Индии, призывая их под английские знамена. В связи с вступлением Османской империи в войну на стороне Германии англичане широко использовали Ага Хана как одного из основателей Мусульманской лиги для проведения проанглийской пропаганды в исламских странах, враждебно настроенных по отношению к Великобритании. В своем новом воззвании он старался доказать,

что государства, входившие в блок Антанты, не являются врагами мусульман и призывал последних выступать против Германии и ее союзников, в связи с чем много ездил по Ближнему Востоку в течение 1914 — 1918 гг.¹¹⁴

В 1919 г. в обращении к исмаилитам Индии и Афганистана Ага Хан настоятельно рекомендовал им поддержать Англию в третьей англо-афганской войне. В том же году на Версальской конференции при разработке условий мирного договора он установил тесный контакт с делегацией мусаватистов Азербайджана; все его усилия были направлены на то, чтобы при ее поддержке решить вопрос об отделении Азербайджана от России, что полностью соответствовало британским интересам¹¹⁵.

К 1929 г. волна национально-освободительного движения в Индии нарастала. К тому времени Индийский национальный конгресс превратился в общенациональную, антиколониальную организацию и занимал четкие позиции в борьбе за национальное освобождение и политическую независимость. Конгресс возглавляла группа индийских интеллектуалов, игравших непропорционально значительную роль в политике и общественной жизни огромной страны. Воспитанные по английской модели, они в качестве возможного будущего для себя и страны ориентировались на британский парламентский стандарт, для них были очевидны преимущества демократической процедуры перед традиционным восточным авторитаризмом. Демократизм как стиль руководства был просто необходим Индийскому национальному конгрессу, без него трудно, практически невозможно было бы сплотить в нечто единое целое гигантский многокастовый и многонациональный индийский социум со всеми его внутренними противоречиями и раздирающими его на части острыми проблемами. Это прекрасно понимали авторитетные лидеры конгресса.

В январе 1929 г. состоялась Всеиндийская мусульманская конференция. На ее открытии Ага Хан произнес речь, в которой практически поддержал и восхвалял колониальный режим. В частности, он заявил: «Британия защищает нас от внешних врагов и поддерживает порядок внутри страны, и поэтому естественно, что она претендует на преимущественные права в управлении Индией»¹¹⁶. На этой конференции были приняты такие решения, которые позволили Ага Хану как руководителю индийской делегации на конференции круглого стола в Лондоне в 1930 г. вносить предложение о разрешении религиозно-общинных проблем путем превращения Индии в федерацию автономных провинций и княжеств. Во всех отношениях это был приемлемый для Британской империи вариант, воплощение в жизнь которого вовсе снимало с повестки дня

вопрос о предоставлении Индии независимости и лишь укрепляло позиции британского империализма на Индостанском субконтиненте.

В 1930 — 1931 гг. Ага Хан был руководителем делегации Индии на конференциях круглого стола в Лондоне, которые были обязаны обсудить вопросы свободного, демократического и независимого развития Индии. В то время Британская Индия представляла собой конгломерат из более чем 600 государственных образований с различной степенью зависимости от британского вице-короля. Английское правительство заранее позаботилось о тщательном отборе делегатов на них и прилагало немало усилий к тому, чтобы главным предметом обсуждения была проблема религиозных общин. Оно прекрасно понимало, что корень зла был не в них, а в их реакционно настроенных руководителях, которым независимость Индии была глубоко безразлична. Делегаты этих конференций в политическом и социальном отношении представляли, как правило, самые отсталые и реакционные круги; они прежде всего выражали интересы привилегированных групп Индии, которые, будучи тесно связанными с британским империализмом, уповали на его покровительство и защиту.

Правящие круги Великобритании несут моральную ответственность за разжигание межобщинной вражды, так как они прямо или косвенно поощряли ее, именно они посеяли семя мусульманского сепаратизма и заботливо выращивали из него растение, которое и привело к расчленению Индии¹¹⁷. Конференции круглого стола, как это ни парадоксально, способствовали усилению межобщинной розни.

Назначение же Ага Хана английскими колониальными властями мусульманским делегатом на конференции круглого стола, а тем более избрание его на пост председателя индийской делегации, до сих пор вызывает недоумение, так как его фактическое положение среди мусульманского населения и занимаемые им позиции в общественно-политической жизни Индии ни в коем случае не соответствовали таким шагам. По свежим впечатлениям, не без сарказма и чувства горечи Дж. Неру написал следующие строки: “Вполне естественно, что в этом сборище представителей привилегированных кругов — империалистических, феодальных, финансовых, промышленных, религиозных, общинных — руководство делегацией Британской Индии обычно выпадало на долю Ага Хана, который в известной степени воплощал в своем лице эти интересы. Тесно связанный на протяжении жизни целого поколения с английским империализмом... он вполне мог оценить и представлять интересы и точку зрения наших правителей... Вся ирония заключалась в том, что считалось, будто он представляет Индию”¹¹⁸. И это

совсем неудивительно, ведь Ага Хан III, с одной стороны, был представителем феодально-клерикальных кругов, а с другой — буржуазной общины ходжа.

Следует отметить, что на этих конференциях ярко проявлялись реакционность и антинационализм как индусских, так и мусульманских религиозно-общинных деятелей. На третьей конференции круглого стола в 1933 г. Ага Хан представил так называемый “Общинный проект”, который был использован сначала в “Законе об управлении Индией” — “Общинное решение” 1935 г., а затем при составлении различных планов создания Пакистана.

Сепаратистская деятельность индусских и мусульманских коммуналистских кругов, безусловно, наносила ощутимый урон борьбе индийского народа за независимость, а противопоставление интересов мусульманской и индусской общин было на руку английской политике “разделяй и властвуй”. Это помогло британским колонизаторам отсрочить предоставление независимости народам Индостана. Ага Хан внес свою лепту в осуществление этой политической линии Великобритании по разжиганию межрелигиозной общинной розни на Индостанском континенте.

Результаты работы трех конференций круглого стола оказались весьма плачевными для Индии и в основном сводились к следующему: превращение ее в федеративное государство с преобладающим влиянием феодальных княжеств с сохранением в них авторитарных режимов; предоставление автономии провинциям под контролем губернаторов и вице-короля с независимыми, неприкосновенными имперскими службами; прочные узы с империей в виде долговых цепей и еще более тяжелое налоговое бремя, а также подтверждение прав всех привилегированных групп¹¹⁹.

Именно в эти годы в высшей степени необычно было наблюдать тесные контакты Ага Хана с ярким поборником укрепления позиций английского империализма на Востоке, реакционным политическим деятелем Ллойд Джорджем, который в 1934 г. яростно критиковал руководство консервативной партии и английское правительство якобы “за представление слишком больших уступок Индии”. “Казалось, что Ага Хан и лорд Ллойд стали неразлучными друзьями в имперских делах — два сердца, которые бьются в унисон,” — метко заметил Дж.Неру¹²⁰. А все эти уступки заключались всего лишь в создании Совета английских пэров и индийских мусульманских лидеров для упрочения их союза. Тогда же зарождается теория о полной несовместимости мусульманской и индусской культур, о “мусульманской нации” и о посреднической роли Англии, которая должна остаться в Индии навсегда с целью обеспечения равновесия между этими двумя “культурами”. Трудно пове-

речь в непричастность Ага Хана к этой политической интриге, имевшей серьезные и трагические последствия для народов Индостана.

Концепция “двух наций”, “двух культур” была совершенно несостоятельна и при самом своем возникновении уже несла на себе печать смешения понятий религиозной общины и этнической общности. Утверждения лидеров Мусульманской лиги о том, что мусульмане и индусы представляют разные нации, обосновывались только одним аргументом, а именно исповеданием ими двух религий, взаимоисключающих друг друга во всех проявлениях жизни человеческого общества. От них веяло неискренностью, фальшью, стремлением ввести мусульманские массы в заблуждение. У индусов и мусульман Индии была общая родина, общие история, искусство, социальная жизнь, общие языки и даже их религии претерпели взаимное влияние: ислам в Индии принял индусскую окраску, а “мусульманам придал новые оттенки, новое направление религии индуса”¹²¹. Тем не менее нельзя закрывать глаза на существование абсолютной несовместимости индуизма и ислама и стоящих за ними жизненных стандартов, норм поведения, систем ценностных ориентаций, несмотря на поиски плодотворного синтеза этих двух религий еще со времен средневековья, когда наступил период их вынужденного сосуществования. Но враждебность между обеими религиозными доктринами продолжала существовать и возрастать вплоть до настоящего времени.

В 30-е гг. Ага Хан активно и охотно занимался международными делами: в 1932 и 1934 — 1937 гг. возглавлял индийскую делегацию на ассамблее Лиги наций; в 1932 г. представлял Индию на конференции по разоружению в Женеве; в 1937 г. был президентом ассамблеи Лиги наций в Женеве и представителем Индии на коронации в Лондоне¹²². Безусловно, без мощной поддержки английских правящих кругов столь бурная политическая активность Ага Хана была бы вряд ли возможна.

С 1940 по 1946 г. Ага Хан был оторван от деятельности мусульманских политических организаций в Индии. Тем не менее, находясь за кулисами Мусульманской лиги, он как опытный и гибкий политик нередко действовал чужими руками. Кстати, высшие представители исмаилитской иерархии в Индии были настроены сепаратистски в период движения за Пакистан.

По мнению многих отечественных и зарубежных исследователей, Ага Хан как автор проекта создания в Индии федерации автономных провинций и княжеств, предусматривавшего выделение территорий с мусульманским большинством, несет прямую ответственность за выдвинутое Мусульманской лигой в 1940 г. требование

раздела Индии. Сам Ага Хан по вопросу расчленения Британской Индии держался чрезвычайно осторожно и открыто высказался за Пакистан лишь в 1946 г. Наряду с М.А. Джинной Ага Хана по праву следует считать одним из идейных отцов Пакистана. Ведь из теории двух культур и двух наций, в основу которой был положен религиозный принцип, выросла концепция исламского государства Пакистана. И в экономическое развитие Пакистана имам внес свой весомый вклад.

Разделу Индии, несомненно, предшествовали ошибки и просчеты в политике Индийского национального конгресса по отношению к мусульманской общине. Кстати, мусульмане Индостана в связи с решением вопроса о создании Пакистана раскололись на два противоположных лагеря. Ряд мусульманских движений и организаций не поддержали ни теории “двух наций”, ни идею Пакистана. В частности, к ним относилось движение “краснорубашечников” под руководством Абдул Гафар — хана, поддержанное большинством населения Северо-Западной Пограничной провинции. Оно последовательно выступало против лидеров Мусульманской лиги, настойчиво добивавшихся создания мусульманского государства, за что жестоко поплатилось после образования Пакистана¹²³.

Разделенные по религиозному принципу оба государства с самого начала оказались резко враждебными по отношению друг к другу, не говоря уже о том, что само их формальное размежевание происходило в огне резко обострившейся индо-мусульманской вражды, порой в обстановке жестоких гонений и кровавой бойни, стоившей едва ли не миллиона человеческих жизней (по некоторым подсчетам, только в Пенджабе резня и погромы унесли около полумиллиона жизней). Ситуация была еще усугублена тем, что княжествам давалось право свободного выбора, вследствие чего ряд князей, а большинство их были мусульманами, выразили желание вопреки воле населения княжеств, по преимуществу индуистского, присоединиться к Пакистану. Это повлекло дополнительные эксцессы и потребовало вооруженного вмешательства Индийского союза. В результате княжества, расположенные на индийской территории, были включены в состав этого государства, в том числе и Кашмир, хотя часть его так и осталась за Пакистаном.

Северо-западная Индия, то есть современный Пакистан, органически входил в её состав, был плоть от плоти ее. Почти полная исламизация именно этой части Индостана имела своим следствием существенные структурные изменения, прежде всего ослабление той стабилизирующей функции, которую здесь издревле играла общинно-кастовая система. Взамен её окрепли характерные для мира ислама отношения с типичной для него нестабильностью при доста-

точно сильной и не очень-то считающейся с народом власти как таковой. Эти исторические обстоятельства без сомнения сыграли свою провоцирующую роль при разделе Индии¹²⁴.

Индийские мусульмане заплатили дорогую цену за раздел Индии. По разным оценкам сейчас в Индии проживает от 85 до 120 миллионов мусульман, которые расселены компактными группами по многим регионам страны. В индийском государстве, прежде всего, пострадал культурный и политический статус мусульманской общины, не нашла своего разрешения религиозно-общинная проблема, наоборот, национально-религиозная рознь едва ли не стала важнейшей из внутренних проблем Индии. Положение индийских мусульман нередко приобретает трагические оттенки.

Индусы и мусульмане по-прежнему относятся к друг другу с неприязнью, которую постоянно раздувают в своих политических целях как шовинистические индуистские партии, так и фундаменталистские мусульманские объединения. Ожесточенные столкновения между индусами и мусульманами по всякому поводу, а то и без него происходят практически во всех индийских штатах. Об этом ярко свидетельствуют драматические и кровавые события в Кашмирской долине, где мусульманское население штата Джамму и Кашмир настаивает на создании отдельного независимого государства. Напряженность в Кашмире постоянно сохраняется. Серьезную проблему для Индии представляет борьба сикхского меньшинства (тем не менее представляющего большую и сильную общину) вначале за политическую автономию, а затем и за собственное независимое государство в Пенджабе.

Экстремизм практически долгое время был незаметен в среде индуистского большинства, что вызывалось сдерживающей функцией системы каст. Однако за последние годы он дал о себе знать, в частности, в связи с проблемой индуистской святыни в городке Айодхья, где на месте разрушенного монголами храма была несколько веков назад возведена мечеть, которую радикально настроенные индуисты недавно снесли и намерены на этом же месте восстановить храм бога Рама. Это, естественно, вызвало энергичный протест мусульман и привело к серьезным конфликтам. Более того, осложнило отношения Индии не только с Пакистаном, но и с мусульманским миром (1992 — 1993 гг.)

Разделение Британской Индии по религиозному принципу на собственно Индию с преобладающим индусским населением и Пакистан с преобладающим мусульманским населением не решило религиозно-общинной проблемы и не преминуло существенным образом отразиться на судьбах молодой исламской республики. С калейдоскопической скоростью гражданское правление перемежалось с

военным. В 1971 г. в связи с возникновением Бангладеш на территории Восточного Пакистана (часть Бенгалии) притязания мусульман на принадлежность к отдельной нации на чисто религиозной основе как практически, так и теоретически оказались несостоятельны, что с неоспоримой очевидностью свидетельствует о крахе концепции “двух наций”.

Расчленение Индии имело отрицательные последствия: недоверие, ненависть, страх, враждебность, постоянная напряженность в отношениях, иногда возникновение военных конфликтов вынуждают Индию и Пакистан расходовать колоссальные средства на оборону и наращивание вооружений, вплоть до создания ядерного оружия, вместо того чтобы использовать их на экономическое развитие и улучшение социальных условий жизни своих народов. Современное развитие общей ситуации на Индостанском субконтиненте убедительно демонстрирует, что идеи религиозного национализма, фанатизма и экстремизма продолжают оказывать активное воздействие на процессы, происходящие в этом регионе¹²⁵.

В 1949 г. Ага Хан III неожиданно принял персидское подданство, а в 1950 г. выступил с инициативой создания Исламистана — обширного мусульманского государства на Ближнем и Среднем Востоке под эгидой Великобритании. Экстравагантность, эксцентричность его поведения в данном конкретном случае не поддавались бы никаким объяснениям, если не учитывать мощь подъема национально-освободительного движения, угрожавшего самому существованию Британской империи. В условиях, сложившихся после второй мировой войны, такую инициативу можно только оценить как своего рода фантазмагорию Ага Хана III. Он еще раз продемонстрировал вполне похвальное постоянство в своей преданности английской короне.

Низаритский имамат и в наше время располагает большими ресурсами, хорошо поставленным пропагандистским аппаратом и обширными международными связями. Пропаганда современных исмаилитов, как и при Фатимидах, отличается гибкостью, разнообразием, умением приспосабливаться к изменяющимся условиям, а главное способностью к объединению и образованной элиты, и масс под лозунгом верности идеям исмаилизма. Недаром наблюдательный и умный перс Мухаммед аль-Шахрестани, автор трактата о религиях и сектах, еще в XII в. заметил: “...и была у исмаилитов пропаганда и новизна идей во все времена и на всех языках”¹²⁶.

Итак, Ага Хан сыграл роковую роль не только в судьбе и жизни народов Индостана, но и прилегавших к нему регионов.

Глава IV

Бадахшан и исмаилизм

Географическое положение Бадахшана и сопредельных с ним областей определило их значение как промежуточной территории, через которую осуществлялись торговые, культурные и иные связи между Индией, Китаем, Средней Азией, Ираном и Передним Востоком. В настоящее время центральная и южная часть исторического Бадахшана принадлежит Афганистану, а северная входит в состав Таджикистана (часть Вахана, Ишкашима, Горона, Шугнана и Рушана). В силу исторических обстоятельств и географических условий Бадахшан и прилегающие к нему области, как правило, оставались в стороне от потрясавших Среднюю и Центральную Азию событий, в частности монгольского нашествия (XIII в.) и завоевательных походов Тамерлана (XIV в.), сопровождавшихся особой жестокостью. Эпоха великих географических открытий наложила свой отпечаток на развитие социально-экономических отношений в Центральной Азии; пути мировой торговли сместились, и наступила многовековая полоса социально-экономической и культурной стагнации. Бадахшан и прилегающие к нему области оказались как бы на обочине всемирных цивилизационных процессов вплоть до начала XX в.

До середины XIX в. Памир, к примеру, оставался почти неизвестным из-за его недоступности, если не считать интересных сведений о нем, собранных венецианцем Марко Поло во второй половине XIII в. Памир образно называют крышей мира. Природно-климатический фактор всегда оказывал и продолжает оказывать исключительно большое влияние на процесс формирования общественных отношений в этом регионе. Совершенно очевидно, что образ жизни этнических общностей, проживающих в суровых природно-климатических условиях, находится в полной зависимости от них. Условия обитания ставят определенные пределы их развитию. Эти пределы, как правило, не выходят за рамки протогосударственных образований, самой начальной стадии формирования цивилизации и государственности.

Бадахшан представляет собой высокогорье, расчлененное глубокими ущельями с замкнутыми долинами, которые соединялись

горными тропами, оврингами — искусственно сооруженными на отвесных скалах карнизами, где, как гласит народная поговорка, “жизнь путника подобна слезе на конце ресницы”.

Территории Западного Памира и Пригиндукушья (Дардистан) можно сравнить с огромным грецким орехом, разделенным перегородками — высокими горными хребтами, а внутри него, в горных долинах, относительно небольшие феодальные владения. Все они находились примерно на одном уровне общественного развития, где господствовали феодально-патриархальные отношения с ощутимыми пережитками родового строя. Эти самостоятельные владения, своего рода мини-государства (Бадахшан, Вахан, Шугнан, Канджут, Нагор, Читрал и др.) издавна поддерживали друг с другом экономические, политические, религиозные и иные отношения и, несмотря на замкнутость из-за суровых природных условий, составляли уникальный социокультурный комплекс.

Как известно, в средние века за счет распространения мусульманской государственности были значительно расширены границы ойкумены, и в зону влияния ислама, и особенно подвергавшихся гонениям и жестоким преследованиям его сект, оказались вовлечены многие этнические общности, находившиеся в своем развитии на уровне первобытности. К ним, в частности, относятся народности Припамирья и Пригиндукушья. Кстати, в начале VIII в. ислам начал распространение с северо-западных окраин территории Индостана. Тогда войска арабского халифата захватили индийские княжества Синд и Мультиан, совершали набеги в глубь субконтинента. Арабы еще в 711 г. заняли один из религиозных центров индуизма в Мультиане.

По существующим среди памирских исмаилитов преданиям, правнук пророка Мухаммеда, внук Али и сын злодейски убитого в 680 г. Хусейна Зайн уль-Абиддин, спасшийся чудесным образом от рук убийц и тайно провозглашенный исмаилитами имамом, некоторое время скрывался на правом берегу р. Пяндж в местности Тим между нынешним г. Хорогом и сел. Поршнев. Здесь он провел 40 дней в посте и молитвах. На этом месте до сих пор находится святое место — мазар Тим.

Население этого региона, по-видимому, составилось из первобытных туземцев с большой примесью пришлого элемента из Ирана, Индостана и т.п. (предания горцев о заселении края, главным образом с Запада, должно быть, близки к истине). Ведь восточные окраины тогдашнего Хоросана и Трансоксианы, некогда культурные, богатые и сравнительно густо населенные регионы древней Азии, приходили в наиболее близкое и непосредственное соприкосновение с Памирами, представлявшими собой непроходимые горные

дебри. В них стремились укрыться люди, подстегиваемые злой необходимостью. Так, А.А. Бобринский писал: “В горах должны были искать приют все обессиленные, обездоленные в непосильной борьбе, все угнетаемые злым роком, деспотом или победителем, все преследуемые за вину или безвинно, все непокорные, все недовольные или существующим, или вновь вводимым укладом жизни”¹²⁷. Побудительными мотивами к бегству в горы, безусловно, были всевозможные нашествия и религиозные распри.

Немалую роль в этом играла и языковая общность. По лингвистическим признакам группа дардских языков занимает промежуточное положение между индийскими и иранскими. Достаточно большая часть жителей высокогорных памирских и пригиндукушских районов использовали различные восточноиранские языки. Ввиду отсутствия письменности на родных языках и диалектах в этом регионе пользовались персидским языком (весьма ограниченно прежде всего при дворах правителей). Некоторые группы населения даже считали своей родиной Хорасан. Это мнение, вероятнее всего, было связано с преданиями, передававшимися из поколения в поколение. Кроме того, в ходу были рукописи и отдельные документы на фарси, в основном религиозного содержания. Еще Гольдциер Игнац заметил: “Если уж говорить о религиозной философии, то именно на фарси была создана литература зороастрийцев и манихеев и даже такие ереси, как исмаилитская и карматская, которые куда дальше от ислама, чем лютеранство и католицизм”¹²⁸. Неудивительно, что персидский язык, многие персидские обычаи и традиции, а также литературные произведения проникали в этот отдаленный регион и, несомненно, оказывали влияние на культурное развитие проживавших в нем народов и народностей, их мирозерцание и мышление. В последней четверти XIX в. английские исследователи справедливо отмечали, что каждый пригиндукушский и памирский джентльмен, то есть человек из более или менее знатной семьи, был обязан уметь бегло говорить по-персидски¹²⁹.

Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что временами происходило переселение памирцев за Гиндукуш. Так, предположительно в XII веке часть мунджанцев-йидга была вынуждена переселиться за Гиндукуш из-за вторжения в Мунджан войск правителей Бадахшана. Между прочим, язык йидга тесно связан с памирскими диалектами, особенно с ишкашимским. Подобные переселения памирцев относились и к более позднему времени. В конце XVI — начале XVII в. большое количество ваханцев прибыло на постоянное жительство в Дардистан. Много выходцев с Памира проживает в Канджухте, Читрале, Нагоре и т.д.

Правители памирских и пригиндукушских владений — миры,

мехтары, тумы и пр. периодически воевали друг с другом. Их войска преодолевали Восточный Гиндукуш в обоих направлениях, грабили и разоряли захваченные территории, обращая пленных в рабов. Наиболее удобный путь на Западный Памир пролегал в верхней части Канджутской долины через Гиндукуш на Тагдумбаш к восточной части Памира, а также в долину Яркенда (Кашгар). Были и другие проходы через горные перевалы Гиндукуша. В частности, наиболее удобным из них был перевал Дора или Дро (Dorah), он же Кутал-Санглич, через который пролегла примитивная караванная дорога, соединяющая с незапамятных времен Бадахшан (через Читрал, Дир и Сват) с Индией. Ваханцы предпочитали для сношений с пригиндукушскими княжествами перевал Барогиль.

Распространение исмаилизма в Бадахшане неразрывно связано с проповеднической деятельностью его апостола (худжжата) Носири Хусрава (1004 — около 1080 г.). Он был известным философом, поэтом, политиком, путешественником и талантливым проповедником исмаилизма.

Средневековый исмаилизм представлял собой скорее идеалистическую философскую систему, нежели религию, возникшую на основе критического отношения к исламу с позиций античной философии и философской мысли народов Востока доисламского периода, в том числе индийско-персидских учений.

К примеру, исмаилизм в некоторой степени позаимствовал кое-что из миросознания индуизма и буддизма, касающееся прежде всего представления о перевоплощении душ (сансара). Судьба последующего переселения души верующего в другую телесную оболочку предопределяется безукоснительным соблюдением установленных религиозно-этических норм, особо праведным поведением и вообще суммой добрых и злых дел при жизни. В исмаилизме есть нечто от зороастризма, в основе которого — дуалистическая идея о борьбе в мире светлого и темного начал, добра и зла. Зороастризм, между прочим, окончательно сложился в догматическую воинствующую религию со строго определенным культом лишь в сасанидскую эпоху (III — IV вв.). В мировоззрении исмаилитов переплетались идеалистические и материалистические, метафизические и диалектические, религиозно-теистические и атеистические идеи и взгляды на мир и на сущность человека, его место и роль в мироздании. В исмаилизме мусульманская вера вполне гармонично уживалась с философским восприятием мира. Исмаилитское вероучение, несомненно, вобрало в себя отдельные положения ислама, истолкованные с позиций исмаилизма.

Исмаилитское движение выступало в форме религиозной секты с определенной организацией и иерархической структурой. В ис-

ламе существуют различные направления, течения и секты. В их учениях, догматике, культовых установлениях имеются многие, нередко существенные различия. Этим обуславливалась непримиримая борьба сект, которую они вели друг с другом веками. По-современному звучат слова, написанные в прошлом веке: “Ярость с какою секты ислама оспаривали управление совестью и политическую власть, вряд ли имеет себе равную в истории религии”¹³⁰. Это в полной мере относится к самой радикальной из шиитских сект — секте исмаилитов.

Исмаилизм оказал могучее влияние на судьбы ислама, так как он внес свой значительный вклад в развитие и поддержание традиций мусульманского вольнодумства и свободомыслия и послужил прямой либо косвенной причиной возникновения целого ряда политических движений. Его многовековая история полна драматических событий: взлетов и падений, расколов и приспособления к вновь возникающим условиям. В связи с этим секта исмаилитов до сих пор имеет много ответвлений: ассасины, карматы, друзы, низариты (ходжа) — Иран, Ливан, Сирия, Йемен, Индия, Пакистан; мусталиты (бохра) — Йемен, Индия. В Йемене бохра подразделяются на две группы — сулеймания и даудийя. В Афганистане исмаилиты известны как ага-ханы, моулаи, пашаи, пяндж-тани. Наиболее крупный раскол в секте исмаилитов, разделившей на мусталитов и низаритов, произошел в 1078 г. Его последствия ощущаются и поныне.

В VIII в. исмаилиты представляли собой небольшую мистическую шиитскую секту, состоявшую из сторонников седьмого потомка пророка Мухаммеда халифа Али и его жены Фатимы, дочери пророка, а также сына шестого шиитского имама Джафара ас-Садыка (ум. в 765 г.) Исмаила, которого отец лишил законных прав наследования. Поводом для образования секты исмаилитов и послужило нарушение Джафаром ас-Садыком принципа наследования имамата. Собственно говоря, исмаилитское движение началось с возникновением группы, поддерживавшей притязания на имамат Исмаила, и получило свою организацию и догму будто бы благодаря злому гению Абдаллаха, сына персидского дуалиста Маймун Кадаха, как и отец, стремившегося к уничтожению ислама. В конце X в. исмаилитам удалось захватить политическую власть в Маррибе, и около 200 лет во главе Фатимидского халифата — сильного феодального государства со столицей в Каире (974 — 1171 гг.) — находились последователи исмаилизма.

В X — XI вв. исмаилизм широко распространяется в Иране, Средней Азии, по всем странам Среднего Востока в виде ереси, противостоящей ортодоксальному суннитскому исламу. Привлекая на

свою сторону интеллигенцию, наиболее активных, оппозиционно настроенных членов общества, выдающихся мыслителей и государственных деятелей, исмаилиты развивают целую систему рационалистических идей, разрабатывают собственное сложное религиозно-философское учение, догматику, обрядность и т.д. В свое время известный ориенталист академик А.А. Семенов не без оснований отмечал, что у истоков исмаилитского учения стояли выдающиеся ученые и философы, стойкие борцы за свободу духа и человеческого знания, дальновидные политики и к тому же глубокие психологи, весьма искусно разрешившие сложную проблему привлечения народных сердец через их же религию, но с истолкованием ее в желательном и нужном смысле для тех, кто стоял наверху власти, и в конечном итоге все сводилось к учению о необходимости безграничного повиновения имаму данной эпохи со всеми вытекающими из этого последствиями¹³¹. Исмаилитские идеи находили отклик среди ремесленников, городской бедноты, мелких торговцев и крестьян. Среди них была сильна вера в мессию имама, которая связывалась с уничтожением зла и несправедливости и торжеством всеобщего счастья, установлением социальной справедливости и имущественного равенства. Имам являлся источником всякого религиозного и философского знания и его интерпретации. Вообще антифеодальный дух исмаилитского движения оставался неизменным в теоретическом, политическом и практическом плане в течение X — первой половины XIV вв.

Секта исмаилитов с момента ее зарождения подвергалась постоянным преследованиям и жестоким гонениям. С учетом реалий исмаилиты действовали как тайная религиозно-политическая организация с присущими ей атрибутами (мистицизм, семь степеней посвящения, террор как форма политической и религиозной борьбы и т.п.). Радикально-экстремистский характер доктрины исмаилизма объясняется социальными причинами и ассимиляцией ею немусульманских культов и легенд: доисламских, эллинистических, персидских и иудео-христианских. К террору прибегал, например, Хасан Саббах, основатель небольшого исмаилитского государства с центром в крепости Аламут близ Казвина (1090 — 1256 гг.). Он вошел в историю как “великий гроссмейстер ордена ассасинов”, “старец горы”. Вся Европа трепетала при упоминании его имени. Однако слухи о сильной тайной террористической организации Аламутского государства были сильно преувеличены. Кстати, современные низаритские имамы считают себя прямыми потомками одного из аламутских владык середины XII в.

Аламаутское государство в религиозно-сектантской форме было не только типичным восточным государством с претензией на

неограниченную власть, но и в некотором смысле государством в квадрате, ибо верхи в его рамках претендовали не только на светскую власть, но еще и на духовную абсолютную власть над низами. В 1256 г. оно пало под натиском монгольских завоевателей и подверглось разграблению и уничтожению вместе с замком Аламут. Но несмотря ни на что, именно в этом исмаилитском государстве возникли ростки демократии в окружении восточных деспотических режимов.

Венгерский исламовед И. Гольдциер еще в прошлом веке совершенно верно подметил, что философская концепция исмаилизма сложилась из странной смеси древнеиндийских и древнеперсидских верований в сочетании с платоновским идеализмом, наполненным восточным мистицизмом, и аристотелизмом — философией логического рассуждения, основанного на опыте. Исмаилизм — философская, политическая и религиозная идеология средних веков. Ее прогрессивные черты следует рассматривать в неразрывной связи с конкретно-историческими условиями на фоне жестокой действительности той эпохи, когда учение исмаилитов было формой протеста против мусульманской ортодоксии, запрещавшей любое научное исследование и вольное толкование богословских вопросов, тем более Корана. Социальной силой исмаилитского движения являлись ремесленники, городская беднота и крестьяне, которые в своем стремлении осуществить уравнилельные идеи и утвердить справедливость принимали участие в вооруженных восстаниях под знаменами исмаилизма. Последний служил религиозной оболочкой антифеодальных крестьянских выступлений, протеста и глубокого народного возмущения против угнетения¹³².

Направленность всех крестьянских движений на традиционном Востоке, независимо от того, какой облик эти движения принимали, какую роль играла в них религиозная оболочка, всегда была в принципе одинаковой и сводилась к решительным требованиям восстановить статус-кво, разрушенную норму и гарантированную стабильность их существования. Вместе с тем следует иметь в виду, что участники этих движений признавали восходящие к древности идеалы эгалитаризма. Народные, крестьянские восстания не ставили своей целью выступления против государства как такового, напротив, их целью было восстановление, укрепление, стабилизация ранее существовавшего и нарушенного в результате кризисных явлений и злоупотреблений порядка. Аламутское государство исмаилитов как раз и возникло в XI в. в результате массового движения под религиозно-сектантскими лозунгами за выправление нарушенной привычной нормы жизни.

Исмаилиты умели привлекать на свою сторону способных, та-

лантливых людей. Одним из них был Носири Хусрав, который внес весомый вклад в разработку философской, политической и религиозной концепции исмаилизма. Носири Хусрав связал свою судьбу с исмаилизмом, так как в этом видел “единственную возможность борьбы против феодализма и его идеологии — правоверного ислама”¹³³. Весьма привлекателен для него был и исмаилитский лозунг: “Мы желаем блага тем, кто слаб, и хотим сделать их господами”. В молодости Хусрав изучал различные науки, особенно серьезно интересовался литературой и религиозно-философскими вопросами, затем много путешествовал с целью изучения нравов, обычаев и верований различных народов, побывал в Индии, Туркестане, Иране, Малой Азии, Сирии, Египте. Встретившись там с крупными идеологами и организаторами исмаилитской секты, власть придерживающимися Фатимидского халифата, он стал ревностным приверженцем исмаилизма. По возвращении на родину в Балх, Носири Хусрав стал открыто проповедовать исмаилитское учение и вербовать его последователей. Этим он навлек на себя преследования со стороны мусульманских ортодоксальных богословов и официальных властей, поэтому был вынужден скрываться и вести скитальческую жизнь. Последние 15–20 лет Носири Хусрав проживал в местности Йомган, недалеко от Мунджана, где и находится его мазар у подножия Гиндукуша. Носири Хусрав хорошо известен населению Бадахшана и почитается им как апостол секты, герой и святой под именем пира Шо-Носир-и-Хысрау. Вполне допустимо, что исмаилизм был привнесен в Дардистан мунджанцами, эмигрировавшими в Читрал в конце XII — начале XIII в. Как видим, историческое развитие Бадахшана и Пригиндукушья обнаруживает много общего.

Носири Хусрав, будучи убежденным последователем исмаилитского учения, остро бичевал существовавшие общественные порядки, подвергал резкой критике социальные и политические институты феодального общества. Он был страстным защитником крестьян, ремесленников и вообще людей труда, отмечал их трудолюбие и заслуги в создании материальных благ; осуждал царей, султанов, эмиров; беспощадно разоблачал пороки сильных мира сего — взяточничество, невежество, лесть; с особой ненавистью и беспощадностью клеймил в своих стихах сребролюбивых поэтов-панегристов; вел борьбу с придворной знатью и господствующим духовенством, с чиновниками и святошами всех рангов. Вся практическая, политическая деятельность Носири Хусрава как государственного деятеля была посвящена этой борьбе, которую он вел всеми доступными ему средствами — устными проповедями, литературными посланиями, стихами и т.д. В его творчестве затрагиваются не только религиозно-философские темы, но и высказываются передо-

вые мысли воспитательно-нравоучительного характера, встречаются гуманистические и даже атеистические мотивы.

Вместе с тем Носири Хусрав является автором ряда философских трактатов, таких, как: “Зад ал-мусафарин” (Провиант путников или Книга путевого припаса странствующих); “Ваджхи-дин” (Лик веры); “Джамет ал-хикматайн” (Гармония двух мудростей), то есть античной и мусульманской; “Китоби кушоиш ва рахоиш” (Книга стараний и путей) и др. Носири Хусрав рассматривал человека не как творение бога, а как лучшее, прекрасное произведение природы и глубоко верил в его разум, знание и мудрость. Отказавшись от тезиса о сотворении мира богом, он считал разум единственно истинным творцом материального и духовного, причиной причин всякого возможного бытия. Носири Хусрав отстаивал идею познаваемости мира, всячески подчеркивая роль знания и значение науки:

“Знание лучше света, лучше души и богатства,
Это сказал великий ум мне.
В борьбе с войском времени и острым мечом вселенной
Вера в знание — мое войско и щит”¹³⁴.

В другом стихотворении он утверждал:

“Знание — краса твоя: с нею ль равнять
Купленный блеск драгоценной одежды!
Спорь, сомневайся и помни, что мир —
Тесная клетка лишь для невежды”¹³⁵.

Недаром один из знатоков исмаилизма, имея в виду трактат “Зад ал-мусафарин”, писал: “Это как бы введение в сложное миро-созерцание исмаилизма, преддверие к обширному храму его тайного учения и удивительной организации, на фронтоне которого ярко горел лозунг ”Знание”¹³⁶.

Исмаилиты заменили веру в религиозные догмы ислама верой в силу человеческого разума, в способности человека обойтись без божественных законов, каковыми считался шариат мусульманской религии — свод правил для повседневной практической деятельности мусульманина. Носири Хусрав подвергал критике многие установления шариата. Ведь распространение ислама было насильственным актом в жизни большинства народов. В одном из стихотворений он писал:

“Говорят, что предметы шариата не по разуму составлены,
Ибо силой меча ислам был установлен”¹³⁷.

Носири Хусрав причастен к выработке доктрины о неизбежности социальных перемен. Он верил, что на смену шариата придет эпоха хакиката, понимаемая как торжество науки и философии над религией. Эта философская и политическая концепция исмаилитов была ориентирована на изменение социальных порядков в пользу трудящихся масс. Носири Хусрав был убежден, что человек, обладая знанием и волей, способен самостоятельно определять свой путь жизни и изобретать социально-политические институты, регулирующие его взаимоотношения с сообществом людей. Он уделял также большое внимание разработке религиозной догматики секты, необходимости соблюдения религиозных принципов, теоретическому обоснованию исмаилитской иерархии и т.п.

Наиболее почитаемой и популярной книгой среди исмаилитов Памира была “Ваджхи-дин”. В одной из ее глав “О славе свидетельства: нет божества, кроме Аллаха” заключены все положения исмаилитской догматики и главное из них — безграничное беспрекословное повиновение имаму данной эпохи. При этом имам отождествляется с богом и отсюда делается вывод: тот, кто умер, не зная имама своего времени, тот умер, как умирали в эпоху неведения; и точно так же, кто умер, не исполнив своих обязательств перед имамом, тот умер так же, как умирали во времена неведения. Этот принцип был направлен на защиту единства исмаилитской общины от возможных расколов на почве различных толкований писания и ритуала. Его ни в коем случае нельзя трактовать как иррационализм, отрицание возможностей разума познавать мир.

Исмаилитский взгляд на имамат основан на вере в постоянную, неизменную необходимость для человечества иметь непогрешимого учителя и руководителя для указания ему правильного пути в вере и управления им в земной жизни. Впоследствии учение об имаме было искажено и стало орудием эксплуатации и обмана исмаилитов, верующих в непогрешимость и божественность своих духовников.

Система взглядов и оценок исмаилитов с течением времени, естественно, подвергалась существенным изменениям, однако неизменными оставались представление о божественности имамов и взгляд на них как на живое воплощение божественного откровения, а также слепое повиновение “живому богу”. Социально-политическая доктрина имамата была направлена на прямое подчинение верующих масс имаму и его окружению, а основной ее смысл сводился к проповеди служения богу и имаму, смирения и ожидания счастливой жизни в потустороннем мире, исполнения всех религиозных заповедей, прежде всего выплаты зякета. В связи с этим абсолютно справедливо замечание, что “...учение об имамате — своеоб-

разная политическая теория и вместе с тем религиозная догма, сыгравшая большую роль в истории исмаилизма”¹³⁸.

Исмаилизм только по внешнему виду исповедует ислам, на самом же деле является еретическим учением, которое, признавая Коран, дает ему такое истолкование, что от чистоты ислама ничего не остается. Умозрительное понимание исмаилитами рая, ада, молитвы и т.д. содержало философскую предпосылку для отрицания конкретной обрядности. Учение исмаилитов о скрытом смысле Корана и необходимости его толкования само по себе представляет опасность для ортодоксального ислама. Открыто провозглашая, “что нет бога, кроме бога, и чистый Мухаммед пророк его”, “верую в единого Аллаха и его посланника чистого пророка Мухаммеда” в присутствии посторонних, в среде верующих исмаилитов их духовники произносят только одно выражение, которому придают скрытый смысл, тайный характер, “исповедую и утверждаю царя верующих, живого Али — истинного бога”. Так исмаилизм скрывал свои религиозные и политические идеалы под внешним покровом мусульманства, требуя от последователей безграничного повиновения имаму данной эпохи.

Из-за преследований со стороны ортодоксального духовенства исмаилитская секта была вынуждена по преимуществу действовать как тайная религиозно-политическая организация. Для исмаилитов характерны строгая централизация, дисциплина, конспирация, фанатизм, преданность руководству. Идеологическая система исмаилизма состоит из двух частей: внешней (захир), общедоступной для большинства членов секты, и внутренней (батин), доступной только для правящей элиты. Как уже упоминалось выше, в секте существует семь ступеней познания: на вершине стоит имам, проникнутый божественной природой; за ним следует худжжат — апостол истины; за ним идет даби — проповедник учения, мозуни акбар — разъяснитель учения, муаллими садик — указатель истины, мозуни асар — халифа. На самой низшей ступени стоят верующие — мустаджибы и прозелиты.

Вкратце основные обязанности верующих исмаилитов заключаются в следующем:

1. Признание и почитание единого бога как творца всего сущего и как причины их бытия.
2. Признание и почитание имама как единственного избранного представителя бога на земле, обладателя и хранителя божественного откровения и скрытого знания, а также беспрекословное, безоговорочное подчинение ему.
3. Сохранение в строгой секретности всех знаний, получаемых у имама через худжжата и других столпов веры.

4. Соблюдение этических норм, установленных руководством секты и очищение себя знанием исмаилизма от прежней веры.

Собственно говоря, в этом и состоит исмаилитский дават¹³⁹.

Исмаилитское учение разрешало членам секты в случае грозящей им опасности прибегать к мысленной оговорке (такийя), внешнему отречению от веры и выполнения предписаний культа, то есть вменялась обязанность скрывать свои истинные взгляды от врагов. Это означало официальное разрешение последователям исмаилитской секты обманывать инаковерующих, приносить клятвы в заведомой лжи, лишь бы в душе они восхваляли “живого бога” и произносили молитву в его честь.

Исмаилитская община допускала личную вражду между ее членами, но никогда не прощала разглашения религиозной тайны либо секрета коллективного значения. Виновные в нарушении этого порядка жестоко карались вплоть до тайного убийства, отравления и т.п. Все это вместе взятое, безусловно, веками оказывало воздействие на формирование у приверженцев исмаилизма таких черт характера, как скрытность, лицемерие, двуличие и т.п. Исмаилитское учение формировалось в течение длительного времени и прошло в своем развитии ряд стадий (фатимидская, аламугская, низаритская и т.д.).

Содержание исмаилитских учений средневековья с течением времени было искажено и выхолощено, особенно пострадали прогрессивные черты и положения их философской концепции. Негативные элементы исмаилизма постепенно переросли в религиозно-догматические доктрины мусульманской секты, служащие в руках ее духовенства во главе с имамом орудием духовного порабощения верующих. К сожалению, с XIV в. четко прослеживалась только антидемократическая направленность эволюции исмаилизма.

Исмаилизм как форма общественного сознания был неотъемлемым компонентом духовной жизни и культуры народов Бадахшана и Пригиндукушья. Причем их психология, как коллективная, так и индивидуальная, представляла собой неотъемлемую составную часть исторического процесса. И это неудивительно, так как исмаилитское движение всегда было и политическим, и духовным, и культурным.

В Бадахшане в силу издавна установившегося порядка существовали и даже доминировали традиционные формы организации общины, подобные связям семейно-кланового типа. Эти общины оставались как бы застывшими, неизменными ввиду почти полной изоляции от внешнего мира.

В результате миссионерской деятельности апостола восточного исмаилизма Носири Хусрава устоявшаяся, привычная жизнь горцев подверглась известной трансформации. Памирские общины довольно легко были приспособлены к исмаилитской организации, ее целям и задачам с учетом специфических бадахшанских условий. Стимулирующим фактором стал приток небольших групп проповедников исмаилизма из Хорасана и других мест.

Возникал и складывался институт духовных наставников — пиров, внедрявших религиозно-культурные и этические нормы, присущие исмаилизму. В Бадахшане складывался весьма немногочисленный профессиональный слой духовенства — пиров и их помощников халифа, сосредоточивших в своих руках исключительное право на интерпретацию религиозной догматики, отправление ритуалов и пр.

Исмаилитское духовенство Бадахшана с самого начала было нацелено на сохранение консервативной стабильности в памирских общинах и в этом направлении концентрировало свое идеологическое и институциональное воздействие. Это тем более отвечало его собственным интересам. Ведь в тот период влияние исмаилитских государств, приходивших в упадок по различным внутренним и внешним обстоятельствам, для отдаленного Бадахшана сводилось практически к нулю. Памирские исмаилиты и их духовники были предоставлены самим себе. У пиров проявлялась тенденция к господству в появившихся на территории Бадахшана раннегосударственных образованиях, что не противоречило шиитской (исмаилитской) традиции о соединении в одних руках светской и духовной власти, в отличие от других религиозных систем.

Особенности религиозно-политических общин бадахшанского региона определялись этнокультурной средой и уровнем социально-экономического развития.

Глава V

Царская Россия и Западный Памир

До англо-русского вмешательства в памирские дела народности Памира, впрочем как и Пригиндукушья, являли собой пример общества, жившего в конце XIX в. почти в тех же условиях, что их предки несколько столетий тому назад. Местная политическая субкультура полностью соответствовала процветающим в этих горных районах феодально-патриархальным отношениям с значительной долей родовых пережитков. Существовали 2 — 3 независимых ханства, например Бадахшан, Шугнан, а другие территории находились в вассальной зависимости от них и даже от пригиндукушских княжеств.

Памирские ханства были густо населены и представляли собой прекрасно возделанные площади, над которыми возвышается каменно-голая, горная и суровая пустыня. Небезынтересна характеристика памирских ханств, относящаяся к концу XIX в.: “Ханства Шугнанское, Рошанское и Бадахшанское заселены племенем, родственным таджикам, принадлежащим к расе арийских народов. Они, как узбеки, одеты в халаты разных цветов, голову повязывают огромною чалмою, как все магометане, не бреют бород и свою типичную наружность, а также большим ростом напоминают людей библейских времен. Говорят они по-таджикски, но замечательно мягко и как-то нараспев, так что сначала вы принимаете их речь за французскую. Народ они мирный, торговый, и кажутся замечательно жалкими под афганским игом. Они ненавидят своих поработителей, но боятся их и, напуганные еще недавними бедствиями, вполне уже смирились и слепо подчиняются их порядкам. Однако желание свергнуть с себя тягостное иго у них не уснуло”. И далее: “Этот рослый, красивый народ, принадлежащий к расе арийского племени, находится почти в диком состоянии и живет в долине Вахан-Дарьи в Ваханском ханстве. Большинство из них занимается разбоем, нападая на торговые караваны, а некоторые и хлебопашеством, сбывая хлеб или киргизам или снабжая им китайские и аф-

ганские пограничные посты. Ваханцы очень красивы. Их длинные волосы, черные, как смоль, блестящими локонами спадают по плечам. Большие черные глаза, окаймленные широкими, сросшимися на переносице бровями, и нос с небольшой горбинкой придают им весьма суровый и хищный вид. Речь ваханцев до того мелодична, что вам кажется, будто перед вами одичалые французы, и только хорошо вслушавшись, вы отличите азиатское наречие»¹⁴⁰.

К нравственным качествам и психологической характеристике горцев многие исследователи относили мужественность, уравновешенность, естественность, человечность, простоту, вежливость, трудолюбие, долготерпение, тихий, миролюбивый нрав, честность, выносливость, расчетливость и любовь к семье и детям. Одним из отвратительных пережитков прошлого в конце XIX в. оставалась работорговля: семьи разрушались, жен разлучали с детьми и мужьями, с целью продажи мальчиков и девочек посылали в Кабул и Бухару в качестве подарков, живой человеческий товар переправлялся в Яркенд и Туркестан, мальчики и малые дети обменивались на лошадей и охотничьих собак. Мир Бадахшана, пожалуй, был одним из организаторов работорговли на Памире и в Пригиндукуше. Один из авторов, хорошо знакомый с памирскими условиями того времени, писал: «Вообще главный скупщик рабов был мир бадахшанский. Он рассылал своих людей за рабами в Читрал, Вахан, Шугнан, платил за них лошадьми, ружьями, халатами и другими вещами. Необходимое число рабов оставлял себе, а остальных продавал в Коканд, Бухару и Яркент. Шугнанцы набирали много рабов из Ишкашима, Вахана и, кроме поставок в Бадахшан, торговали за свой собственный счет.

... На Вахан шугнанцы делали набеги из долин Шахдары. Рассказчик помнит эти набеги: «Слышим беготню, крики, из дома выйти не смеем; шугнанцы налетели грабить кишлак; нагрянут, увезут людей, сколько могут, и также быстро, ночью улечиваются. Утром кишлак узнавал, сколько было уведено человек. Бывали случаи, что уводили целый кишлак. Ишкашим и Вахан обезлюдены, главным образом, подобными набегами, а также продажей людей собственными мирами»¹⁴¹.

Жизнь памирцев была нелегкой, они терпели много лишений, нередко сталкивались с несправедливостью и жестокостью. Однако после установления новой границы на Памире по воле великих держав, без учета жизненных интересов памирских народностей наступили еще более тяжелые времена для коренного исмаилитского заселения.

Имперский произвол Британии и России в разделе Бадахшана принес его населению много горя, страданий и бедствий. Чуждые по

духу суннитские правители Афганистана и Бухары подвергали исмаилитов жестокому угнетению, гонениям и даже геноциду. Именно афганцы и бухарцы положили начало процессу разрушения уникального бадахшанского социокультурного и религиозного комплекса: и те, и другие жестоко угнетали горцев, облагая их непомерными податями, обращаясь с ними как с иноверцами и еретиками и стремились к насильственному обращению их в суннизм. Так, в 1883 г. накануне захвата афганскими войсками Шугнана его правитель Юсуф Алиша был обманным путем вызван в столицу Бадахшана Файзабад, предательски схвачен и убит по повелению эмира Абдурахмана. Годы афганского господства остались в памяти народов Западного Памира как самое тяжелое время экономических лишений и духовных унижений.

Согласившись компенсировать Бухарскому эмирату потери левобережного Дарваза за счет Шугнана, Рушана и Вахана, Россия и Англия возложили на себя моральную ответственность за то, что происходило с населением Западного Памира в 1896 — 1905 гг. Тем более царским, да и английским чиновникам было хорошо ведомо, что население переданных Бухаре памирских районов не имело никакого желания подпасть под власть Бухарского эмирата, представлявшего собой оплот ревнителей суннизма. Беки и многочисленные чиновники эмирской Бухары довели этот край до полного разорения, попирали элементарные человеческие права, пытались силой навязать памирцам чуждые им религиозные установления суннизма, подвергали их жестоким наказаниям за неуплату непосильных налогов и даже за ничтожные проступки. Ответственный чиновник политического агентства России в Бухаре барон Черкасов, посетивший Западный Памир с инспекционными целями в 1904 г., писал: “Бухарские чиновники в Шугнани и Рушани бьют таджиков до полусмерти, присоединяя к этому еще всякие глумления и утонченные пытки, вроде подвешивания за связанные на спине руки на деревьях. Тюремное заключение и заковывание в колодки также широко применялось бухарцами, особенно когда есть надежда на то, что сам арестованный или его родственники дадут выкуп”. Далее он констатировал: “Припамирские бекства в тот момент, когда я увидел их, были страной дикого произвола правящих, ужасающей бедности и полного беспорядка управляемых”¹⁴².

Только серьезные стихийные выступления памирцев против бухарского владычества в 1903 — 1904 гг. вынудили царское правительство внести некоторые коррективы в управление Западным Памиром с целью ограничения власти бухарского эмира в этом регионе. Во избежание возможных осложнений в англо-русских отношениях и из-за боязни нарушения статус-кво официальные представи-

тели царизма летом 1905 г. приняли соломоново решение о невозможности дальнейшего пребывания бухарских чиновников на Западном Памире и об оставлении по политическим соображениям лишь одного представителя бухарского эмира в чине махрама, подотчетного в своих действиях начальнику памирского отряда. На последнего были возложены функции по фактическому управлению Ваханом, Шугнаном и Рушаном. Пост махрама практически сохранился до свержения царизма, и денежное содержание он получал за счет царской казны. Таким образом, царское правительство формально воздержалось от открытого присоединения Западного Памира. До революции, между прочим, на Памир ежегодно посылали до 200 тысяч рублей золотой валюты. На этом и зиждилась популярность Ак-Падшо (белого царя), да еще на полном невмешательстве в религиозные и иные дела.

Разграничение 1895 г. неблагоприятно отозвалось на сложившихся хозяйственных отношениях с Бадахшаном, Мунджаном, Читралом и т.д. У жителей этих районов западнопамирское население закупало предметы первой необходимости:рис, соль, железные и другие металлические изделия. Теперь приходилось добывать их с далекого Ранг-Куля и из русского Туркестана. Из-за трудных путей сообщения и дальних расстояний доставка этих товаров первой необходимости обходилась горцам очень дорого, и они предпочитали приобретать их на левом, афганском, берегу контрабандным путем. В 900-е годы контрабанда сильно процветала и поддерживалась, главным образом, афганскими солдатами из-за корыстных побуждений¹⁴³.

Царская Россия прошла длительный путь выработки своей политики по отношению к завоеванным, отсталым народам и хорошо усвоила выгоду сохранения старых форм правления, патриархально-феодалных порядков и обычаев, невмешательства в чужие религиозные дела, тем более когда это связано с исламом. Она придерживалась мудрого правила: пока человек остается хорошим подданным, власти нет дела до его религиозных воззрений.

Как иллюстрация представляет безусловный интерес выписка из одного отчета о действиях начальника Ошского уезда Ионова за 1887 г.: " Он с самого начала приблизил к себе весьма влиятельную и почитаемую семью Курбан-Датхи, т.н. "алайской царицы", представители которой упорно и храбро последними боролись с нами, отстаивая свою независимость. Избрав большую часть волостных управителей именно из этой семьи, отличая их верную и прекрасную службу и сумев им внушить к себе и к русской власти доверие, уважение и любовь, капитан Ионов достиг того, что вся семья эта стала настолько нам благодарной и преданной, что держала населе-

ние всего Ошского уезда в строгом порядке и повиновении, и жители этого уезда, как известно, никогда не принимали участие в обычных в Фергане волнениях”¹⁴⁴. В 1898 г. племянник Курбан-Датхи Карабек Хасанов, предупредив Ошское начальство о готовившемся восстании, спас г. Ош от нападения мятежников.

Здесь уместно привести и другой любопытный пример, не имеющий непосредственного отношения к Памиру: в 1916 г. во время волнений, связанных с объявлением мобилизации мусульман на трудовой фронт, военный губернатор Ферганской области генерал-лейтенант Гиппиус, надев на себя халат и тюбетейку, выступал с увещеваниями перед возмущенной толпой с Кораном в руках¹⁴⁵.

Приведенные факты свидетельствуют о методах и подходах царизма к закреплению завоеванных мусульманских территорий.

Царская Россия прекрасно представляла, что ареал распространения исмаилизма не ограничивался рамками Бадахшана. Религиозная общность исмаилитов Бадахшана, Пригиндукушья, Кашгара и Афганистана, их экономические, политические и родственные связи являлись неплохой основой для организации проникновения в интересующие районы. Тем более в Афганистане исмаилиты проживали на востоке страны (Лагман, Кунар), на западе (Герат), на севере (Балх), на юге (Кандагар) и в центральных районах (Хезареджат). Кстати, в Афганистане исмаилиты составляют почти треть шиитского населения страны. Данные об их общей численности до сих пор неизвестны, так как из-за преследований они вынуждены скрывать свою принадлежность к исмаилизму.

В 1885 г. в Бухаре было учреждено Российское императорское политическое агентство, которое занималось организацией разведки на территории Восточной Бухары. Оно небезуспешно пыталось противодействовать активности британских спецслужб в Бадахшане и вообще в Припамирье. Царская военная разведка пользовалась услугами памирских ишанов (пиров), родовых ханов и других авторитетов. Однако императорское политическое агентство предпочитало прибегать к услугам афганских торговцев-суннитов, так как не доверяло исмаилитам, учитывая их тяготение к Англии. Чиновник особого назначения барон Черкасов не без оснований подозревал памирских пиров и ханов в причастности к английской разведке и оценивал ту информацию, которую они представляли, как состоящую из разрозненных и разноречивых фактов, из коих нельзя составить какого-либо определенного мнения. В частности, он имел в виду сеидов Мурсаля, Махмуд Шо (Шугнан), ханов Сарбаланда (Вахан), Искандера (наследника престола последнего хана Бадахшана) и др. В частности, в официальном донесении начальнику Памирского отряда Черкасов указывал: “Мирзо Сулейман по всей ве-

роятности является одновременно и английским агентом, на что в некоторой степени указывает и его прежняя служба у английского мунши в Сарыколе (Таш-Курган). Поэтому необходимо очень осмотрительно относиться к даваемым им сведениям, и, стараясь углубить личную вражду с Искандер-ханом и пользуясь этим, конечно осторожно выявить, кто из них — или Мирзо Сулейман, или Искандер-хан, или оба вместе являются работниками английской агентуры”¹⁴⁶. Позже оба они эмигрировали в Афганистан и Читрал.

В расцвете престижа русской власти он же в 1911 г. доносил в МИД России: “Вся знать, все привилегированные лица здесь, на Западном Памире, по виду являются верноподданными нашему государю императору, но только по виду, а, в действительности, они душой и телом преданы своему живому богу — Ага Хану и находятся в его слепом подчинении, а поскольку сам Ага Хан субсидируется великобританским правительством, надо полагать, что в случае обострения отношений, население станет на сторону того правительства, на которое укажет Ага Хан”¹⁴⁷. Именно так и произошло с началом первой мировой войны.

Российское министерство иностранных дел располагало сведениями, что пути доставки исмаилитами зякета в Британскую Индию являлись каналами английского проникновения в интересующие их районы. И, действительно, Британия значительно раньше, чем Россия, осознала, какие выгоды ей сулит сотрудничество с династией низаритских имамов Ага Ханов, обосновавшихся в Бомбее, и в полной мере использовала религиозные связи для реализации созревших у нее планов в отношении народов Пригиндукушья, Бадахшана и Кашгара. Об этом красноречиво свидетельствует дальнейший ход исторических событий в этом регионе.

Итак, на исходе XIX в. положено начало сложному и трудному процессу подчинения исмаилитских общин весьма важного для Британии с стратегической точки зрения региона централизованному управлению из резиденции Ага Ханов. В решении этой задачи помогало распространение среди исмаилитов оды современника Ага Хана III некоего Хакия в честь воплощений бога-Али, где говорится: “Нет ему подобия и соответствия; он — всевидящий, всезнающий и вечнопробывающий. Он — творец земли и небес, который своим могуществом выявил этот мир”¹⁴⁸ и т.д. и т.п. И все это о Султানে Мухаммед Шахе — Ага Хане III.

Сообщество бадахшанских пиров — духовных исмаилитских наставников — оказалось твердым орешком для низаритского имамата. Ему понадобилось несколько десятилетий для установления полного контроля над исмаилитскими общинами Бадахшана. Как

это ни парадоксально звучит, утверждение Советской власти на Памире способствовало низаритскому имамату в решении этой сложной, нелегкой задачи.

Бадахшанские пиры (ишаны) возводят свою родословную к XI — XII вв. Их появление на Памире, безусловно, связано с миссионерской деятельностью художата Носири Хусрава и других проповедников исмаилизма, прибывавших в Бадахшан из Хорасана и иных областей Центральной Азии из-за гонений и преследований. Своеобразие общественных отношений Припамирья наложило свой отпечаток на восприятие местным населением исмаилитского учения. Ни в коем случае нельзя согласиться с мнением, что во времена Носири Хусрава пир приравнялся к художатту, так как тогда Бадахшан находился на более низком уровне социальных отношений, нежели Балх, Самарканд, Хорасан и другие среднеазиатские области. Вернее всего положение пира было идентично понятию “муаллими содик”, то есть верный учитель, достигший определенных высот, даже совершенства в познании исмаилизма, духовный глава исмаилитов определенного района. У каждого пира были помощники — халифа — для связи с паствой и отправления религиозных обрядов. Халифа, по-видимому, находились на положении “мозуни асгар”, то есть человека, уже достаточно хорошо знакомого с положениями исмаилитской веры и обладающего правом привлекать в общину новых людей по своему усмотрению.

Так, в специфических памирских условиях организационные принципы конспиративной исмаилитской секты воплотились в незамысловатой схеме: пир — халифа — мустаджибы, или мюриды (рядовые верующие) — община, ограниченная, как правило, несколькими кишлаками.

К концу XIX в. пиры (ишаны) образовывали своеобразную кастовую прослойку, тяжелой религиозной догмой обволакивали сознание населения горного края. В их руках была сосредоточена огромная власть над телом и душой рядового исмаилита. Каждый поступок памирского исмаилита в жизни был подчинен религиозному контролю. Таким образом, пиры по существу сохраняли неограниченные феодальные права личной зависимости по отношению к своей пастве, в особенности к мюридам. Один из исследователей, лично встречавшийся с пирами, писал: “Ишаны это — главный двигатель жизни этого народа (то есть памирцев. — Л.Х.). Человека этого боготворят, его окружают вниманием и почетом, целуют его стремя, когда он едет верхом. Ишаны чаще всего являются потомками старых персидских фамилий, спасшихся от религиозных и других гонений в таджикских трущобах. По своим духовным и фи-

зическим особенностям многие из этих ишанов представляют собою тип явных дегенератов, что следует объяснить длительной праздной и богатой жизнью одних и тех же поколений, не освещенных творческим трудом и посторонней более здоровой кровью. Немудрено, что среди ишанов вы встретите опиистов, пьяниц, развратников, людей, захваченных какой-либо страстью, и т.д.”¹⁴⁹ Не правда ли убийственная характеристика! Отчасти она справедлива, но в ней преобладает гипертрофированный взгляд на пиров. Среди них встречались умные, интеллигентные, весьма грамотные люди, настоящие ревнители основ исмаилизма. Конечно, полоса многовековой стагнации не могла не сказаться на образе жизни и мышления бадахшанских пиров, носивших почетный титул сеидов, претендующих на происхождение от пророка Мухаммеда.

В действительности, памирские пиры не представляли собой однородной массы, отличались друг от друга, прежде всего, своей родословной, уровнем образованности, количеством подчиненных им халифа и мюридов, а, следовательно, доходами, наличием родственных связей с местными правителями и т.п., а впоследствии близостью ко двору Ага Ханов.

Безусловно, в большинстве случаев пиры и халифа были людьми малограмотными, в интеллектуальном отношении слаборазвитыми, преследующими, главным образом, материальные выгоды. Их обязанности сводились к обучению мюридов молитве “Пир-и-шо” (ее знали как “Отче наш”), проведению даъвата и весьма туманному разъяснению отдельных принципов исмаилитского учения. Между прочим, учение памирских исмаилитов хоть и базируется на книге уже известного нам поэта и теософа Носири Хусрава (или пира Шо Насыр Хосрови) “Ваджхи-дин”, но идет вразрез с изложенным в ней учением; и это несоответствие никем не опровергалось. Книга “Ваджхи-дин” (на Памире более известна под названием “Калам-и-пир”), где изложены основы и суть религиозного и философского учения исмаилизма, была недоступна полному пониманию не только простых верующих, но и их малообразованных духовных наставников. Памирский вариант исмаилизма, как кажется, проникнут идеями буддизма, в частности учением о переселении душ (metempsychosis). Исмаилитское духовенство Памира было далеко от идей философского учения, провозглашающего знание и науку выше всякой религии.

Скорее всего к бадахшанским пирам конца XIX — начала XX в. вполне допустимы характеристики, заключенные в стихах узбекского гуманиста и просветителя Хамзы-заде Ниязи, а также в одной из народных пословиц:

Пир сеид Юсуф Али-Шо

Шо Хамуш и Шо Кошон прибыли на Памир из Хорасана чуть позже Носири Хусрава, по всей вероятности, в конце XI или в начале XII в. Шо-и-Маланг берет свое родовое начало от младшего сына имама Джафар-ус-Садыка-Шо Муссо Косима. Этот род сеидов сокращенно называли Муссови. Потомком Шо Маланга в 12-м колене и являлся Юсуф Али Шо, пользовавшийся огромным авторитетом на Западном Памире и за его пределами. Пирами были и его отец Фаррух Шо (Парик Ша), и его дед Шо Партови, и прадед Саломат Шо, и прапрадед Шо Фазиль и т.д. Кстати, Парик Ша, когда-то обиженный правителем Шугнана Юсуфом Али, вступил в сговор с афганцами и способствовал операции по его захвату. Правда, спустя некоторое время он же решительно поддерживал восстание народных масс против афганского вторжения. В его поведении, как в зеркале, проявилась двойственная позиция исмаилитского духовенства.

Духовная паства сеида Юсуфа Али Шо, резиденция которого находилась в шугнанском кишлаке Поршнев, проживала в Шугнанае (400 домов), в афганском Дарвазе (200 домов), Яркенде (5 домов), в Оше (20 домов). В его распоряжении находились 19 халифа, в том числе 11 — в Шугнанае, 7 — в Дарвазе и 1 — в Яркенде ¹⁵².

Сеид Юсуф Али Шо находился в оппозиции к бухарской администрации, так как ее присутствие ущемляло власть пиров над верующими.

Когда в 1903 — 1904 гг. начались выступления населения Западного Памира против произвола бухарских властей, поршневский ишан поддержал эту борьбу. Более того, он уговаривал своих мюридов подавать специальные жалобы русским властям на деспотизм и злоупотребления бухарских чиновников, разъезжал по кишлакам и призывал к восстанию. Он и его сторонники рассчитывали, что после удаления бухарских беков с Памира вся власть в конечном счете перейдет к ним.

Не без помощи противников сеида Юсуф Али Шо, в частности ишанов Мурсаля (Сучан) и Махмуд Шо (Шахдара), бухарская администрация предприняла шаги к его высылке с Памира. Этот случай на долгие годы предопределил, мягко говоря, прохладные, а скорее всего враждебные взаимоотношения между Юсуф Али Шо и этими пирами. Последние поступали беспринципно, вовсе не считались с интересами местного населения. Высылка сеида Юсуф Али Шо привела к исключительному росту его популярности среди населения Западного Памира. Пир сеид Юсуф Али Шо с точки зрения его родословной мог претендовать на более высокое положение в исмаилитской иерархии. Ведь история его рода была намного древнее генеалогии низаритских имамов Ага Ханов. Всю жизнь Юсуф

Али Шо относился к низаритскому имамату в Индии с известной долей скептицизма и в отличие от других пиров Бадахшана держался весьма независимо.

В начале нынешнего столетия в Бадахшане и прилегающих к нему странах насчитывалось несколько десятков пиров. Они проживали на афганской территории (Зебак, Мунджан, Дарвиз и т.д.), в Вахане, Ишкашимае, Рушане, Шунгане, а также в пригиндукушских княжествах (Канджунт, Читрал) и в Кашгаре (Яркенд). Все они оказались в эпицентре англо-русского соперничества и разделились на два лагеря: одни из них занимали англофильские позиции, другие — русофильские. Впрочем, в данном случае проявились во всей силе традиции Востока. Везде свежи рассказы о хайберской резне 1842 г., о победе афридиев, о восстании сипаев в Индии, о кандагарском поражении во время 2-й афганской войны и т.п. Путешествуя по Востоку, повсюду сталкиваемся с насмешливым отношением к англичанам (в смысле представления азиатов о военном могуществе Англии). Сами англичане с чувством горести сознавались, что в Центральной Азии на Россию в то время смотрели как на более сильную военную державу по сравнению с Англией¹⁵³. Именно в этот период низаритский имамат вводит институт инвестируры как средство мощного воздействия и давления на пиров. С тех пор для утверждения в сане и должности они были обязаны ездить в Бомбей. Первыми из памирцев для введения в должность туда ездили Махмуд Шо, брат известного шахдаринского пира сеида Ахмеда, в подчинении которого находилось около 1500 домов, и сеид Мурсаль из Сучана. По существу этот порядок должен был привести к ликвидации естественным путем права наследования должности пира его детьми, и, следовательно, прерывалась связь времен хотя бы применительно к Бадахшану. Думая о будущем своих детей, каждый памирский пир соотносил с этим все свои действия по отношению к низаритскому имамату.

В связи с изложенным вполне понятен взгляд на пиров российских чиновников, занимавших не последнее место в иерархии царской бюрократии. Граф А.А. Бобринский, в частности, писал: “Я хочу подчеркнуть, как вообще важно было бы всех пиров, живущих в наших пределах, расположить в пользу русского дела и заручиться их содействием”¹⁵⁴.

А барон Черкасов уже докладывал в 1904 г. о предпринятых мерах: “Имея понятие о силе влияния на таджиков их ишанов или пиров, я всемерно постарался приобрести, с первых же дней по приезде в Шугнан, расположение и доверие этих религиозных наставников... При посредстве ишана Саид Юсуф Алишо мы будем иметь сколько угодно надежных разведчиков в Бадахшане и Чир-Вилояте,

правитель которого Сардар Абдулладжан женат на родной сестре ишана... Ишан Саид Ахмедшо является личным врачом известного Читральского ишана Шахзаде Лайса, при помощи которого весьма легко установить постоянное наблюдение на вредную для нас деятельность этого верного слуги англичан”¹⁵⁵. Читральский пир Шо-заде Лайс (умер в 1916 г.) в действительности активно использовался англичанами в проведении разведывательной деятельности в афганском Бадахшане и на территории, контролируемой Россией. В годы правления эмира Абдурахмана из Афганистана в бухарские пределы стали прибывать исмаилиты. Например, в районе Тугарака поселились 200 хозяйств во главе с пиром Фрейдун Шо, отцом Темур Шо Хана. Фрейдун Шо пользовался в Афганистане большим влиянием и имел там много мюридов, умер задолго до Февральской революции. В Зироабаде (Вазирабад) в местности Сарбаз-хана Куны среди бухарских исмаилитов в течение ряда лет жил майор Лоример, впоследствии занявший пост политического агента в Гильгите. Станным выглядел и переезд на российскую территорию Шо Абдул Маони после смерти его отца Шо-заде Лайса. Вполне очевидно, что и Лоример, и Шо Абдул Маони прибывали на российскую территорию не случайно, а с определенными целями, для выполнения специальных заданий английской разведки¹⁵⁶.

Как видим, Россия и Англия не замедлили воспользоваться религиозными, родственными и иными связями пиров в чисто разведывательных целях. Их тесные контакты друг с другом, с местными индийскими и афганскими правителями представляли собой естественный и удобный канал для получения обширной разведывательной и иной информации.

Исмаилизм был притягателен не только для Востока, но и для Европы, не только для азиатов, но и для европейцев. В Шугнанае, Ишкашиме, Вахане под именем доктора Бутца был хорошо известен военный фельдшер Памирского отряда, поляк-одессит Хмелевский Стефан Кнутович. Он изучил арабскую письменность, персидский язык и шугнанское наречие, быт и традиции памирцев, женился на памирке, принял исмаилизм, прекрасно знал его учение и догматику. Тем самым он завоевал авторитет у местного населения, исмаилитского духовенства и знати. Почти полвека он прожил на Памире, начиная с 1902 г., с небольшими перерывами. Доктор Бутц подготовил записки по памирскому исмаилизму, но они, кажется, так и не были опубликованы, а жаль! Видимо, записки военфельдшера С.Хмелевского затерялись где-то в архивах.

Верно то, что до Февральской революции царские резиденты и политические агенты, прикрываясь либеральными фразами, на самом деле стремились к сохранению феодального режима бухар-

ского эмира в его более или менее полной неприкосновенности. Тем не менее полтора десятилетия, предшествовавшие падению царского самодержавия, были важными, значительными в истории Памира. Какими бы чуждыми для памирцев интересами и соображениями ни руководствовалось царское правительство, объективно оно способствовало оживлению в горном крае экономической жизни, преодолению его замкнутости и изолированности, распространению среди местного населения просвещения и росту его общей культуры. Молодые люди из зажиточных бадахшанских семей получали образование, как правило, в Индии и Бухаре. К началу первой мировой войны в Хороге функционировал базар, где афганские, бухарские, индийские, кашгарские купцы торговали товарами, привезенными из их стран.

Ощутимый удар по разрушению уклада жизни на Памире, в том числе системы религиозных запретов и треб, практики обязательных подношений пирам, нанес рост отходничества в начале XX в. Памирская беднота из-за отсутствия достаточных средств к существованию оставляла насиженные места в поисках работы и уходила на заработки в промышленные города Туркестана и сельскохозяйственные районы Ферганской долины, где имелся большой спрос на сезонных рабочих. Число отходников-декхан составляло несколько тысяч человек. А это была внушительная сила в условиях Памира. Они посезонно работали на рудниках, фабриках и заводах в различных районах Туркестана, прежде всего Ферганской долины. Другой немногочисленной, но активной группой стали постоянные рабочие предприятий и транспорта Туркестана и Западной Бухары — выходцы из Бадахшана и Дарваза¹⁵⁷.

Вмешательство извне еще при царизме провоцировало изменение всего стиля жизни памирцев, санкционированного веками складывавшейся нормативной практикой, в основу которой во времена средневековья был положен уникальный религиозно-цивилизационный фундамент — исмаилизм. Но этот фундамент в силу его обособленного существования и социально-экономических причин не приобрел за прошедшие века ни прочности, ни способности к стойкому сопротивлению.

Б силу исторически сложившихся обстоятельств (поражение в русско-японской войне, кровавое воскресенье 9 января 1905 г., буржуазно-демократическая революция и ее подавление, ряд бездарных военных операций в начавшейся войне и как следствие оккупация некоторых российских территорий и т.д.) царизм лишился всякого морального авторитета и неизбежно должен был пасть. Россия и Туркестан с Памиром стояли на краю великих и трагических потрясений и перемен.

Глава VI

Февральская и Октябрьская революции и Памир

Известие о свержении самодержавия в России было получено на Памире 21 марта 1917 г., а до сведения населения было доведено лишь в апреле, и сразу же был образован Общепамирский комитет во главе с военным чиновником, неким Беловым, куда вошли и представители местной знати. По существу его создание было незаконным, как бы упреждающим нежелательные для верхов перемены на Памире.

Только в конце апреля в Ташкенте стал функционировать созданный Временным правительством Туркестанский комитет (Турккомитет), призванный заменить собою отстраненного от власти Туркестанского генерал-губернатора и его аппарат по управлению территорией огромного края, составляющего, без Бухары и Хивы, почти 1,5 млн кв.верст. От Турккомитета нельзя было ожидать коренных демократических преобразований, перед ним изначально были поставлены задачи приспособления старой системы подчинения и управления к новым условиям ¹⁵⁸. Да другого и быть не могло. Еще в 1915 г., выступая на закрытом заседании Государственной думы, А.Ф. Керенский открытым текстом заявил: “Туркестан и Степные киргизские области — это не Тульская или Тамбовская губернии. На них можно смотреть, как смотрят англичане или французы на свои колонии” ¹⁵⁹.

Временное правительство, конечно же, не возражало против проведения экономических и политических реформ, не противоречащих нормам шариата и религиозным воззрениям мусульманского населения, но без ущерба российским политическим и экономическим интересам и всецело под непосредственным руководством его эмиссаров ¹⁶⁰. Оно заняло совершенно определенную позицию: не допускать никаких отделений и придавать по возможности буржуазный лоск существующим феодальным и полуфеодальным структурам, в том числе сугубо деспотическим.

В секретной телеграмме управляющего российским резидентством в Бухаре от 14 июля 1917 г. наиболее сжато сформулирована суть этого курса: "...задачей момента должно быть сохранение порядка на местах, для каковой цели в настоящее время возможен только путь компромисса"¹⁶¹. Разумеется, имелись в виду наиболее консервативные правящие круги Бухарского эмирата.

17 марта 1917 г. российский резидент в Бухаре сообщал в министерство иностранных дел: "Реформы в Бухаре — назревший вопрос, требующий своего разрешения в полном соответствии с видами нашего правительства. Для планомерного, без ущерба нашим политическим и экономическим интересам в стране, проведения этих реформ в жизнь необходимо, чтобы они не противоречили шариату и религиозным воззрениям массы туземного мусульманского населения, чтобы они не нарушали автономии Бухары и чтобы осуществление реформ производилось всецело под нашим непосредственным контролем и руководством"¹⁶².

Временное правительство серьезно было обеспокоено тем, чтобы революционное движение против эмира снизу не породило смуту не только в Бухаре, но и в крае и не вылилось бы в выступления против России, последствия которых трудно предусмотреть. А оснований для такого рода беспокойства было более чем достаточно, учитывая присутствие в Средней Азии большой массы турецких, австро-венгерских и немецких военнопленных и возросшую активность Англии. Турккомитет и Временное правительство объединили свои усилия с целью воспрепятствовать стремлению угнетенных народов и народностей к национальному освобождению.

В соответствии с постановлением Краевого Сопевания при Турккомитете в июне 1917 г. было принято решение о создании Памирского районного гражданского комиссариата из трех лиц — районного комиссара И.И. Зарубина (впоследствии профессора, автора работ по языкам и этнографии Памира) и двух помощников — подполковника Фенина, командира Памирского отряда, а также полковника И.Д. Ягелло, бывшего начальника этого отряда. Назначение военных в гражданский орган отражало специфику пограничного положения Памира. За начальником Памирского отряда сохранялась только военная власть в его отряде, а все административные функции передавались в связи с изменениями в государственном строе России комиссару. Таким образом, у последнего сосредотачивалось все гражданское управление Памирским районом. Причем, специально оговаривалось, что в интересах общественного спокойствия нельзя допускать выборов других комиссаров. Комиссар и два его помощника были обязаны организовать повсеместно волостные и сельские комитеты. 26 июня 1917 г. было утвержде-

но “Временное положение об управлении Памирским районом”¹⁶³. В том же месяце (июнь 1917 г.) И.И.Зарубин прибыл на Памир и приступил к исполнению своих обязанностей в обстановке, накалявшейся с каждым днем.

Осенью 1917 г. пиры сеиды Мурсаль (Сучан) и Махмуд Шо (Шахдара) обратились к бухарскому эмиру с просьбой о восстановлении его власти на Западном Памире. В их письме говорилось: “В это благополучное время, по воле божьей, народ стал свободный, склонный к республике. Поэтому в наших несчастьях и разрухе, повернув лицо свое в сторону мусульманского царя, надеемся и просим, чтобы Вы, Ваше величество, распростерли тень ног Ваших на головы нас всех молящихся и всего народа. ... Надеемся, что Вы, Ваше величество, принимающий жалобы, не снимите свой взор, приносящий многочисленные милости, с наших голов и будете управлять нами”¹⁶⁴.

Вступивший с ним в стговор бывший волостной управитель, крупный бай Азиз-хан, отстраненный от власти, параллельно послал записку дарвазскому беку Тураб-Кулибек-бею следующего содержания: “...эмиру скорее передайте жалобу, что неверное русское государство разрушилось, и Шугнанская область без головы осталась. Нужно, чтобы вы, основание веры, завладели шугнанским народом. Не медлите, иначе мы приведем войско афганское, область Шугнанскую их власти предадим”¹⁶⁵. Но население Западного Памира хорошо помнило, как тот же Азиз-хан вместе с пиром Сеид Юсуф Али Шо в 1904 г. агитировали против эмирских властей в надежде получить выгодную компенсацию от царского правительства. Теперь Азиз-хан вместе с сеидами Мурсалем и Махмуд Шо ратовал за эмира и его ставленников. Эта записка Азиз-хана была перехвачена, а сам он был задержан Шугнанским комитетом. Население, возмущенное предательством Азиз-хана, потребовало созыва экстренного заседания вновь образованного Шугнанского волостного исполнительного комитета. Его постановление от 21 сентября 1917 г. гласило: “Шугнанский исполком обсудил дело Азиз-хана по поводу отказа от России и написания им писем эмиру бухарскому и в Афганистан. От жестокости этих держав все население Шугнана, и мужчины, и женщины, вышли из терпения. Азиз-хан хочет из-за своих выгод предать нас опять в руки афганцев и бухарцев. Он написал от имени народа подложные письма... Комитет постановил, чтобы Азиз-хана из этой области навсегда удалили и чтобы его за измену подвергли строгому наказанию”¹⁶⁶. Характерно, что в отношении пиров Мурсаля и Махмуд Шо не было вынесено никакого решения, хотя всем было хорошо известно их соучастие в деле Азиз-хана.

29 октября состоялось заседание специальной комиссии с участием комиссара Зарубина, начальника Памирского отряда, и представителей Шугнанского и отрядного солдатского комитетов, которая вынесла решение о высылке Азиз-хана ввиду его опасной деятельности в пределы Сарыкола под надзор начальника Таш-Курганского поста.

Таким образом, благодаря усилиям простого народа, поддержанного демократически настроенными офицерами и солдатами, был сорван реакционный, коварный замысел Азиз-хана и двух пиров. На высоте своего положения оказался и комиссар Зарубин. Это была победа демократических сил Западного Памира. Временное правительство и его Турккомитет, как представляется, не возражали бы против включения западнопамирских районов в состав Бухарского эмирата ради сохранения и поддержания сложившихся при царизме взаимоотношений¹⁶⁷.

Великая Октябрьская социалистическая революция (или, как ее ныне именуют, Октябрьский переворот), а также спонтанное вмешательство извне внесли определенный диссонанс в дальнейший ход исторических событий на Памире. Именно тогда в его истории наступила полоса смутного времени, растянувшаяся на долгих пять лет, вплоть до 1921 г. 5 декабря 1917 г. состоялось объединенное заседание солдатского комитета Памирского отряда, Шугнанского волостного комитета и районного комиссариата, которое приняло решение о ликвидации комиссариата Временного правительства и избрало новый комитет в составе авторитетного местного жителя Саида Хайдаршо Муборакшоева и военфельдшера отряда Гуминского.

В середине ноября 1918 г. начальник Памирского отряда Фенин, на словах признававший Советскую власть, а на деле полностью сохранявший порядки, которые существовали при Временном правительстве, с небольшой группой сочувствовавших ему офицеров и солдат, захватив отрядную кассу и оружие, бежали в сторону Индии. Общепамирский комитет окончательно распался. В конце 1918 г. группа революционно настроенных солдат и несколько офицеров образовали первый Памирский революционный комитет, но процесс установления Советской власти затянулся до 1921 г.

Приметы смутного времени проявились на Памире задолго до Февральской революции. Отряды царского правительства, направлявшиеся в этот забытый богом край, начиная с 1915 г., забирали у населения фураж, зерно, скот и т.п. без оплаты, выдавая им только долговые расписки. Командиры и офицеры Памирских отрядов в 1917—1920 гг., за редким исключением, занимались взяточничеством, поддерживали тесные связи с байством и ишанами, допускали беззаконие. К примеру, некий Семькин и А.Гладышев были аресто-

ваны за такого рода деяния и этапированы в Ташкент (1920—1921 гг.). Некоторые офицеры, прихватывая с собой казенное имущество, деньги и оружие, уходили за кордон. Так, к примеру, поступил командир Памирского отряда полковник Тимофеев (март 1920 г.)¹⁶⁸. В апреле 1920 г. после бегства последнего в Читрал (Индия) власть в Шугнана временно захватили сеиды Махмуд Шо и Юсуф Али Шо. Воспользовавшись сложившейся благоприятной ситуацией, бухарские войска, предводительствуемые дарвазским хакимом, занимают в июне 1920 г. крепость Хорог. Но это было уже накануне падения Бухарского эмирата, и 29 июня того же года бухарцы принуждены были навсегда покинуть памирскую территорию. К этому привело выступление революционно настроенных местных жителей из числа молодежи и солдат.

Советская власть на Памире была окончательно установлена в ноябре 1921 г. с приходом отряда Т.Дьякова и Ш. Шотемора. Именно тогда была восстановлена линия государственной границы, упразднены старые чиновники-аксакалы, арбобы, мингбаши, кази, созданы на местах сельсоветы, открыты школы для детей бедноты, началось распределение байских земель малоземельным крестьянам. Это подтверждает даже М.Юсуф Али Шо, сын сеида Али Шо. Советская власть принесла памирцам немало бедствий и страданий, но неразумно отрицать достигнутое в советский период, как некоторые делают это в настоящее время, ибо за прошедшие десятилетия Горный Бадахшан сделал важные шаги по пути прогресса, навсегда расставшись с периодом экономической и политической стагнации.

Февральская и Октябрьская революции кардинально изменили расстановку сил в России и ее внешнеполитическое положение. Изменение политической ситуации стимулировало усилия Британии по расширению сферы своего влияния за счет бывшей Российской империи, прежде всего в Центральной Азии. Сразу же после Февральской революции в Ташкенте появился английский разведчик Эдвардс, который вел переговоры с националистами и обещал им поддержку Англии в создании автономного Туркестана под британским покровительством.

Осуществление единого плана заговора Локкарта, касающегося Туркестана, было возложено, в частности, на миссию майора Ф.М. Бейли, прибывшую в Ташкент в августе 1918 г. В ее состав входили также капитан Блеккер и английский консул в Кашгаре Маккартней¹⁶⁹. Бейли приехал в Фергану и Ташкент из Индии через Нагар, Хунзу, Гилгит (где имел встречу с политическим агентом полковником С. А. Смитом) и Кашгар. Он находился в Туркестане по январь 1920 г. большей частью на нелегальном и полулегальном положении, активно пытался проводить подрывную дея-

тельность через местных реакционеров, в том числе в Ферганской долине, Бухаре и Хиве. Бейли стремился использовать в британских интересах военнопленных, особенно австро-венгерских, немецких и турецких офицеров. Очевидец этих событий полковник царской армии И.Зайцев, бывший комиссар Временного правительства в Амударьинском отделе, позднее вспоминал: “Официальной целью миссии было якобы восстановление связи с вновь образовавшимся Туркестанским правительством и ознакомление с новым общественным и государственным строем края. На самом деле истинной целью и намерением миссии было: готовить и организовать вооруженное восстание в Туркестане против Советской власти, снабжать повстанческие отряды деньгами и оружием из ближайших к Туркестану английских баз (Мешхед, Кашгар, Афганистан). Миссия имела широкие права и полномочия по осуществлению этих задач”¹⁷⁰.

Особая роль в стратегических замыслах британской разведки отводилась мусульманскому духовенству, которое в Центральной Азии среди населения пользовалось непререкаемым авторитетом. С его помощью предполагалось осуществлять ширококомасштабную пропаганду среди местного населения в пользу Британской империи, а также добывать заслуживающую внимания информацию.

Главной ареной повстанческого движения в 1918—1920 гг. в Туркестане стала Ферганская долина. Еще в конце 1917 г. было создано так называемое “Кокандское автономное правительство”, которое развернуло вооруженную борьбу за отделение Туркестана от России. Кокандская автономия более всего ориентировалась на англичан. В то время Коканд был важнейшим торгово-промышленным и финансовым центром в Средней Азии. В нем насчитывалось 11 отделений различных банков, причем среди постоянной клиентуры нередко встречались промышленники и коммерсанты Англии, Германии, США и т.д. Коканд был буквально наводнен шпионами иностранных государств, подвизавшихся в качестве коммивояжеров, финансовых и торговых агентов. В 1918 г. в организации и вооружении повстанческих формирований участвовали официальные представители иностранных государств, в том числе и руководитель военно-дипломатической миссии английского правительства Ф.Бейцли. Весной 1918 г. повстанческие отряды развернули активные действия на подступах к Памиру в районе города Ош.

Первые представители и организаторы Советской власти в Фергане и на Памире, оказались не на высоте своего положения и вместо сплочения трудящихся масс оттолкнули их от себя. В их ряды проникло тогда много лиц, не имевших ничего общего с революцией и интересами бедноты. Вместо служения народу они зани-

мались набиванием собственных карманов, пользуясь своей властью над населением. Деятельность же первых отрядов, сформированных при Советской власти, не имевших понятия о своем истинном долге, допускавших бесчинства, грабежи и другие беззакония, еще более убивала в народе веру в Советскую власть.

В 1917 — 1922 гг. обстановка на Памире была весьма сложной, его связи с Туркестаном были нерегулярными, а иногда и вовсе прерывались, английские разведчики вербовали представителей феодальной верхушки и исмаилитского духовенства. Особенно энергичную деятельность развернуло английское консульство в Кашгаре. Сотрудник консульства майор Т.Е. Эссертон, воспользовавшись отсутствием частей Красной Армии в районе Памира, под видом охотничьих прогулок посещал памирскую территорию и поддерживал постоянные контакты с повстанческими отрядами в Семиречье и Фергане.

23 июля 1919 г. агентами иностранной разведки в Хороге был убит руководитель военно-политической комиссии ЦИК Туркестана А.А.Холмаков.

Английские эмиссары активно вмешивались во внутренние дела Туркестана и Памира, поддерживали тесные связи с повстанческими отрядами. Финансировали и снабжали их оружием. В частности, через Дарваз и Шугнан переправлялось английское оружие из Индии вплоть до 1922 г. Весной 1920 г. англичане сосредоточили в районе Кашгара значительное количество англо-индийских войск. В это же время миссионеры-посланцы Ага Хана активизировали свою деятельность в Горном Бадахшане ¹⁷¹.

Интересно, что в становлении и утверждении Советской власти на Памире принимали активное участие наряду с шугнанцами, рушанцами, ишкашимцами и другими памирцами киргизы, узбеки, русские, украинцы, армяне, семиреченские казаки, хорваты, австрийцы и т.д. В это смутное и тревожное время исмаилитские духовники-пиры представляли реальную опасность, так как в их намерения входило приглашение в качестве правителя иностранного ставленника либо захват власти в собственные руки.

В ноябре 1921 г. в Хорог прибыл отряд во главе с Т.Дьяковым (родственником великого русского анархиста М.А.Бакунина). В состав военно-политической тройки ЦИК Туркестана, прибывшей с отрядом, входил шугнанец Шириншо Шотемор (1899 — 1937 гг.), земляк поршневого пира сеида Юсуф Али Шо. Ш. Шотемор был незаурядным человеком, хорошо знал специфику памирских условий. Окончив русско-туземную школу в Хороге, он уехал на заработки в Ташкент. С 1914 г. он работал в Ташкентском трамвайном депо и одновременно учился на педагогических курсах, в числе 500

пролетарских студентов вел разъяснительную работу среди населения Ферганской долины. В 1921 г. он вступил в ряды коммунистической партии. Ш. Шотемор стремился учиться у более опытных и грамотных людей, чтобы плодотворно работать на благо родного Памира и Таджикистана. В конце концов он стал видным государственным и партийным деятелем: с 1925 по 1937 г. — член ЦИК СССР, с 1933 г. — председатель ЦИК Таджикской ССР, а затем — секретарь ЦК КП (б) Таджикистана.

В 1921 — 1922 г. при прямом участии Ш. Шотемора был раскрыт заговор памирских ишанов, который они тщательно готовили вкуче с английской разведкой против молодой Советской власти.

Сценарий заговора был непростым, даже замысловатым, поражающим воображение рядовых исмаилитов. Поведение действующих лиц было далеко неоднозначным, режиссура, несомненно, принадлежала британским спецслужбам в Индии. Заговор бадахшанских пиров явно имел антисоветскую направленность и ставил своей конечной целью создание самостоятельного исмаилитского государства под эгидой Англии. Вся операция осуществлялась под афганским флагом, хотя Афганистан и не имел к ней никакого отношения.

Как раз в это время среди бадахшанцев, которым доверялось доставлять зякет Ага Хану, распространился слух о том, что у сеидов тайно хранятся письма от Ага Хана III, в которых утверждалось, что еще его отец предвидел раздел Шугнана между Афганистаном и Россией и его последующее объединение при содействии Британской империи, причем предсказывалось, что Шугнан и вообще весь этот регион со временем должен отойти к Англии.

В ноябре — декабре 1921 г. на афганском берегу Пянджа появляется катаганский пир сеид Тимур Шо Хан Гаухарамонов (Темир Ша). Он некоторое время проживал в Кулябе, затем обосновался в г. Гури, Катаган. Темир Ша с помпой был принят в афганском Шугнани, нелегально переходил на советскую территорию и установил контакты с шахдаринским, поршневым и сучанским пирами. Темир Ша занимал достаточно высокое положение в иерархии исмаилитов Афганистана, был тесно связан с Ага Ханом, который имел своих людей в Кабуле из числа лидеров исмаилитских общин. Несмотря на довольно сложное положение последних из-за преследований суннитских властей, они пользовались определенным влиянием в афганских правительственных кругах.

Темир Ша подстрекал и склонял сеидов, проживающих на советской территории, к мятежу с целью присоединения к Афганистану, призывал их последовать примеру мусульман Куляба и Гиссара, развернувших вооруженную борьбу; обещал им вооруженную по-

мощь и поддержку, утверждая, что действует по поручению афганского военного министра Надир-хана. Однако официального документа, подтверждающего его полномочия, он предъявить не смог. Трудно представить, что военный министр Афганистана стал бы принимать участие в этой аванюре, будучи прекрасно осведомлен о развитии дружественных советско-афганских отношений после третьей англо-афганской войны, успешно закончившейся для его страны. Правда, это обстоятельство не помешало дипломатическому демаршу афганских властей в июне 1920 г. в поддержку эмира бухарского, где они угрожали даже вводом в Шугнан войск. К чести сеида Юсуф Али Шо, он тогда разгадал, что это чистый блеф, и в действительности афганское правительство к этому непричастно.

Небезынтересно также, что исмаилитское духовенство Афганистана в 30-х гг. поддержало Надир-хана в борьбе за афганскую корону. Тем не менее, утверждения Темир Ша, что он действовал с санкции и по поручению Надир-хана весьма сомнительны. Темир Ша прилагал огромные усилия к получению от шугнанских пиров письменного заверения о стремлении исмаилитского населения присоединиться к Афганистану. Но все было безрезультатно и напрасно. В конце 1922 г. по возвращении в г. Гури Тимур Шо Хан внезапно умер. Видимо, его настигло возмездие за невыполнение воли хозяев, к тому же он чересчур много знал.

Здесь уместно отметить, что момент для заговорщической деятельности был избран весьма удачно. Пирь сеиды Юсуф Али Шо Фарухшоев (Поршнев), Махмуд Шо Музробшоев (Шахдара) и Мурсаль Ашрафов (Сучан) были недовольны введением выборного начала в организации местной власти, упразднением института казиев, заменой их выборными судьями и новым законом о разводе. Кстати, этим было недовольно и местное население, уж слишком крутой была ломка сложившихся традиций. Тогдашняя обстановка благоприятствовала осуществлению замыслов Тимур Шо Хана. Но им не суждено было воплотиться в жизнь по не зависящим от него обстоятельствам.

Участники заговора с правого берега Пянджа, в частности Махмуд Шо, Мурсаль, Юсуф Али Шо, его халифа Исмаил Неккадамов и другие привлекались к уголовной ответственности. В процессе расследования фабула готовившегося заговора полностью нашла свое подтверждение. Тимур Шо Хан по крайней мере дважды нелегально посещал советскую территорию и лично встречался с шугнанскими пирами, всячески побуждая их форсировать подготовку вооруженного восстания. Постоянная связь между ними осуществлялась через жителя афганского кишлака Башор Шокуллобека и И. Неккодамова, женатого на сестре Шокуллобека.

Шугнанские пиры, хорошо представляя, что их мюриды крайне отрицательно относились к идее присоединения к Афганистану и не пошли бы за ними в случае мятежа, заняли сугубо выжидательную позицию. Кроме того, они опасались за свою судьбу и жизнь, ведь любой неверный шаг мог привести к гибели. Среди шугнанских пиров с давних пор царила атмосфера недоверия, подозрительности и антагонизма. Они не исключали возможности предательства со стороны каждого из них. Пыры стремились всячески уклониться от выполнения опасных поручений Тимур Шо Хана либо затянуть их исполнение на неопределенный срок. Юсуф Али Шо, например, сообщил ему письмом, что прежде, чем решиться на его предложение, он должен посоветоваться с другими шугнанскими ишанами, вряд ли в этом деле мюриды пойдут за ним. Позднее, в июле 1922 г., все три пира письменно сообщили Темир Ша, что они решили отсрочить разрешение вопроса, предложенного им, на 3 месяца, так как появились слухи о прибытии на Памир из Туркестана большого отряда, поэтому следует подождать до выяснения обстановки. Тем не менее пиры не снимали с повестки дня вопроса о вооруженном выступлении.

Следует отметить, что Тимур Шо Хан с момента своего появления занял твердую, жесткую позицию в части неукоснительного выполнения исходящих от него указаний, неоднократно угрожал пирам за невыполнение физической расправой, вплоть до убийства. Реальная угроза нависла над Юсуф Али Шо: Тимур Шо Хан через Шокуллобека вел дело к устранению его руками русских. По-видимому, участники заговора были хорошо осведомлены о том, кто наделил Тимур Шо Хана широкими полномочиями и страшлись отказать ему напрямую.

Далеко не все детали заговора удалось выявить в процессе расследования. Слишком скрытно, неоднозначно вели себя его участники. Халифа Исмаил Неккодамов как родственник Шокуллобека, а, следовательно, Тимур Шо Хана, принимал во всем деле не менее активное участие, чем сеид Юсуф Али Шо, в надежде получить лично для себя большие выгоды в случае успешного исхода заговора, за что и был приговорён к 5-летнему заключению в концентрационном лагере. Ему, безусловно, было известно о деятельности Темир Ша значительно больше, чем его пиру. Лишь в 1940 г. Неккодамов Исмаил признался, что действительно носил письма от Юсуф Али Шо Фаррухшоева в Афганистан к Тимур Шо Хану и выполнял все его поручения как мюрид и халифа¹⁷².

16 августа 1922 г. дело по расследованию заговора ишанов было закончено, и уполномоченный особого отдела Туркестанского фронта и охраны границ Туркестанской республики Таричан Дья-

ков вынес оригинальное, можно сказать, уникальное решение — принимая во внимание нежелательность применения высшей меры наказания на Западном Памире вообще, а в отношении служителей религиозного культа в особенности, — приговорить пиров Юсуф Али Шо, Махмуд Шо и Мурсаля к условному расстрелу.

В ходе расследования обстоятельств заговора пиров вскрылись дополнительные любопытные обстоятельства, например, о причастности к нему сына бывшего Шугнанского хана Абдул Гияс-хана, о неблагоприятной деятельности уполномоченного Народного комиссариата иностранных дел в Памирском районе Э.Пумпура и т.д. Под прикрытием оказания помощи Э. Пумпуру в его секретной работе Юсуф Али Шо сносился с афганскими властями, направлял письма в афганский Дарваз, обращался к Файзабадскому джарнейлу (губернатору) с просьбой свободного посещения афганской территории и даже запрашивал, можно ли надеяться на хороший прием, если он пожелает укрыться в мусульманской стране (то есть в Афганистане). Доказано, что в мае 1922 г. Юсуф Али Шо получил письмо от Файзабадского джарнейла (не исключается его причастность к английской разведке) с предложением об объединении усилий в борьбе с Советами.

Эрнст Пумпур (племянник либо двоюродный брат Я.Э. Рудзутака) в организации работы по линии НКВД опирался на сомнительных людей, в прошлом связанных с царской разведкой и подозревавшихся в причастности к английским спецслужбам, сочувственно относился к нелюбимым в адрес Советской власти высказываниям сеида Юсуф Али Шо и впоследствии сам эмигрировал за границу.

Таким образом, заговор пиров можно считать лишь недоказанным, но не опровергнутым. Исмаилитское духовенство Горного Бадахшана (пиры, халифа и другие) надолго запомнили преподанный им урок. Их враждебные вылазки и выступления стали более завуалированными¹⁷³. Совершенно ясно, что руководство секты исмаилитов во главе с Ага Ханом, занимая резко враждебные позиции по отношению к стране Советов, проводило из Бомбея подрывную деятельность и систематически направляло на Памир, в афганский Бадахшан и Вахан, а также в Кашгарию своих полномочных представителей, которые нередко выполняли наряду с религиозными поручениями и задания филиалов британских спецслужб в Индии весьма деликатного свойства.

Советская власть нанесла ощутимый удар по всем религиям, распространенным на территории бывшего Советского Союза, исключения не составил и исмаилизм. Значительная вина в разрушении исмаилизма в Горном Бадахшане ложится на низаритский има-

мат и филиалы британской разведки в Индии, пытавшихся использовать бадахшанские исмаилитские общины и их руководителей в своих корыстных целях.

В период становления и утверждения Советской власти среди населения Горного Бадахшана по преимуществу преобладали радужные и мажорные настроения. Трудящиеся исмаилиты пробуждались к активной общественной жизни. Советская власть декларировала, что верования и обычаи мусульман, их национальные и культурные учреждения неприкосновенны и провозглашала право трудящихся свободно и беспрепятственно устраивать национальную жизнь¹⁷⁴. В тот период в течение некоторого времени действительно в Средней Азии и на Памире соблюдался принцип недопустимости оскорбления религиозных чувств верующих, учитывались специфические условия и национальные особенности народов Востока. Советские и партийные органы Горного Бадахшана проводили гибкую политику в отношении исмаилитских духовников и их окружения, не допуская проведения каких бы то ни было мероприятий, которые могли бы ущемить выполнение пирами и халифа религиозных культовых обязанностей и оскорбить сокровенные чувства верующих исмаилитов. До 1936 г. исмаилиты Западного Памира ни в коей мере не были стеснены в выполнении своих религиозных потребностей. Мюриды могли свободно общаться со своими духовными руководителями, проживающими на территории Афганистана и северо-восточной Индии и беспрепятственно отправлять зякет Ага Хану в Бомбей.

Выплата зякета (1/10 части доходов) тяжким бременем ложилась на плечи трудового населения горного края, была серьезным тормозом в его социально-экономическом развитии. Исмаилитское духовенство, спекулируя на религиозных чувствах верующих, внушало им, что чем больше будет выплата зякета, тем больше будет у верующих богатства и счастья в потустороннем мире, тем больше возможностей попасть в рай. И без того бедное нищее население Бадахшана буквально обиралось наместниками "живого бога".

О размерах отправленного Ага Хану зякета наглядно свидетельствует следующая таблица¹⁷⁵:

Год	Сумма
1923	12 тыс. рублей золотом
1924	10 тыс. рублей золотом
1925	7 тыс. рублей золотом или полноценным серебром
1926	4 — 5 тыс. рублей золотом или полноценным серебром

1927	1 тыс. рублей золотом и 9050 серебром с учетом недоимок за 1926 г.
1931	850 рублей золотом, 12 500 рублей серебром
1934	120 тыс. рублей разными товарами и ценностями

Кстати, в 1931 г. при аресте пира сеида Юсуф Али Шо кроме других драгоценностей у него было обнаружено 5 тыс. рублей золотом, что вызвало возмущение населения ("Он нас обманывал, мы собирали зякет для Ага Хана, а он оставил себе")¹⁷⁶. Большой ущерб также наносила наркомания.

Образованные Советской властью ревкомы не уничтожили института ишанов (пиров), но предупредили последних о том, чтобы они занимались сугубо духовными делами и не вмешивались в административное управление¹⁷⁷. Более того, в одном из документов за май 1922 г. подчеркивалось, что презираемые мусульманами-суннитами бадахшанские исмаилиты имеют естественное тяготение к русской власти, в лице которой они всегда видели гарантию своей неприкосновенности. Они с большим уважением относятся к своему старшему пиру Ага Хану и в достаточной степени преданы своему ишану. По этой причине секта не может быть признана враждебной Советской власти. Этой точки зрения придерживался, в частности, Ш. Шотемор¹⁷⁸. Именно он одним из первых с присущей ему остротой поставил вопрос о повышении авторитета местной власти и о ее самостоятельности от центра в условиях отдаленности Памира и плохой связи с ним. В годы репрессий эта инициатива дорого обошлась ему. Ш. Шотемор писал: "Наверное нигде на территории Советской республики военная часть не имеет такого значения, как на Памирах... В старое время начальник отряда был и начальником Памира, и до сих пор еще население Памира смотрит на комсостав отряда как на носителей гражданской власти. ...такая зависимость органов Советской власти от военной части не может быть названа нормальной. Это сказывается и на отношении населения к Советской власти"¹⁷⁹. Одновременно он обращал внимание Турк ЦИКа на важное политическое положение Памиров. В апреле 1924 г. съезд советов Западного Памира констатировал, что вывоз золота в чужую страну в качестве зякета Ага Хану не приносит пользы населению Памира и обратился ко всем сознательным гражданам не производить такой бесполезной траты денег, в то время как на Памире царят голод, ужасная нищета и отсутствует система просвещения. Вместе с тем съезд считал крайне необходимым принять энергичные меры к развитию просвещения, и тогда уплата зякета, как пережиток прошлого и темноты населения, сама собой со временем

прекратится. Даже при такой мягкой постановке вопроса почти треть участников съезда выступила против, мотивируя это тем, что уплата зякета - старый обычай предков и его надо продолжить платить, как это делали их отцы и деды. В сознании большинства памирцев этот постулат оставался незыблемым вплоть до начала второй мировой войны.

Состоявшаяся в июле 1925 г. партийная конференция Горного Бадахшана, отметив, что настроение населения ГБАО в основном вполне благоприятное для проведения мероприятий Советской власти, ограничилась лишь простой констатацией: "Трудовые массы зачастую вырывая последний кусок изо рта своих детей, отдавая последние добытые кровью и потом гроши для удовлетворения ненасытной жажды наживы образованного религиозного вампира, настолько свыклись со своими обязанностями плательщиков, что в течение столетий наносят себе непоправимый вред, ввергая себя в глубокую нищету"¹⁸⁰. Не правда ли, как образно и эмоционально!

2 января 1925 г. ЦИК СССР принял постановление об образовании Горно-Бадахшанской автономной области в составе Таджикской АССР, которое предопределило судьбу народов Западного и Восточного Памира на многие годы. Это жизненно важное для памирцев решение вроде было и правильным, однако не учитывало в полной мере исторические, демографические факторы и, конечно же, этногенез памирцев. Во внимание, очевидно, принималась только тяга незначительной группы бадахшанцев к таджикскому, скорее к персидскому, языку. Это объединение до определенной степени было формальным и искусственным, что наложило отпечаток на дальнейший ход исторического развития Горного Бадахшана. По правде говоря, он более тяготел к Фергане, нежели к Гиссарской и Вахшской долинам.

20 — 30-е гг. были весьма сложным и неординарным временем для Памира: шел активный процесс разрушения патриархального уклада жизни памирцев, расслоения исмаилитских общин (а их насчитывалось в области не менее 19) по политическим мотивам и личным симпатиям. Постоянно чувствовалось вмешательство низаритского имамата в дела бадахшанских исмаилитов. Учитывая экономическую и культурную отсталость населения Памира, Советская власть освободила его от всех налогов и обложений. Большое значение имело завершение в 1932 г. строительства 714-километровой автострады, связавшей центр ГБАО г.Хорог с железнодорожным узлом г. Ош.

Исмаилитское духовенство в лице пиров и халифа постоянно оказывало то пассивное, то активное сопротивление социально-экономическим преобразованиям, проводившимся на Памире. Оно собирало вокруг себя казиев и бывших ранес при эмире и царизме

чиновников из числа местных жителей, родовых ханов и других авторитетов и агитировало их за возвращение к освященным веками старым порядкам.

В одном из официальных документов от 25 ноября 1931 г. признавалось: “Ишан фактически распоряжался своими мюридами, имел вес и влияние значительно сильнее любого ВИК’а”¹⁸¹. Причем ишан проводил противоправную деятельность скрытно и умело, балансируя на грани закона. Широко использовались укоренившиеся религиозные традиции, слепая покорность мюридов своим наставникам. Об огромном авторитете исмаилитского духовенства свидетельствуют следующие цифры: при выборах сельсоветов в ГБАО в январе — феврале 1928 г. были лишены избирательных прав 554 служителя религиозного культа, а на перевыборах 1928 — 29 гг. — 321 представитель духовенства. Тогда правом голоса обладали всего лишь 14457 человек из общего числа населения Памира, насчитывающего 28 924 чел.¹⁸².

По данным за 1923 г., на Восточном Памире население составляло около 2 000, а на Западном Памире — 21 500, причем в Шугнанской волости — 10 040, в Рушанской — 5 646, в Оршорской — 1 879, Ишкашимской — 1 015 и Ваханской — 2 866¹⁸³.

Как уже отмечалось выше, Ага Хан и его окружение встретили известие об установлении Советской власти в Горном Бадахшане с нескрываемой враждебностью. Для них слово “большевик” стало синонимом “шайтан”, “дьявол”. Лейтмотивом фирманов, хлынувших потоком в Горный Бадахшан из резиденции Ага Хана, стало беспокойство о том, чтобы никто из верующих “не подпал под влияние дьявола и зла” (под этим, естественно, подразумевалась Советская власть), и напоминание памирской пастве о своевременной доставке зякета либо подтверждение о получении этой дани. Один из фирманов Ага Хана возвещал: “Данное время является концом мира, и дьявол как дикий, так и людской, стремится уничтожить веру и религию”. Его мамаша Биби Хукми, известная на Западном Памире как Биби Саркор, была более откровенна и напоминала памирским исмаилитам не только о строжайшем послушании своим пирам и своевременности уплаты зякета, но и обращалась к ним с призывом: “Боритесь с шайтанами и просите бога о спасении Вас и Вашей веры. Дай бог всем мусульманам освободиться от козней шайтана и привести их к лучшей постоянной жизни”. Этот фирман относится примерно к 1922 г.¹⁸⁴

В трех фирманах Ага Хана, направленных на Памир до 1925 г., содержалось четыре основных указания: во-первых, усилить молитвы ввиду наступивших тяжелых времен для последователей секты; во-вторых, сохранять глубочайшую тайну относительно секты исмаилие; в-третьих, решительно отказаться от общения с русскими, несущими идеи большевизма; и, в-четвертых, прекратить всякие

раздоры среди пиров и их паствы и, безусловно, подчиняться воле имама. Это была хорошо продуманная программа действий на довольно длительное время. Она ни в коей мере не противоречила британским интересам в этом регионе, скорее совпадала с ними.

Как видим, низаритский имамат после 1917 г. в значительной степени активизировал контакты с памирскими исмаилитами, опасаясь потерять паству в Бадахшане и поступление доходов из этого региона. Этим же целям служило и то, что наследование бадахшанскими пирами духовной должности своих отцов и дедов постепенно и неумолимо вытеснялось инвеститурой, право на которую присвоил себе низаритский имамат. В этот же период низаритский имамат регулярно направлял в Бадахшан особо доверенных проповедников-богословов (мишнари) и даже предпринимал попытки к реформированию и модернизации бадахшанских исмаилитских общин в условиях реально возникшей опасности их выхода из подчинения ввиду самостоятельности памирских пиров и недостаточности их подчинения Бомбею.

В 20-х гг. ходжа мишнари Сабз Али и брат хуфского пира сеид Монир Шо, получивший духовное и светское образование в Индии (впоследствии этот гунтский таджик стал проповедником исмаилизма и возглавил общины исмаилитов на о. Мадагаскар и в Уганде) попытались перенести пенджабхайское учение на феодально-патриархальную почву Памира, где им пришлось действовать среди крестьян, подвергавшихся феодальной эксплуатации со стороны пиров и халифа. А ведь пенджабхайское движение в Индии возникло на фоне стремительно развивающихся буржуазных отношений среди ходжа. Естественно, социальные условия Памира резко отличались от индийских. Тем не менее им удалось организовать на Памире полулегальные пенджабхайские организации. В них в 1924 г. насчитывалось более 60 последователей во главе с Шо Абдул Амоном.

Программа действий пенджабхаев на Памире, разработанная Сабз Али и Монир Шо, заключалась вкратце в следующем:

1. рационалистическое упрощение сложной и непонятной для большинства бадахшанских исмаилитов религии, в особенности религиозной практики, очищение её от древних местных обрядов, в частности “Дават-и-Бако” и “Дават-и-Фано”;

2. проповедь обязательного для всех труда или полезной деятельности, включая торговлю, недопустимости принуждения пирами верующих для работы на себя;

3. осуждение всякого расточительства и мотовства, призыв к экономии и умеренной жизни, к взаимной помощи как одной из важнейших обязанностей пенджабхаев;

4. избрание комитетов из 5-7 праведных и благочестивых верующих для контроля над сбором и передачей налогов имаму.

Перенесение на Памир сложившихся к тому времени у ин-

дейских ходжа буржуазных принципов сектантской организации фактически означало лишение пиров и халифа их неограниченной, абсолютной власти над мюридами, существенно затрагивало экономические основы ее.

В 1923 г. вспыхнула борьба между пирами и верующими исмаилитами, среди которых учение пенджабхаев нашло живой отклик. Пирь небезосновательно подвергали критике и едко комментировали предлагавшиеся пенджабхаями новшества. Сеид Юсуф Али Шо, в частности, говорил памирским поборникам пенджабхаев: “Сперва вы будете посылать в Бомбей сведения о школах, ибо вы утверждаете, что Ага Хан вам это поручил; затем вы пошлете сведения об учащихся, а кончите тем, что начнете посылать сведения о восных постах”¹⁸⁵. Конечно, этот старейший пир Бадахшана имел полное представление о том, что главу секты исмаилитов интересовала не только информация по религиозным вопросам. Более резкую оценку появлению пенджабхаев на Памире, пожалуй, дал Ходжа Бадал, предположив, что в недалеком будущем пенджабхаи могут обратиться к англичанам с просьбой занять Советский Памир. Такое предположение было не лишено здравого смысла в преддверии событий, развернувшихся в начале 30-х гг.

Вначале Ага Хан, по всей видимости, поддерживал памирских пенджабхаев, так как они добились увеличения его доходов за счет пиров и халифа. Однако эта реформация в памирских условиях вскоре стала идеологическим обоснованием выступлений рядовых крестьян-исмаилитов против власти и угнетения пиров. Это, конечно, вызвало в свою очередь возмущение всех пиров Бадахшана, которые категорически потребовали у Ага Хана запрета деятельности пенджабхаев. Не последнюю роль в изменении отношения Ага Хана к их деятельности на территории СССР, очевидно, сыграло и то обстоятельство, что большинство пиров, так же как и имам, было враждебно настроено к Советской власти и втайне симпатизировало басмаческому движению, а пенджабхаи проповедовали невмешательство в дела государства и лояльное отношение к властям, в данном случае к советским. Один из постулатов пенджабхайства был догмат о переходящем грехе, который гласил: “Предписания государства надо исполнять даже в ущерб предписаниям религии, ибо грех переходит на государство”.

Такой поворот событий в ГБАО ни в коем случае не устраивал имамат, и в 1927 — 29 гг. Ага Хан направил на Памир несколько фирманов, в которых категорически предлагал пенджабхаям прекратить их деятельность и вернуться к старым заповедям и порядкам. В фирмане на имя зебакского ишана Шо Абдул Маони в 1927 г. вполне определенно указывалось: “Выборные люди, собиравшие нам зякет, отныне пусть этого не делают, и зякет, как и раньше, пусть

собирают ишаны”¹⁸⁶. Шо Абдул Маони был особо доверенным лицом Ага Хана во всем Бадахшане.

В 1930 г. памирские пенджабхאי предприняли отчаянную попытку сохранить свое движение и направили в Бомбей делегацию во главе с Алим Шо и Мирзо Каюмом с требованиями поручить сбор зякета специально избранным для этого лицам, прекратить использование рядовых исмаилитов на работах у пиров и организовать духовные старометодные школы. Но их миссия провалилась, их демократические нововведения никому не были нужны, имамат занял бескомпромиссную, непримиримую позицию по отношению к ним. Так завершился эксперимент с пенджабхайями в Бадахшане, так как он не соответствовал намерениям и устремлениям имамата. Демократизация исмаилитских общин в этом регионе и ограниченные власти пиров не входили в расчеты Ага Хана.

В памирских исмаилитских общинах с совершенно иным качественным состоянием, нежели ходжа, основным принципом организации сохранялись отношения личной зависимости мюрида от муршеда — религиозного наставника, имевшего по существу ничем не ограниченные феодальные права по отношению к своей пастве.

Введение принципа пенджабхайства внутри секты ходжа в условиях бурного роста капиталистических отношений обеспечивало имаму поддержку крупной буржуазии ходжа, увеличивало доходы его казны, давало возможность укрепить дисциплину в секте и провести назревавшую религиозную реформацию сверху. Многие из пенджабхает, будучи приближенными к имаму, обладая высшими степенями посвящения и занимая руководящее положение в общине, вместе с мукхи и камариа монополизировали и узурпировали все управление джамаатами.

Последовательная политика имамата по укреплению и упрочению своих позиций в Бадахшане преследовала не только чисто религиозные и экономические интересы, но и более потаенные цели, которые были обусловлены его давними и тесными связями с британским империализмом. Сотрудничество с администрацией Британской Индии сулило имамату несравнимо более весомые выгоды, чем получение зякета от небогатых исмаилитских общин Бадахшана. Великобритания и ее спецслужбы умело использовали имамат, исмаилитских пиров и их мюридов в политических и разведывательных целях. Об этом свидетельствует и тот факт, что если до Октябрьской революции поездки исмаилитов обставлялись разного рода формальностями со стороны англо-индийских властей, то после нее пропуск ишанов и мюридов осуществлялся совершенно свободно. Более того, англичане поощряли общение памирских исмаилитов со своим духовным главой, вовсе не опасаясь того, что они могли привнести какое-то чуждое, постороннее политическое влияние. Имамат добивался того, чтобы в Бомбей для сдачи зякета

направлялись различные люди. Возвратившиеся из Бомбея в июле 1928 г. пиры Шо Саид и Шо Манзум передали распоряжение канцелярии Ага Хана об обязательном приезде в Бомбей ишанов раз в три года. Если учесть, что они посещали Бомбей, естественно, в разное время, то создавались уникальные возможности для сбора интересующей информации путём опросов по маршруту следования (Читральское, Гильгитское политагентства и др.) и в резиденции Ага Хана.

В 1930 г. государственный и партийный деятель Таджикистана Сайфулло Абдуллаев, коренной памирец, родом из семьи духовника и участник установления Советской власти на Памире, со знанием дела утверждал: "Шпионская работа была развита в пользу Англии в то время через ишанов, халифа и особенно через ходжа (паломников), которые везли зякет Ага Хану" ¹⁸⁷.

Конечно же, строгое почитание "живого бога" Ага Хана и выполнение обрядов памирскими исмаилитами ни в коем случае нельзя отождествлять с враждебной подрывной деятельностью вообще и с причастностью к английской разведке в частности.

Отношение же Ага Хана к бадахшанцам было презрительным, высокомерным, как раз в духе британских колонизаторов. Чего стоит лишь один из документов его канцелярии: "Сабз Али, отправляясь из Бомбея в Бадахшан, взял с собой попутчиком Саид Хайдар Шо. По возвращении в Бомбей он доложил Ага Хану, что доволен службой Хайдар Шо, за что тот Ага Ханом был награжден пуговицей" ¹⁸⁸. Вот так награда за верную службу жителю Хорога сеиду Хайдар Шо из рода Шо-и-Мальян! Надо сказать, что он имел немалые заслуги перед имаматом, неоднократно по поручениям памирских пиров бывал в Бомбее, сопровождал мишнари Сабз Али в его поездках по бадахшанским кишлакам и оказывал ему неоценимую помощь.

С первых дней установления Советской власти на Западном и Восточном Памире британский империализм, усматривая в этом опасность своему господству в Индии, оказывал противодействие ее упрочению и всемерно пытался способствовать её ослаблению, дестабилизируя обстановку в Бадахшане и вокруг него. Ранее отмечалось, что на Памире процветали патриархальность, замкнутость, отсталость гораздо в большей степени, нежели в других восточных обществах. При Советской власти шли процессы разрушения освященных веками установлений. Почти то же самое происходило за Гиндукушем, только там не затрагивались в таком глобальном масштабе интересы правящих светских и духовных религиозных кругов.

Разумеется, объективные противоречия тогдашней памирской действительности находили свое полное отражение в тех событиях, которые происходили в ГБАО в период становления и упрочения

Советской власти и нередко носили трагический характер. Образ действий низаритского имамата, его вмешательство в бадахшанские дела, которое зачастую носило политический, а не религиозный характер, его постоянные сношения с исмаилитами ГБАО раздражали новую власть. Это негативно сказывалось на ее отношении к пирам и халифа. Например, в конце 1926 — начале 1927 гг. в Бомбее состоялась исмаилитская конференция, где присутствовали представители духовенства Горного Бадахшана, в частности Шо Гадо. На ней Ага Хан III выступил с призывами к борьбе с коммунизмом, тем самым настраивая исмаилитов ГБАО против Советской власти.

В январе 1928 г. активизировалась деятельность исмаилитов на левобережье Пянджа в Афганистане, что вполне можно было расценить как сигнал к началу проникновения английской агентуры из числа исмаилитов на советскую территорию. Для этого тогда существовали вполне благоприятные условия, граница была еще открыта.

В общем низаритский имамат сделал все возможное, чтобы настроить памирских исмаилитов против существующей власти. Да и Советская власть к тому времени заняла позицию конфронтации с исмаилитским духовенством, хотя и не допускала никакого вмешательства в их религиозные дела. Тем не менее, пиры, халифа и другие исмаилитские авторитеты лишались избирательных прав, при проведении земельно-водной реформы ущемлялись их права. Однако исмаилитское духовенство умело обходило все начинания Советской власти, используя многовековую традицию беспрекословного подчинения ему мюридов.

Бескомпромиссный курс Советской власти на конфронтацию с исмаилитским духовенством был глубоко ошибочным, не имевшим перспективы и загнавшим верующих исмаилитов в глубокое подполье. Низаритский имамат, воспользовавшись этим просчетом, оперативно провел работу по выводу из пределов ГБАО значительной части пиров на афганскую территорию, а их мюриды остались на советской стороне р. Пяндж. Была создана благоприятная ситуация для активизации враждебной антисоветской деятельности пиров и их приспешников. А время было тревожное, в 1933 году при поддержке Англии в Кашгаре возникло марионеточное, так называемое Восточно-Туркестанское правительство, просуществовавшее, правда, всего лишь два года. Среди населения Бадахшана стали распространяться провокационные слухи о том, что многочисленное войско во главе с сыном Ага Хана выступило на борьбу с Советской властью и вскоре будет на советской территории. Всем верующим исмаилитам предлагалось вооружиться и выступить на помощь ему. По существу это был открытый призыв пиров к восстанию против Советской власти. А как бы обернулось дело, если бы это произошло в действительности? Вероятно, большинство мюридов присоеди-

нилось бы к своим пирам. Бесспорно, в ГБАО сложилось крайне взрывоопасное положение. Этот случай еще раз свидетельствует о недалекости советской политики по отношению к исмаилитскому духовенству. Между прочим, ни один памирец, даже занимавший руководящее положение, в то время и много позже не решался открыто выступать с критикой исмаилизма, не осмеливался разоблачать уже известные на Памире неблагоприятные действия и далеко неблагоприятные поступки Ага Хана и публично высказываться по этому поводу, что подтверждает прочность устоявшихся общественных отношений, освященных религией.

Однако со временем динамичная и жесткая политика Советской власти по отношению к нараставшему сопротивлению исмаилитского духовенства в связи с проведением реформ и преобразований, которые в корне подрывали его безграничное влияние среди верующих, вызвала симпатии подавляющего большинства памирцев. Продолжая жить по привычным нормам, они не оказывали сопротивления нововведениям и признавали их полезность и преимущества перед прежним традиционным образом жизни. Поэтому насильственная ломка исторически сложившегося стандарта жизни не вызвала активного протеста с их стороны. С учетом изложенного исмаилитские общины подверглись кардинальной ломке в сравнительно короткий исторический период, правда традиции прошлого сохранились вплоть до наших дней.

Образование в 1929 г. седьмой советской социалистической республики — Таджикистана, в состав которого был включен и Горный Бадахшан, в значительной степени носило совершенно определенный политический аспект и оттенок. Подразумевалось, что превращение Таджикистана в образцовую республику будет оказывать огромное революционизирующее воздействие на миллионы трудящихся Кашгара, Тибета, Северной Индии, Афганистана и Ирана. Тогда еще не миновала эпоха революционного романтизма, жила мифическая мечта о мировой революции. Горный Бадахшан, по мнению революционных фантазеров, должен был служить красным маяком для угнетенных народов Востока.

Присоединение Западного и Восточного Памира к России, а затем и включение его в состав Таджикистана имело непреходящее историческое значение. Едва ли не самым главным последствием культурного сближения с Россией и Таджикистаном явилось формирование памирской интеллигенции, которая выступала распространителем знания и культуры и хранителем самобытных культурных традиций своих народностей. Несомненно огромное влияние таджиков, исторические корни которых восходят к глубокой и высококультурной древности. В Горном Бадахшане за годы Советской власти среди местного населения образовался непропорционально большой отряд интеллигенции и ученых, вносящих свой весомый вклад в развитие науки и культуры республики.

Глава VII

Бадахшанское сообщество

В 1928 — 1932 гг. большинство пиров и их халифа перебрались с советской территории в Афганский Бадахшан. Это создало принципиально новую ситуацию. Пирь попали в жесткую зависимость от благоволения Ага Хана и англичан, влияние которых в этой части Афганистана было огромным. В этой связи вовсе не случайным было появление в Афганском Бадахшане наследника последнего бадахшанского правителя Искандер-хана. В 1924 — 1925 гг. он эмигрировал с советской территории в Читрал. До 1927 г. Искандер-хан служил советником читральского мехтара, был тесно связан с английской разведкой, а затем переехал на жительство в г. Файзабад, (Бадахшан). Сообщество пиров стало более сплоченным, сговорчивым, потеряло остатки своей былой независимости. Общность религиозных и политических целей; чувство неприязни и вражды к Советской власти заставляли их выступать и действовать более решительно и целенаправленно. К тому же они сохраняли широкие, ничем и никем не ограниченные возможности общения со своими мюридами и халифа, проживающими в ГБАО, граница оставалась открытой до 1936 г.

Пути доставки зякета проходили у кишлаков Навадак и Тым по направлению к афганским кишлакам Виод и Вирудж, затем на Зебак, через афганские селения Дирджид в Горане, Арахат, Валидж, Дарвон, Нидум, Боджрон, заселенные главным образом мюридами сучанского пира сеида Асада, сына Шо Мурсаля Мирзо Ашрафова, потом, минуя афганский пост, через перевал Санглич и далее на Читрал, в Пешавар и Бомбей. Всякий исмаилит, кто так или иначе участвовал в доставке зякета пирю или Ага Хану, уже совершил богоугодное, душеспасительное дело ("савоб") и, если пострадал за это, становится "шахидом" — мучеником, первым кандидатом в рай. В Афганском Бадахшане пирь развернули антисоветскую враждебную деятельность, глубоко конспирируя свои контакты с оставшимися на советской территории верными им мюридами. Через них они распространяли различные слухи, подогревающие чувства религиозного фанатизма среди верующих и направленные на дискредитацию проводимых Советской властью социально-экономических преобразований, а также занимались сбором интересующей англичан информации.

Привязанности пиров и их политические симпатии определялись конкретными историческими обстоятельствами и в немалой степени экономическими, материальными выгодами. Их действиями руководили чаще всего из резиденции Ага Хана. Как правило, изложенные в фирманах указания и рекомендации принимались пирами к неуклонному исполнению, редко кто осмеливался игнорировать их. Британские спецслужбы, несомненно, использовали в полной мере благоприятно сложившуюся для них обстановку и задействовали определенную часть исмаилитских духовников в своих разведывательных операциях. Тем более имамат благосклонно относился к такого рода деятельности. К тому времени Ага Хан получал от англичан ежегодную субсидию в размере 600 000 калдаров¹⁸⁹.

С этой точки зрения представляют определенный исторический интерес некоторые сведения, характеризующие пиров, проживавших в Афганском Бадахшане в первой половине XX века. Одним из наиболее влиятельных и колоритных пиров был Шо Абдул Маони, сын Шо Задэ Лайса, который хорошо был известен на Памире как последовательно занимавший англофильские позиции¹⁹⁰. Он получил высшее светское и духовное образование в Индии, пользовался особым покровительством Ага Хана. В 1916 г., после смерти своего отца, перешел на территорию России, об истинных причинах его перехода можно только догадываться. В 1917 г. под известным нажимом русских он был принужден переехать в Афганистан, в г. Зебак, где и окончательно осел на жительство. Еще тогда пир Шо Абдул Маони, имевший мюридов в Вахане, Ишкашима, Хороге, подозревался в причастности к английской разведке.

Он располагал обширными родственными связями. Его дочь была замужем за наследником читральского мехтара (кстати, его отец и он сам родились в Читрале). Шо Абдул Маони имел несколько жен: одна из них была сестрой известного памирского пира сеида Асада Мурсаля, а другая — дочерью сеида Юсуф Али Шо. Женясь на последней, он преследовал цель породнить свой род Дарвиш с параллельным Ага Хану родом Шо-и-Маланга. Кроме того, он был связан родственными узами с большинством памирских пиров—сеидами Абдурахманом, Ахмед Шо, Саодат Шо, Шо-и-Сафдар, Шо Хусейном, Шамсутдином и другими. Многие его дальние родственники проживали на советской территории, в том числе в Язгулеме и Дарвазе.

У Шо Абдул Маони было до 7 тысяч дворов мюридов, проживавших в Зебаке, Мунджане, Ханабаре, Шиве, Кабуле, Читрале, Яркенде, Сарыколе и на советской памирской территории, причем на ней проживали 7 его халифа. Он пользовался огромным влиянием и авторитетом, несмотря на свой сравнительно молодой возраст,

сочетал богатство и образованность с неиссякаемой энергией и возможностью покровительствовать эмигрировавшим с территории СССР исмаилитским духовникам.

Ага Хан III неизменно отличал молодого и способного пира, проявлял особую заботу об укреплении его авторитета среди верующих исмаилитов Вахана, Ишкашима, Шугнана, Хазареджата, Читрала, Яркенда. В марте 1930 г. среди исмаилитов Бадахшана стал известен фирман Ага Хана следующего содержания: "Всему обществу надо вменить в обязанность с чистым сердцем уважать и почитать мукки Шо Абдул Маони, который, несмотря на свою молодость, проявляет искреннее старание и рвение в исполнении распоряжений и правительственных приказов благодаря своей честности и благонравию". Исполнение его приказов — исполнение святейших приказов. Остается только догадываться, что подразумевалось под "правительственными приказами". Или это огрехи перевода, или имелись ввиду афганские власти. А, может быть, следовало разуместь британские колониальные власти?

Без сомнения, этот удививший исмаилитское духовенство фирман диктовал безусловное подчинение всех пиров Бадахшана указаниям и распоряжениям Шо Абдул Маони, хотя помимо него были и другие кандидаты, и старше по возрасту, и в этом смысле более авторитетные. По-видимому, у Ага Хана и у того, кто стоял за его спиной, на этот счет были свои резоны. Очевидно, Шо Абдул Маони был отмечен за определенные заслуги.

Этим же фирманом Ага Хан разрешал передавать зякет через Шо Абдул Маони, что сразу же поставило его в более выгодное и предпочтительное положение по сравнению с остальными пирами. Паломникам-зякетчикам из Бартанга, Вахана, Горана, Ишкашима, Рушана, Шугнана теперь приходилось концентрироваться в Зебаке, где была резиденция пира Шо Абдул Маони, и сдавать ему собранную дань. Шо Абдул Маони в одночасье стал как бы верховным главой исмаилитского духовенства Афганского Бадахшана, и не только, если учесть читральских и кашгарских мюридов и их духовных наставников.

Низаритский имамат проводил политику концентрации и централизации власти в интересах активизации разведывательной и враждебной антисоветской деятельности, что полностью совпадало с стратегией британцев в этом регионе.

Шо Абдул Маони развил бурную деятельность. Уже в 1930 г. он, воспользовавшись хорошими отношениями с афганскими властями, предложил им свои услуги по охране границы от Санглича до Доры и получил на это согласие. Теперь он имел возможность обеспечивать беспрепятственный выезд в Читрал своих людей с

почтой, контролировать основной путь доставки зякета с советской территории и переправу паломников-исмаилитов через перевал Санглич в Британскую Индию. Он мог заниматься их проверкой и получать интересующую его информацию об обстановке на советской территории, о режиме охраны границы и т.д. Англичанам же было крайне выгодно, что Шо Абдул Маони стал со своими мюридами выполнять такие важные функции, не имеющие отношения к его духовному сану. Они получили неограниченные возможности для переброски на афганскую сторону, чего и кого им было угодно и наоборот.

Шо Абдул Маони смог взять под опеку и защиту всех исмаилитских духовников и их мюридов, эмигрировавших из Советского Союза, и договаривался об их проживании в пограничной полосе, что было исключительно важно для многих пиров. А получить такое разрешение у афганских властей было непросто. На этот счет несомненный интерес представляет выдержка из письма пира Шо Алям Шогадо(ева), адресованного Шо Абдул Маони: "Каждому человеку дорога своя родина. Если я сейчас нахожусь не в своем родном, а в афганском кишлаке, то ежедневно имею счастье смотреть на другую сторону реки и видеть свой кишлак. Когда же отселят, то все исчезнет, и мюриды, живущие на советской территории, выйдут из-под нашего влияния". Далее якобы от имени эмигрировавших мюридов Вахана, Рушана и Шугнана этот пир просил оказать содействие в их борьбе против Советской власти. Между прочим, Шо-и-Алям Шогадо(ев), внук Шо Задэ Асана, имел в своем подчинении до 800 дворов мюридов в Рушане, Бартанге, долинах Гунда и Шахдары. Его мюриды проживали в афганских кишлаках Човед, Часнуд, Пигиш и т.д., а также в Кашгарии. В ответ он получил заверения о том, что будут приложены все силы для облегчения участи эмигрировавших исмаилитов и рекомендации начать заготовку оружия, продовольствия и фуража ¹⁹¹.

Оказывая помощь единоверцам, Шо Абдул Маони не руководствовался чисто альтруистическими побуждениями, а преследовал вполне определенные цели, в частности привлечения их к сотрудничеству с филиалами английской разведки в Британской Индии. Под его руководством многие пиры, будучи озлоблены на Советскую власть, например, Беруз, Шо Лангар, Шо Юсуфдар, сеид Асад Шо Мурсаль, сеид Джамиль, Шо Алям Шогадоев включились в разведывательную работу. Пир Мамадалишо, сын репрессированного к тому времени советскими органами сеида Юсуф Али Шо, тоже вынужден был согласиться на оказание помощи спецслужбам Англии, чтобы добиться разрешения на проживание в пограничной зоне.

В 1934 г. Шо Абдул Маони организовал кампанию по сбору от исмаилитских духовников заявлений о преследовании их Советской властью за религиозную деятельность и вообще за религиозные убеждения. Похоже, эта кампания была направлена на документацию нарушения неотъемлемых прав человека в Бадахшане с последующим использованием ее с трибуны такой международной организации, как Лига наций, где Ага Хан к тому времени занимал высокие посты. В заявлениях, подготовленных пирами, выражалось недовольство Советской властью в связи с недопущением духовных наставников к религиозным молениям, запрещением свободного провоза зякета и другими вопиющими фактами притеснения религии, и содержался призыв к англичанам освободить исмаилитов от гнета Советской власти. Причем в случае прихода англичан исмаилиты обещали оказать всемерную помощь по свержению Советской власти. Все заявления были заверены (отпечатками пальцев) и переданы англичанам в Читрал.

В ноябре — декабре 1934 г. Шо Абдул Маони совершил поездку из Зебака в афганский Шугнан, проехав по афганской территории вдоль советско-афганской границы. По пути следования он неоднократно проводил совещания с пирами, которым давал задания по выявлению среди мюридов недовольных Советской властью, а также усиленно интересовался лицами, посещавшими советские пограничные заставы. Одновременно он призывал готовиться к борьбе с Советской властью, закупать оружие и боеприпасы. На одном из таких совещаний присутствовали Саид Асад Мурсалев, Шо-и-Сафдар, Шо-и-Алям Шогадаев, Шо-Хусейн Касымов, Мамадалишо Юсуфалишоев и др.

Шо Абдул Маони поддерживал тесные контакты с английским Читральским политическим агентством, которое в значительной мере опиралось на него в организации своей специфической деятельности с использованием бадахшанских пиров. Для оказания квалифицированной помощи в его распоряжение из Читрала направлялись помощники, прошедшие спецподготовку у англичан в Индии. Небезынтересно отметить, что за свои заслуги Шо Абдул Маони был награжден английскими орденами.

В октябре 1936 г. жизнь Шо Абдул Маони трагически оборвалась в расцвете сил (ему еще не было и пятидесяти лет) при загадочных обстоятельствах. Во время охоты он был убит выстрелом из ружья. После гибели отца его преемником стал старший сын Абдул Джаббар Хан, хорошо известный в Бадахшане как резидент Читральского политагентства, от которого для ведения разведывательной работы ежегодно получал субсидии. В частности, через мехтара Читрала он получал ежегодно 2 600 калъдаров, что было в то время

эквивалентно 10 400 индийским рупиям. К нему по наследству перешли мюриды в Индии, Афганистане, Синьцзяне и на советской территории. В августе 1949 г. он был избран депутатом Великого национального собрания 7-го созыва Афганистана по Ишкашимскому округу. В качестве английского резидента он продолжал активную деятельность. Но бадахшанские пиры уже не группировались вокруг него так дружно, как во времена его отца. Часть пиров (Шо Юсуфдар, Шо Алям Шогадаев, Саид Асад Мурсаль), сохранив дружеские отношения с Абдул Джаббар Ханом, вышли из его подчинения и предпочли самостоятельно поддерживать связи с Читральским политагентством, а другая (сеиды Надыр Шо Хан, Юсуфалишоев Мамадалишо, Абдурахманов Беруз и др.) вообще отказались подчиняться ему, предпочитая непосредственное подчинение Ага Хану.

Большую роль в судьбе бадахшанских исмаилитов играл читральский пир Шо Абдул Хасан, за которым числилось до 1 000 дворов мюридов, часть из них на территории Советского Вахана (например, его племянник Гуль Зарин проживал в кишлаке Ямг). Он был тесно связан с ваханским пиром из кишлака Ямг Шо-и-Сафдаром, большинство мюридов которого проживало в долине Бартанга, где у него было 10 халифа. После эмиграции в Афганистан он активно включился во враждебную антисоветскую деятельность.

В 1936 г. в кишлаке Чувинч близ Мастуджа появился пир-эмигрант Саодат Шо из рода Шо Гадо вместе со всей семьей, где ему было выделено всего лишь 50 дворов мюридов. Дочь Саодат Шо была замужем за родственником Шо Абдул Хасана, который тут же привлек Саодат Шо к разведывательной деятельности. Кстати, после смерти Шо Гадо Асанова в конце 20-х гг. между его сыном Шо-и-Алямом и братом Саодат Шо развернулась борьба, в результате которой Саодат Шо получил инвеституру из рук Ага Хана и 215 дворов мюридов в Афганском Рушане. По тем меркам это было совсем немного, но пир Саодат Шо пользовался большим влиянием среди верующих как человек, хорошо разбирающийся в религиозных вопросах, к тому же в отличие от большинства пиров он обладал недюжинным интеллектом. Надо отдать должное Ага Хану, который умел подбирать кадры духовных наставников. Шо Абдул Хасан был тесно связан с Шо Абдул Маони и являлся резидентом Читральского политического агентства. Его сын, Шор Давиль, жил отдельно от отца в кишлаке Туп-хана между Мастуджем и Сархадом и выполнял поручения отца по разведывательной работе.

Другой его сын — Надыр Шо Абдуль Хасан-задэ являлся официальным представителем двора Ага Хана по делам религии и паломничества, в экстренных случаях имел право сноситься с Пешаваром и Бомбеєм, одновременно сотрудничал с английским по-

литическим агентством в Малаканде. Через Надыр Шо Абдул Маони и Шо Абдул Хасана осуществляли контакты с Малакандским английским центром. Надыр Шо фактически был опекуном бадахшанских паломников, оказывал им значительную поддержку, давал приют, телеграфировал в Пешавар и Бомбей об их прибытии, выступал перед администрацией в качестве их переводчика и ходатая. В конечном итоге бадахшанские паломники представляли в Читрале перед ясные очи английского мунши (секретарь, писец) и полицейского офицера, а затем их дополнительно опрашивали каждого в отдельности в канцелярии крепости Малаканд. Конечно, англичан интересовала, прежде всего, политическая обстановка в Советском Бадахшане и в Советской Центральной Азии. Только после такой фильтрации паломники могли следовать далее ко двору Ага Хана.

С английской разведкой был связан зять ишкашимского хана Мир-Баз-хана пир сеид Джемал Шо, в распоряжении которого находилось всего 140 дворов мюридов, причем 30 — на советской территории. Его отец, сеид Джелал Шо приходился родственником мехтара Канджута Мухаммеда Назим-хана. В его распоряжении в северо-западной Индии было 4 000 дворов мюридов. Джелал Шо (умер в 1931 г.) был одним из влиятельных пиров на северо-западе Индии. А мюриды по наследству переходили к сыну, что закреплялось фирманом¹⁹². С какой же стати Джемал Шо было находиться в таком забытом богом крае, как Ишкашим? Видимо, этого требовали интересы английской разведки.

Бадахшанские пиры никогда не составляли единого монолитного целого. В 1932 — 1936 гг. их объединила только патологическая ненависть к Советской власти. Сообщество пиров всегда разъедали взаимные обиды, чувства зависти и неприязни. Гены их предков, во все времена склонных к интригам, давали себя знать. Например, родовитый, влиятельный сеид Юсуф Али Шо, по всей вероятности, сыграл определенную роль в принятии в 1904 г. решения о введении фактического управления России на Западном Памире, так как его религиозные убеждения диктовали ему непримиримое отношение к суннитам, будь то бухарцы или афганцы. Он прослыл заядлым русофилом. А в конце 1917 — 1918 гг. он выступил против Шугнанского волостного исполнительного комитета, собрал вооруженный отряд и предпринял попытку провозглашения своего зятя, рушанского хана Абдул Гияса, правителем независимого Памира. Потерпев неудачу, он пытался завязать сношения с Читральским политическим агентством, намереваясь получить оттуда поддержку. Как видим, в зависимости от обстоятельств он, будучи от природы импульсивным, мог легко быть и русофилом, и англофилом. По проверенным данным у сеида Юсуф Али Шо в подчинении было

2800 дворов мюридов в долинах Гунда и Шахдары, в афганском Шугнане и Дарвазе, два в Синьцзяне и т.д. На советской территории у него было 9 халифа и 2 (Айты Ахун и Турды Ахун) в Яркенде, кишлак Кузымалъ, где находилось около 70 дворов мюридов.

Его сын Юсуфалишоев Мамадалишо, с высшим духовным образованием, был назначен на должность пира Ага Ханом, имел в своем подчинении 1800 домов мюридов, в том числе 800 — на советской территории. Мамадалишо эмигрировал в 1930 г. в Афганистан, обосновался в приграничном кишлаке Дишор и поддерживал тесные контакты с Шо Абдул Маони и Надыр Шо, занимался сбором информации о положении в ГБАО с использованием мюридов, проживавших в пограничной полосе по обе стороны р. Пяндж. Между прочим, Мамадалишо, оказавшись в Афганистане, сразу же обратился за поддержкой к Шо Абдул Маони. Последний, заручившись согласием Мамадалишо на сотрудничество с английскими спецслужбами, посодействовал ему в быстром получении фирмана (май 1931 г.) о назначении его пиром с подчинением Шо Абдул Маони.

Другой его сын — Юсуфалишоев Икбал Али Шо эмигрировал в Афганистан в 1933 г., проживал в г. Джирие недалеко от Зебака, в его подчинении было до 1 000 дворов мюридов. Инвеституру он получил из рук Ага Хана. Его родной дядя, Шофарухов Сеид Казум, ярый фанатик-исмаилит, бывавший в Бомбее, еще в 1940 г., имея связи с афганским берегом через халифа и вакилей, занимался сбором зякета и нелегальной переправкой его к своему племяннику под Зебак.

Как видим, широко и умело используя инвеституры, Ага Хан постепенно подчинял своему влиянию старейшие роды памирских пиров — Шо-и-Маянг, Шо-и-Кошон, Шо-и-Дарвиш, Пир-и-Сеид Суроб, Сеид Бобо Умар Юнчи и др. Правда, получая инвеституру от Ага Хана, памирские пиры исполняли свои обязанности пожизненно, так как срок их полномочий не оговаривался, а иногда даже передавали их по наследству.

Кстати, родственники сеида Юсуф Али Шо, его брат пир Шо Заде Мамед и его дядя, Шо Сеид Али, имевший всего лишь 55 дворов мюридов, были весьма грамотными и начитанными людьми. Последний ушел в Афганистан в 1931 г. Интересна семейная история братьев пиров-сеидов Ахмед Шо и Махмуд Шо. В ней, как в зеркале, отразилась складывавшаяся противоречивая и сложная обстановка в Бадахшане еще с конца прошлого века. Приверженец России, Ахмед Шо был женат на вдове читральского мехтара Шир Афзала. Его мюрид Азиз Ахун из кишлака Карана-Туграк близ Яркенда, будучи богатым купцом и крупным землевладельцем, поль-

зовался среди населения огромным влиянием. В период пребывания в Кашгаре консула Петровского Азиз Ахун не без оснований считался человеком русской ориентации. После смерти Ахмед Шо его сын Хаджи Бодал из кишлака Тавдым наследовал 3 500 дворов мюридов, проживавших в Шахдаре, Горане, Ишкашиме, Рушане, а также на афганской территории — в Ишкашиме, Зебаке, Мунджане, в Читрале (Индия) и в Яркенде (Синьцзян), где у него было около 70 дворов мюридов. Его брат Махмуд Шо был англофилом, пособником басмаческих банд, переходивших на советскую территорию из Афганского Дарваза, да и духовный сан пира он получил из рук Ага Хана. После смерти сеида Махмуд Шо часть его мюридов перешла к Хаджи Бадалу, а часть осталась с сыном покойного Орисом, проживавшим в Мунджане, который придерживался явно английской ориентации и был связан с Шо Абдул Маони и Шо Абдуль Хасаном. Двоюродный брат Ориса, Хаджи Бадал, воспитанный в антибританском духе, находился в активной оппозиции к этой группировке. Сеид Орис прошел в Индии у англичан спецподготовку и в 1934 г. был направлен из Читрала к Шо Абдел Маони. Между прочим, в подчинении Ориса было всего лишь 50 — 60 дворов в Читрале, 3 — в Яркенде и немного на афганской территории. Однако сын Ориса, сеид Давлят Шо, внук Махмуд Шо, как и его отец, проживал в Мунджане и имел до 1000 дворов мюридов, в том числе и в Шахдаре, хотя был малообразован и туп. В 1928 г. он появлялся на советской территории, но был выдворен обратно в Афганистан.

Шо-и-Алям, сын рушанского пира Шо Гадо Шо Задэ Асана, был женат на родной сестре сеида Махмуд Шо, что впоследствии отчасти предопределило его сближение с группой Шо Абдул Маони. После смерти Шо Гадо его сыну досталось до 800 дворов мюридов в долине Гунта, Шахдаре, Бартанге и Рушане. Часть его мюридов проживала в афганских кишлаках Чавед, Часнуд, Пигиш и др., а также в Кашгарии. У него было в то время 13 халифа. В 1926 г. его отец ездил на совещание в Бомбей вместе с пиром сеидом Мурсалем и Риза Ханом. Мехтар Читрала, видимо, не случайно подробно опрашивал их о политических настроениях населения Памира, о советских пограничных постах и т.д. Кстати сказать, Мамед Риза Хан, самый незначительный пир Советского Бадахшана, проживавший в Рушане и имевший в подчинении немногим более 100 дворов мюридов, ежегодно посылал Ага Хану 21 слиток бартангаского золота, каждый из них стоимостью около 60 рублей по ценам конца 20-х гг. А его мюриды, начиная с апреля, питались травой! Шо-и-Алям Шогадоев вполне закономерно эмигрировал в Афганистан и присоединился к группировке Шо Абдул Маони. Действовал достаточно активно.

Уже упоминавшийся пир сеид Асад Шо Мурсалев имел всего

до 300 дворов в долинах Гунта и Шахдары и был родственником Шо Абдул Маони. Его дед сеид Мирза Ашраб был пиром в Сучане в продолжение 75 лет, а его отец Мурсаль состоял в этой должности уже по назначению Ага Хана. Асад, — будучи воспитан в духе недовольства Советской властью своим отцом-участником заговора ишанов, имел веские основания занимать враждебные позиции. Правда, в его распоряжении было не так уж много мюридов, но часть их проживала в Шугнанае, Рушане и Дарвазе. У него были достаточно широкие возможности получать через них интересующую англичан информацию.

С советской территории в 1926 — 1928 гг. в Афганистан ушли весьма влиятельные и авторитетные пиры, некоторые из них остались преданными России на всю жизнь. Среди них был сеид Абдурахман, имевший в своем подчинении 500 — 600 дворов мюридов в Вахане по ту и другую сторону Пянджа, Читрале, Яркенде. Афганские власти немедленно отвели ему земли напротив кишлака Згванд, так как лично Надир-хан ценил его. Абдурахман, кстати, был женат на родной сестре племянника Шо Лянгара — Шамсутдин Шо. Его сын — сеид Беруз Абдурахман(ов) проживал в кишлаке Калай-Пяндж Ишкашимского хакимства, имел до 600 дворов мюридов, проживавших в Советской Вахане, Афганистане, Индии. В отличие от отца Бехруз был английским резидентом и ежемесячно получал вознаграждение от командира Пешаварской дивизии в сумме 400 кальдаров¹⁹³.

К категории русофилов относился и пир Шо Лянгар, в подчинении которого находилось до 2000 дворов мюридов, проживавших на советской территории (кишлаки Зунг, Згванд, Исор, Лянгар, Дридж и др.), а также в Ясине, Ишкумане, Яркенде (кишлак Кузымалъ). Между прочим, в 1925 г. сеиды Абдурахман и Шо Лянгар встали в оппозицию к Бомбсю. Учитывая их влияние, Ага Хан вынужден был пойти на уступки. Многие из рода Шо Лянгаров располагали в Бомбее влиятельными покровителями. В частности, сеид Шамсутдин Шо, племянник пира Шо Лянгара, активно занимался религиозными делами, связанными с контактами с резиденцией Ага Хана. Кстати, он был женат на дочери сеида Юсуф Али Шо. По некоторым сведениям, Шамсутдин Шо наряду с религиозными делами выполнял поручения англичан весьма деликатного свойства. А сеид Джонхон Шо Лянгар(ов) был вынужден проживать в афганском кишлаке Калай-Пяндж, в его подчинении было до 500 дворов мюридов.

В 1932 г. в афганский кишлак Шива эмигрировал еще один такой пир, проживавший в Сучане сеид Шо Хусейн Мамад Касым(ов), в подчинении которого было всего лишь 40 — 50 дворов мюридов (Сучан, Рушан, Хуф). Это был весьма образованный и

начитанный человек, к мнению которого прислушивались многие памирские исмаилиты. Именно такие пиры, как сеиды Абдурахман, Шо Лянгер, Шо Хусейн, продолжали оказывать большое влияние на религиозное население Памира и с территории Афганистана.

Картина была бы неполной, если не упомянуть такого крупного бадахшанского пира, как сеид Надыр Шо Хан. Он был сыном известного нам Тимур Шо Хана Гаварамон(ова), руководителя несостоявшегося заговора ишанов на Западном Памире в 1921 — 1922 гг. и внуком пира Фрейдун Шо, перешедшего на российскую территорию с 200 хозяйствами своих мюридов задолго до Февральской революции. Пир Надыр Шо Хан Гаварамон(ов) поддерживал тесные связи с Бомбеем и англичанами. По имеющимся данным инструктировал некоторых пиров-эмигрантов по сбору разведывательной информации.

В распоряжении Надыр Шо Хана было до 25 тысяч дворов мюридов, которые проживали в Гури, Файзабаде, Рустаке, Имамсахибе, Джелалабаде, Кабуле, Кандагаре, Хезареджате, Пешаваре, Читрале. Его резиденция находилась в г. Ханабаде. Он играл не последнюю скрипку в политической жизни Афганистана и в 1928 — 1929 гг. решительно выступил против руководителя бушевавшего тогда восстания Баче-и-Саккао. Он был в числе тех исмаилитских пиров, которые способствовали приходу к власти Надир-шаха.

Пиры Афганского Дарваза были тоже весьма активны. Например, дальний родственник Шо Абдул Маони в (8-м или 9-м колене) сеид Мобат Шо Замонитдин Шо из Джумарги был связан с англичанами. Его племянник Мулло Дрез участвовал в 1929 г. в басмаческих отрядах Фузайла Максума, сам он также поддерживал басмаческое движение. Его мюриды проживали в Язгулеме и в Советском Дарвазе (в кишлаках Иогид, Ширговат — около 116 хозяйств). Среди достаточно влиятельных пиров следует назвать Иmani Шо Мажнун(ов) из кишлака Ширговат, Нульвандского района, проживавшего в кишлаке Монау, Нусайского хакимства. В его подчинении было более 150 дворов мюридов, в том числе проживавших в Язгулеме, Ванче, Иогиде. Его двоюродный брат, известный как Ишан Шо, был английским резидентом.

Кроме того, в Бадахшане был хорошо известен троюродный брат Шо Абдул Маони пир сеид Бургонь. Он проживал в кишлаке Дошт-и-Хон и имел до 200 дворов мюридов в Зебаке и Читрале.

Авторитет пиров среди значительной части исмаилитов до 1940 г. был достаточно велик, а их действия и распоряжения считались действиями и распоряжениями самого Ага Хана. В то время актуально звучало замечание видного советского ученого М.С. Андреева: “Таджики-исмаилиты внимательно прислушиваются в религиозных вопросах к указаниям из Бомбея — религиозная резиденция Ага Хана — отправляют последнему периодически ”заяет” —

религиозный сбор с доходов и имущества членов своих общин..."¹⁹⁴. Ученому открылась лишь внешняя сторона дела, так сказать, “захир”, а тщательно скрытые покровом тайны, связанные с деятельностью разведки, естественно, остались для него табу, своего рода “батин”. Однако по существу затронутого конкретного вопроса М.С.Андреев был абсолютно прав. В 1930 — 1931 гг. в долинах Таджикистана (Вахшская, Гиссарская и др.) появились переселенцы с Памира и они по-прежнему долгие годы собирали зякет и переправляли его через границу в Бомбей. Нисколько не приходится сомневаться, что пиры, используя религиозный фанатизм своих мюридов, вызывали их на афганскую территорию с целью получения зякета и, используя этот удобный предлог, поручали им сбор сведений шпионского характера для последующей передачи собранных материалов по цепочке в английские спецслужбы.

Колониальные власти в Британской Индии, прежде всего английские спецслужбы, длительное время использовали этот удобный и естественный канал для получения обширной разведывательной и иной информации. Тем более, что строгая духовная иерархия в секте, непререкаемый, неограниченный авторитет исмаилитских духовников среди членов общин, проживающих на территории сопредельных с Индией стран, их родственные связи между собой, несомненно, представляли уникальные возможности для осуществления таких целей и задач. Правда, спецслужбы всегда должны были учитывать психологию пиров, не лишенных политических дарований и склонных к коварству, вероломству и интриганству. Интрига для них являлась как удовольствием, так и жизненной потребностью; практически они учились этому с колыбели.

В 30-е гг. в ГБАО Таджикской ССР стремительно пошел процесс разрушения исмаилитских общин. В этой связи было бы интересно сравнить положение исмаилитов в Синьцзяне в середине XX века с тем, что происходило в Горном Бадахшане, тем более мы неоднократно упоминали о наличии у бадахшанских пиров мюридов и халифа в Кашгарии.

Исмаилизм, действительно, имеет распространение среди населения юга Синьцзяна, особенно среди таджиков (их насчитывается там 20 тыс.). Они проживают в районе Сарыкола на Памирах, в Яркендском, Каргалыкском и Таш-Курганском уездах, которые граничат с Канджутом и афганским коридором. В Таш-Кургане, например, насчитывалось 7,5 тысяч исмаилитов, в Пишане - около 3 тыс. дворов. Причем территория Пишана площадью 3 тыс. кв. км была спорной. В 1948 г. канджутский князь объявил о вхождении её в состав Пакистана¹⁹⁵.

Связи кашгарских исмаилитов с низаритским имаматом установились в конце XIX в., они неоднократно ездили на поклонение Ага Хану. Один из старейших кашгарских ишанов Домулло Бахши,

житель Каргалыкского уезда, родом из афганского Ишкашима, имевший в своем распоряжении более 270 домов мюридов и 10 халифа, однажды отвез Ага Хану 25 слитков ямбового серебра. Вообще кашгарские ишаны ежегодно в качестве зякета непосредственно сами или через мюридов отправляли в Бомбей в резиденцию “живого бога” по несколько пудов золота. Кроме Домулло Бахши, в Кашгарии в 1938 г. были хорошо известны ишаны сеиды Хасан Ша Ходжа Маниев, родом из Шугнана, английский подданный, проживавший в Пишанском уезде; Ибрагим Ша Задэ Лайсов, брат Шо Абдул Маони, где-то в 1930 г. прибывший из Читрала в Пишан; Джан Саид Насыр, уроженец Таш-Курганского уезда; Садритдин в Сарыколе и Имам Дод, родственник Шо Лянгара, имевший всего лишь до 20 дворов мюридов в Сарыколе, Яркенде, Канджуте и Афганском Вахане. Позднее духовной деятельностью занимались ташкурганец Хан Ишан (Сеид Али-хан), в подчинении которого находилось свыше 130 домов, в том числе в Мискаре и Балтите (Канджут); выходец из северо-западного Пакистана Абуст-хан, проживавший до 1947 г. в Читрале, в Яркендском округе у него было 346 дворов и 8 халифа и за границей проживало около 900 исмаилитских семей, а также пакистанец Якуб Ша, сын Сахибджана, в его подчинении насчитывалось 217 домов и 9 халифа.

В 1943 г. 5 синьцзянских ишанов принимали участие в исмаилитском съезде в Бомбее, всего участников-ишанов насчитывалось 50 и среди них — Домулло Бахши и Абуст-хан.

В 1949 г. в Синьцзян был направлен пакистанский гражданин, таджик-канджутец Насретдин, сын Хабиба Галия, с рекомендательным письмом Ага Хана для проведения религиозной работы среди верующих и обучения их детей. Синьцзянским исмаилитским духовником рекомендовалось оказывать Насретдину содействие. Вместе с тем Ага Хан давал им наставления не смешиваться с уйгурами.

Князь Канджута Джамали-хан, получивший образование в Лондоне, занимался сбором сведений путем опроса паломников из Синьцзяна, распространением через них провокационных слухов. Вся информация он передавал Ага Хану. Синьцзянские ишаны совершенно самостоятельно поддерживали тесные контакты с английским консульством в Кашгаре, а после его закрытия — с пакистанским и индийским консульствами. Вся переписка Ага Хана с ишанами и обратно шла дипломатической почтой через консульство Пакистана.

Верующие из Синьцзяна свободно ездили к своим духовным наставникам за границу, где у них проживали родственники, друзья и знакомые (Гильгит, Канджут, Ишкуман, Ясин и т.д.). Эти благоприятные обстоятельства широко использовались спецслужбами Англии, а затем и других стран в разведывательных целях.

Складывалась ситуация, почти аналогичная горнобадахшанской¹⁹⁶.

Волюнтаристское и несправедливое проведение в конце прошлого века разграничительной линии, разделившей родственные народности Бадахшана, закрытие границы в 1936 г. и последовавшие затем необоснованные репрессии, насильственным путем прервавшие религиозные связи памирских исмаилитов, их психология, ностальгия по прошлому — все это в совокупности нашло свое трагическое отражение в развитии событий в бадахшанском регионе на исходе XX в.

Обострение и нарастание напряженности в Афганистане после падения левого режима Наджибуллы (апрель 1992г.), разгоравшаяся непримиримая борьба за власть между различными исламскими группировками, представляющими не только религиозные течения (суннизм, шиизм, исмаилизм), но и национальные интересы дестабилизируют обстановку в Горном Бадахшане, и прежде всего тактика постоянного проникновения мелких группировок моджахедов через границу на хоргском участке с последующей концентрацией в базовых районах на таджикской территории.

Гражданская война в Таджикистане поставила Горный Бадахшан в крайне сложное положение, вследствие чего Горно-Бадахшанская область превращается в транзитный центр опиийной контрабанды. У большинства памирцев давно уже нет работы, а значит и средств к существованию. Купить, перепродать, вывезти опиий — подчас единственный путь выживания. Деньги, заработанные на ядовитом зелье, они тратят на муку, бензин, уголь, одежду. Как ни горько признавать, но на преступный путь жителей Горного Бадахшана толкает безысходность и почти единственная возможность хорошо заработать на непрерывно поступающем туда дешевом афганском опиий. Высокогорная магистраль Хорог-Ошь, которую называли “дорогой жизни”, потому что это чуть ли не единственная связь Памира с Большой землей, стала сегодня настоящей “трассой смерти”. По ней опиий поступает в Кыргызстан, Узбекистан, Казахстан и Россию, и вполне вероятно, как считают эксперты, этот маршрут продлится в Европу.

Доходность наркобизнеса создает реальную угрозу получить в узле, где сходятся границы трех молодых среднеазиатских государств, Афганистана и Китая, еще одну “Колумбию” с такой же мафией и перманентной войной.

К сожалению, в развернувшихся в наши дни событиях в Бадахшане оказались начисто забытыми и невостребованными демократические традиции и ценности средневекового исмаилизма. Можно предположить и надеяться, что в преддверии XXI в. исмаилизм как философское, политическое и религиозное учение еще не исчерпал своих потенциальных возможностей.

Глава VIII

Оптимистическая трагедия, или фарс

В советский период Горный Бадахшан в составе Таджикской ССР совершил огромный скачок от религиозно-общинных патриархальных отношений к современной цивилизации в сравнительно короткий исторический срок. Горный Бадахшан добился значительных успехов в развитии экономики и культуры, в социальной сфере, располагает шоссейными дорогами, гидроэлектростанциями, заводами и т.д. Пожалуй, самым главным достижением стало возникновение светской школы и связанное с ней формирование демократической интеллигенции. Число грамотных, образованных людей на Памире неизмеримо возросло, а количество студентов на тысячу жителей в Таджикистане выше, чем в Иране и Турции.

Однако настало время правдиво изложить ближнюю историю Горного Бадахшана во всем ее полном объеме, во всех ее кровавых, трагических и героических ипостасях. П.Я. Чаадаев, современник и друг великого русского поэта А.С.Пушкина, провидчески заметил: “Я уверен, что настанет время, когда и у нас всему и каждому воздастся должное, нельзя же, между тем, видеть равнодушно, как современники прячут правду от потомков”¹⁹⁷.

Ленинские принципы, провозглашенные 2 ноября 1917 г. в “Декларации прав народов России” о свободном развитии национальных меньшинств, этнографических групп и языков, о равенстве и суверенности народов нашей страны¹⁹⁸, чуть ли не в первую очередь были нарушены в отношении памирцев. Вообще в политике, проводившейся в 30-е гг., было нечто лицемерное, циничное и лживое. Это отразилось в области национально-государственного строительства в Туркестане и в политике по отношению к национальным языкам и религиям.

В процессе ломки старого территориального государственного объединения, существовавшего при царизме, и неумело проведенного в 30-е гг. национально-государственного размежевания в Туркестане таджики получили “собственный национальный дом”, но при

этом понесли невосполнимые утраты. Это было чисто формальное объединение оторванных друг от друга как таджикских, так и нетаджикских земель. В 1929 г. Таджикская АССР была преобразована в союзную республику. В ее составе оказались северные районы (Ходжент, Ура-Тюбе, Пенджикент и др.) и Горный Бадахшан, входившие ранее в Туркестанское генерал-губернаторство, а также центральные и южные районы (Душанбе, Куляб, Курган-Тюбе, Гарм и др.), ранее составлявшие, собственно говоря, Восточную Бухару. По уровню социально-экономического развития эти регионы были весьма трудно совместимы (так, на севере еще при царизме окрепли товарно-денежные отношения, другие районы отличались чрезвычайно низким уровнем социально-экономического развития). Совершались ошибки и более принципиального характера. Ряд районов и даже города (Бухара, Самарканд и т.д.) с компактным таджикским населением оказались за пределами Таджикистана. Не обходилось и без курьезов: жители г.Ходжента (Худжанда) митинговали, не желая присоединяться ни к Узбекистану, ни к Таджикистану и требуя создания “Ходжентской республики”. В состав новой союзной Таджикской республики вошел и Горный Бадахшан на правах автономной области. Его территория составляла почти 50% всего Таджикистана, правда, в ГБАО проживало лишь 3% его населения (горцы-памирцы и киргизы). Особенно неуютно почувствовало себя в составе Таджикистана бадахшанское меньшинство, так как оно ни в коей мере не забывало отношения суннитского населения к нему как к инородному телу, иноверцам.

Надо признать, что культурная революция на Памире проводилась в ущерб коренному населению, его малочисленным народностям — рушанцам, шугнанцам, язгулемцам, буджуйцам, бартангцам, хуфцам, ишкашимцам, ваханцам, не имевшим своей письменности. В силу исторически сложившихся обстоятельств многие памирцы владели разговорным таджикским языком, а для незначительной группы памирцев из среды родовых ханов, беков и исмаилитского духовенства литературным языком стал таджикский. Между прочим, одна из памирских народностей, ванчцы, слились с таджиками лишь в конце XIX — начале XX вв. Вот по этой весьма зыбкой причине в многочисленных научных публикациях бадахшанцев называли горными таджиками.

На самом деле, памирские языки относятся к совершенно иной ветви языков, нежели таджикский, к числу древнейших в этом регионе мира. Они представляют собой неповторимый феномен мировой культуры. До сих пор в быту памирские народности пользуются своими родными языками и диалектами, которые трудно доступны или вовсе недоступны для понимания представителям других национальностей того же Западного Памира и таджикам.

В 1929 г. комиссия ЦИК Таджикской ССР провела специальное экономическое и политическое обследование Горно-Бадахшанской автономии и пришла к выводу о необходимости последовательного проведения ее таджикизации, имея в виду подготовку местных кадров и полный перевод советского аппарата Памира на таджикский язык¹⁹⁹. При этом члены комиссии констатировали: “Лингвистическая проблема — одна из важнейших на Памире. Несомненно, разрешение ее стоит очень остро. Наша точка зрения, что в каждой волости надо вести работу на том языке, на котором говорит ее население, в то же время держать твердый курс на “унификацию языка”, поскольку наиболее известен здесь таджикский. “Унификация языка” — постепенная замена наречий единым таджикским языком, который служит для межплеменных сношений на Западном Памире”²⁰⁰. Вроде бы и вникнув в существо проблемы, тем не менее комиссия выработала курс на ассимиляцию памирцев.

С тех пор проводилась последовательная политика таджикизации памирцев, что по существу означало энергичное и последовательное внедрение среди них таджикского языка и пресечение любых поползновений на создание учебников и пособий по памирским языкам. А к тому времени уже был подготовлен учебник шугнанского языка и грамматика ваханского языка, однако это было признано ошибочной, неправильной линией, направленной на обособление, а не на консолидацию малых народностей Памира. Проводилась политика слияния их диалектов и языков, никогда не имевших своей письменности, в единый таджикский язык. В действительности это означало бесцеремонную ассимиляцию, поглощение памирских этнических групп и их языков под флагом борьбы с национал-уклонизмом²⁰¹. В такой причудливой, фантастической форме осуществлялось ограничение прав малых памирских народностей, сужались возможности развития их национальной культуры и одновременно находили свое выражение шовинистические проявления и амбиции недавно угнетенного таджикского народа.

Одна несправедливость рождает другую. И история не замедлила с мстью. Перевод таджикской письменности с арабского алфавита на латинский (1928 г.), а затем на русский (1940 г.) нанес невосполнимый ущерб древней таджикской литературе и культуре. Как правильно подметил Дж. Неру: “Изменение письменности представляет собой очень существенное изменение для любого языка с богатым прошлым, ибо письменность является самым сокровенным элементом его литературы. Измените письменность и появятся другие образы, другие звуки, другие идеи. Между старой и новой литературой воздвигается почти непреодолимый барьер, и язык первой становится почти иностранным или вымершим языком”²⁰².

Введение письменности на латинском и русском алфавите было бы оправданно и вполне приемлемо на Памире, так как у малых народностей не было своих письменных источников и собственной литературы; такое нововведение для них было бы безболезненным. Совсем иначе обстояло дело с таджиками.

Последовавшее затем переселение части компактно проживавших памирцев в долины Таджикистана, где они использовались для возделывания хлопка, работали и проживали в непригодных для них климатических условиях, приводило к их массовой гибели от малярии и других инфекционных заболеваний. В свою очередь это вызывало стихийные выступления переселенцев за возвращение в родные, веками обжитые места, и, как следствие, — репрессии по отношению к ним.

Все это в совокупности способствовало превращению рушанцев, шугнанцев, язгулемцев и других памирцев в “таджиков”. Представители малых народностей Памира постепенно теряют свой этноним и утрачивают родной язык. За годы Советской власти выросло не одно поколение памирцев без школ на родном языке, хотя бы начальных, без печатных изданий. Несмотря на это, среди талантливых, способных от природы памирцев много выдающихся деятелей науки и культуры, поэтов, инженеров, педагогов, государственных и общественных деятелей. Лозунг о социалистической по содержанию и национальной по форме культуре обернулся для Горного Бадахшана мифом или в лучшем случае полумифом.

Большевики яростно обличали любую религию как якобы рассадник “темноты”, “бессознательности”, “мракобесия”, как “антинаучное” мировоззрение. Не избежал этой участи и исмаилизм. На самом деле они боролись с идеологией враждебных политических сил, им надо было завоевать массы, поставить их сознание под свой полный контроль. Всюду эта борьба приобретала трагический оттенок, а на Памире в особенности ввиду его пограничного положения на стыке трех государств.

1936 год стал роковым в жизни населения ГБАО. Сложившаяся к тому времени советская административно-командная система приняла бесчеловечное, антигуманное решение о закрытии границы, безжалостно разъединив и на долгие десятилетия лишив права общения братьев, сестер и других самых близких родственников. Таким путем власти одновременно пытались прервать религиозные связи с левым берегом р.Пяндж. Это ли не нарушение элементарных прав человека? Это ли не подрыв экономического положения края? Непонятно, кому это было выгодно. Скорее всего закрытие границы было продиктовано стремлением воздвигнуть железный занавес в преддверии разворачивавшихся в Советском Союзе и в

Средней Азии массовых репрессий. А ведь до принятия этого решения в памирских населенных пунктах вблизи советско-афганских пограничных постов афганские, индийские и кашгарские купцы торговали столь нужными населению Горного Бадахшана товарами — зерном, рисом, скотом, хлопчатобумажными тканями кустарного производства, текстильными, суконными, галантерейными изделиями и другими предметами фабричного производства.

Установление строгого режима на советско-афганской границе лишь обострило политическую и религиозную ситуацию в Горном Бадахшане, сильно осложнив религиозные связи верующих с их духовными наставниками, и стимулировало исмаилитских духовников к усилению подрывной враждебной деятельности против Советской власти. Находившиеся за кордоном пиры и их последователи на советской территории еще длительный период времени сохраняли и поддерживали конспиративные связи друг с другом. Английская разведка не преминула воспользоваться этим обстоятельством для восстановления своих позиций в районе Советского Памира, которые в какой-то степени были подорваны в связи с закрытием границы. Враждебная антисоветская деятельность исмаилитских духовников отныне тесно переплеталась с выполнением заданий английских спецслужб и в нее вовлекались верующие исмаилиты, фанатично преданные своим духовным наставникам. Безусловно, они принимали участие в такого рода деятельности лишь под нажимом пиров и халифа, религиозный авторитет которых еще долго довлел над их сознанием.

В 1938 г. кровавое колесо репрессий докатилось до такого отдаленного края, как Горный Бадахшан. На ход репрессий в Таджикистане накладывала отпечаток никогда не прекращавшаяся межклановая борьба за власть. Нельзя забывать, что при Советской власти межклановые, межродовые отношения с их противоречиями отлично вписывались в новую систему, подобно тому, как родовые ханы, беки, байы, пиры и пр. при царизме вполне естественно приспособились к системе двойного гнета. Годами, исподволь, искусственно создавалась лживая легенда о памирских горцах, исповедовавших исмаилизм, как о людях, склонных к двурушничеству и интриганству. Это действовало на непосвященных в суть исмаилизма лидеров и руководителей различных степеней и рангов заволашеивающе, тем более в обстановке, когда все были заняты поисками врагов. Крайне несправедливо приписывать памирцам и переносить на них негативные черты исмаилитской секты в целом и исмаилитских духовников в частности.

Следует особо отметить, что в 1922 — 1929 гг. официально проводилась политика привлечения на сторону Советской власти

лояльно настроенных по отношению к ней авторитетных представителей из национальных эксплуататорских кругов: родоплеменных вождей, бывших эмирских чиновников, выходцев из среды духовенства и, конечно, из семей старой национальной интеллигенции. Разумеется, все это рассматривалось как временные, неизбежные переходные меры на первом этапе создания и укрепления национальной советской администрации ввиду острого недостатка грамотных местных кадров. Многие из них действительно стали честными и преданными Советской власти работниками. Тем не менее значительная их часть в первую очередь была подвергнута необоснованным репрессиям. В этом смысле не составила исключения Горно-Бадахшанская область, а, может быть, пострадала более других, так как была расположена на стыке границ трех государств — Афганистана, Китая и Индии.

Во всепожирающем пламени репрессий погибли государственные и партийные деятели — памирцы Шотемор Шириншо, Сайфулла Абдуллаев, Абдул Алишо Зиннатшоев, Карамхудо Эльчибеков и многие другие, преданно и честно служившие Советской власти, внесшие значительный вклад в развитие экономики, науки, культуры, образования, здравоохранения и даже новой советской государственности. Шотемор Шириншо, к примеру, был членом ЦИК СССР с 1922 г. вплоть до ареста.

В те годы широкий размах получила шпиономания, под покровом которой сводились личные и иные счёты. В 1939 — 1940 гг. только по одному уголовному делу было выявлено почти 400 агентов иностранных разведок, в основном на афганской и советской территории, причем около 130 из них относили к английской агентуре, в том числе 38 — на советской территории. Узнай об этом руководство английской разведки, оно было бы поражено необычайной эффективностью своих спецслужб в районе Памира. Конечно, эта цифра просто фантастическая, ирреальная, ни в коем случае не соответствовавшая действительному положению вещей. Было бы просто абсурдно и нелогично полагать, что иностранным разведкам понадобилось столь большое количество агентуры в Бадахшане.

В конце 50-х гг. Главная Военная Прокуратура СССР рассмотрела ряд дел на памирцев, привлекавшихся к уголовной ответственности по обвинению в шпионаже, и пришла к выводу, что многие честные люди были осуждены необоснованно на основании клеветнических показаний и наговоров.

Правда, конкретная деятельность Великобритании в первой половине XX в. давала поводы для серьезных утверждений, что институт пиров и халифа в Бадахшане, Синьцзяне, Афганистане и северо-западных горных районах Британской Индии — Хунзе (Кан-

джут), Читрале, Нагоре, Ишкумане и т.д. целенаправленно использовался для осуществления разведки на обширной территории Центральной Азии.

Это подтверждается показаниями перебежчиков, нелегально прибывавших на советскую территорию в 50-е гг. В частности, в ходе следствия они признавались в принадлежности к английским спецслужбам и утверждали, что английская разведка имеет свою агентуру на Афганском Вахджире, которая поддерживала связь с ее представителями в Пакистане и при необходимости получала от них всестороннюю поддержку. Они показывали также, что неоднократно совершали нелегальные ходки на советскую территорию в разведывательных и контрабандных целях²⁰³.

Несмотря на трагизм положения бадахшинских исмаилитов, связанного с массовыми репрессиями, и крайнее ужесточение пограничного режима, они не прекращали связей со своими духовными наставниками, находящимися за кордоном, продолжали заниматься сбором и отправкой зякета нелегальными путями. Так, брат сеида Юсуфа Али Шо-Казум Шофаруков, ярый фанатик-исмаилит, аж в 1940 г. занимался сбором зякета через уполномоченных на то лиц (вакилсй) и переправлял его на афганский берег. По сведениям, относящимся к июню 1941 г., шугнанцы были великолепно осведомлены о положении своих пиров за кордоном, что свидетельствовало об их, хотя и нерегулярных, но отлаженных и весьма конспиративных связях. Приблизительно в это же время из Бомбея в Зебак приезжали министр двора Ага Хана Салими и небезызвестный мишнари Сабз Али, которые проехали вдоль границы, где в каждом кишлаке на афганском берегу проводили моление (дагъват), чтобы дух “живого бога” снизошел к верующим. По их убеждению, это должно было укрепить волю верующих исмаилитов и на советской территории. Сабз Али ориентировал пиров на продолжение борьбы с Советской властью и заверял их в поддержке в этом богоугодном деле со стороны Британской Индии, Афганистана и Китая.

Отголоском этой непрекращавшейся борьбы стало появление в горах Памира в 1939 — 1940 гг. самозванцев — заместников “живого бога” из среды родичей эмигрировавших исмаилитских духовников. Пиры-самозванцы возвещали о необходимости укрепления исмаилитской веры в связи с началом второй мировой войны, вели пораженческую агитацию и предвещали близкий конец Советской власти.

Из числа таких самозванцев можно упомянуть жителя кишлака Сидж Рошт-Калинского района Насратшоева Курбанбека (январь 1939 г.); сына шугнанского халифы Ишанова Мунаваршо (1940 г.); сына хорогского бая Сармата Давлята (май 1940 г.); жи-

теля кишлака Шитхарв, Ваханского района Шободбекова Махлаука, халифа, прибывшего из-за кордона (август 1940 г.); бывшего судебного работника из Рошт-Калы Мирзоджанова Лютфасана (декабрь 1941 — январь 1942 гг.); учителя из кишлака Тусьен Едгорбекова Таприсобека; жителя кишлака Тусьен Касымова Парпишо из семьи исмаилитского духовника (январь 1942 г.) и др.²⁰⁴.

В 1943 или 1944 г. специальная правительственная комиссия из Москвы была направлена в ГБАО для рассмотрения вопроса о целесообразности депортации памирцев. По чистой случайности памирские народности не вошли в разряд депортированных и репрессированных народов в сталинско-бериевские времена. Входивший в состав этой комиссии известный исламовед Л.И. Климович категорически выступал против такого шага в отношении бадахшанцев²⁰⁵.

Недавние утверждения, что под влиянием внутренних факторов и воздействием современной цивилизации сформировалось новое поколение памирцев, которым абсолютно чужд религиозный мистицизм, а недалекое прошлое, когда жизнь каждого памирца регламентировалась пирами, представлявшими в горном крае духовного владыку исмаилитов Ага Хана, воспринимается как анахронизм, нечто иррациональное, оказались, мягко говоря, преждевременными и сильно преувеличенными.

Правда состоит в том, что сложные построения исмаилитских теоретиков и конкретные корыстолюбивые цели низаритского имама и руководителей памирских исмаилитских общин были чужды народным массам. Именно поэтому рядовые исмаилиты в своей массе должным образом и не противостояли разрушительным тенденциям, проявившимся с полной силой в отношении исмаилизма в советский период.

Трагический поворот в истории таджикского народа, и памирцев прежде всего, непосредственно связан с обострением ситуации в Афганистане. Введение советских войск в Афганистан было не только ошибкой, но и грубым просчетом, своего рода рецидивом представлений прошлого о мировой революции, а фактически преступлением бывшего советского руководства. Нежелание считаться со сложившейся внутривосточной обстановкой в собственной стране (усиление исламского фактора в общественно-политической жизни Средней Азии, Казахстана, серьезные кризисные явления в экономике и т.д.) и пренебрежение уроками истории привели к бессмысленной гибели более 14 тысяч советских солдат, не говоря уже о жертвах и бесчисленных страданиях афганского народа. Афганский синдром безусловно сказался на процессе разрушения СССР после вынужденного вывода контингента советских войск из Афганистана.

Афганское общество в целом не было готово к предлагавшемуся ему пути развития, который по сути был ему навязан сектантской партией революционно настроенных, в большинстве своем европейски образованных людей, но не обладавших научно обоснованной и четко разработанной программой действий, к тому же разделенных непримиримой враждой друг к другу на две группировки ("Хальк" и "Парчам"). Приверженность афганского народа к собственной системе ценностей, апробированному веками образу жизни привела к мощному противодействию нажиму извне, со стороны чужих, пытавшихся навязать свою волю. У афганцев с особой силой с незапамятных времен проявляется однозначное, непоколебимое стремление жить по традиционным нормам ислама. Расчет на трансформацию и адаптацию афганского общества, находящегося в целом ряде случаев на уровне племенной организации, к новым стандартам жизни был изначально неверен и ошибочен. В этом и заключались крупные политические просчеты и авантюрные подходы как афганских революционеров, так и советских руководителей.

Такой разворот событий способствовал росту популярности афганских таджиков на правобережье Аму-Дарьи, в Таджикской ССР и чрезмерному усилению националистических и происламских настроений. Именно в тот период впервые все чаще стали звучать голоса о "Великом Таджикистане", не разделенном Аму-Дарьей.

Распад Советского Союза и драматические события в Афганистане послужили детонатором к нарушению статус-кво в Таджикистане. Таджикский вариант развития событий стал нарицательным в современной политической практике, синонимом первобытной жестокости и политической дикости.

Накал политических, этнических, религиозных, местнических страстей породил социальную слепоту и глухоту и привел к жестокой, бессмысленной, братоубийственной, кровопролитной гражданской войне в апреле — ноябре 1992 г. Она привела к гибели десятков тысяч жителей Таджикистана, к появлению почти полутора миллиона беженцев (население республики в 1990 г. составляло немногим более 5 млн. человек). Огромный ущерб, причиненный этой разрушительной войной, сопоставим с национальным доходом Таджикистана за пятнадцатилетний период²⁰⁶.

На исходе XX в. межродовые и межклановые войны возродились, как птица Феникс из пепла, как неотъемлемая составная часть местной политической субкультуры прошлых веков, возвращаясь на круги своя. И это не удивительно, ведь родовые отношения сохранились в Таджикистане почти в первозданном виде, хотя и подверглись некоторой трансформации.

Безусловно, эскалация гражданской войны лежит на совести политических и религиозных деятелей, разжигавших клановые, сепаратистские, националистические настроения и чувства религиоз-

ного фанатизма и национальной исключительности. Они бессовестно использовали пробудившееся национальное самосознание народа в своих корыстных, узкоэгоистических целях в борьбе за власть.

Некоторое время тому назад было странно наблюдать эдакую идиллическую картинку противоестественного альянса исламско-демократических сил Таджикистана. Суннизм и исмаилизм всегда казались несовместимыми религиозными направлениями. Можно смело утверждать, что одним из соавторов этого альянса стал бывший народный депутат СССР, единственный член Межрегиональной депутатской группы от Таджикистана бадахшанец Давлат Худоназаров (то есть удостоенный взгляда аллаха). Этот альянс сыграл не последнюю роль в развязывании страшного по своим последствиям вооруженного конфликта весной 1992 г. Демократы оказались не настолько влиятельны, сильны и мудры, чтобы предвидеть результаты своего союза с исламскими фундаменталистами и определить исход борьбы за власть.

На ход развития событий в Таджикистане и Горном Бадахшане все более мощное воздействие будет оказывать ситуация в Афганистане, особенно в его северо-восточной части. Афганистан бесспорно идет к анархии и политическому хаосу и фактически скатился до уровня междоусобиц и клановой войны.

В ходе вооруженной борьбы на стороне моджахедов принимали участие многочисленные добровольцы из арабских и других стран, по преимуществу мусульманских. Произошло многократное усиление позиций различного рода фундаменталистских, исламско-националистических и монархических политических течений в рамках различного рода племенных и национальных группировок.

После падения левого режима в Афганистане разворачивается настоящий джихад между вчерашними союзниками, приобретающий не только религиозную окраску (сунниты, шииты, исмаилиты), а скорее чисто национальный характер (пуштуны, таджики, узбеки). Как в калейдоскопе, картина союзов может складываться в неожиданных сочетаниях.

Очередной всплеск вражды (декабрь 1993 — январь 1994 гг.) — реакция на усиление таджикского влияния в жизни страны. Политическая власть традиционно принадлежала пуштунам. Все афганские короли были выходцами из пуштунских племен. И уж конечно, как само собой разумеющееся считается, что пуштуны должны управлять делами в столице. И вдруг пост главы государства занимает таджик Бурхануддин Раббани, руководитель “Исламского общества Афганистана”. Его поддерживает Ахмед Шах Масуд, “лев Панджшера”, пользующийся огромной популярностью среди афганских таджиков, занявший пост министра обороны после вступления отрядов моджахедов в Кабул. Его вес, авторитет и сила накоплены в годы упорного сопротивления республиканским правительственным войскам в долине Панджшера.

Честолюбивый пуштунский лидер, глава Исламской партии Афганистана Гульбедин Хекматиар не смог даже войти в Кабул. Заседания возглавляемого им коалиционного правительства проходят в Чарасьябе, в 25 км от столицы. Для Хекматиара амбициозной задачей является восстановление власти пуштунов в государственных структурах страны и усиление личного влияния. Его не устраивает нормализация положения на афгано-таджикской границе и укрепление связей между афганскими и бывшими советскими таджиками. Более того, Хекматиар неоднократно выступал с угрозами распространить джихад на среднеазиатские республики.

Командующий узбекскими формированиями Рашид Абдул Дустум, тот самый “красный генерал”, который перешел от Наджибуллы на сторону его противников и в новом союзе воспрепятствовал вступлению хекматиаровских войск в Кабул, на этот раз выступает в союзе с Хекматиаром. В настоящее время под контролем Дустума находятся шесть северных провинций Афганистана с центром в Мазари-Шерифе, который является символом деловой активности. Обогатившиеся на войне его полевые командиры занялись приобретением недвижимости. Обеспечивая региональную стабильность, Дустум сумел создать местный фронт, объединивший различные политические силы от неокommунистов до фундаменталистов. Для Дустума крайне важно сохранение максимума независимости от Кабула, его больше всего устраивает ослабленный центр. В общем создается особая зона с удельной властью узбекского нацменьшинства, исключая какое-либо влияние пуштунов.

В Афганистане имеется и еще одна сильная фигура — таджик Исмаил Хан, который обосновался в Герате, ставшим центром своего рода “эмирата Западного и Южного Афганистана”. В его состав входят шесть провинций, или около 40% территории страны, граничащей с Ираном.

В общем в стране царит анархия, подвергаются разрушению и разграблению старинные мечети и другие исторические памятники, например, одна из старейших и красивейших — Голубая мечеть. Награбленное сбывается западным антикварам.

Ведущая египетская газета “Аль-Ахрам” мрачно констатирует: “В ходе гражданской войны стране причинен большой ущерб, чем во время войны с советскими войсками”.²⁰⁷

Нестабильность в Афганистане становится хронической болезнью, усугубляемой национально-этническими и религиозными противоречиями, разной внешнеполитической ориентацией на Исламабад, Тегеран и Эр-Риад. Междоусобицы, неспособность найти общий язык ведут к саморазрушению афганской государственности, к самоуничтожению национально-религиозных группировок.

Ислам в Афганистане буквально на наших глазах перерастает в исламский фундаментализм. В стране, по сообщению египетской

прессе со ссылкой на секретный доклад американских разведслужб, действует по меньшей мере 10 специальных лагерей по подготовке боевиков исламистских террористических группировок из арабских стран. Большинство центров подготовки экстремистов находятся под непосредственным контролем премьер-министра Исламского государства Афганистан (ИГА) Хекматиара ²⁰⁸.

В фундаменталистских тенденциях афганцы видят и то свое, что дорого каждому из них, каждой племенной, национальной или политической группе, и то общее, что сплачивает их в единое целое. Практически это означает, что взрыв фундаментализма в Афганистане — вполне реальная возможность, ибо потенциал для него накоплен, причем немалый. Ряд исламских организаций провозгласили своей конечной целью создание единого исламского государства, включающего бывшие советские среднеазиатские республики и даже некоторые мусульманские регионы России. Разумеется, исламскому фундаментализму в этой стране есть альтернатива, могут быть найдены компромиссные варианты, которые позволят надежно объединить Афганистан не на фундаменталистско-исламской основе. Однако вероятность прихода к власти фундаменталистов тем не менее достаточно велика.

Ориентация молодых среднеазиатских государств, конечно, будет в немалой степени зависеть от того, какой путь изберет Афганистан, склонится ли он к исламскому фундаментализму. Хотя по ряду параметров потенциал среднеазиатских государств и близок к афганскому, однако возможности распространения фундаментализма там в любом случае достаточно ограничены, пожалуй, за исключением Таджикистана.

В принципе фундаментализм неприемлем для бывшей советской Средней Азии, так как в своем социально-политическом развитии она слишком далеко ушла вперед по сравнению с Афганистаном и привыкла к более высоким стандартам жизни, связанным с преимуществами современной цивилизации. Можно с большой долей уверенности констатировать, что заимствованные стандарты жизни прижились на местной почве и способствуют продвижению вперед по пути прогресса. Кроме того, в Средней Азии существует огромный пласт образованных людей, в отличие от южного соседа. Естественно, менталитет среднеазиатских народов в нынешнем столетии претерпел определенные изменения, сохраняя при этом обычаи и привычки, освященные традицией, в которых ничего предосудительного не просматривается. Например, издавна привычное подчинение младших старшим скорее свидетельствует об элементарном уважении, нежели о безоговорочной покорности, бесправии и безгласности личности.

Ничего страшного не следует усматривать и в том, что на постсоветском геополитическом пространстве в Центральной Азии

появились харизматические лидеры, если при этом не нарушаются права человека. Вообще феномен обоготворения носителя высшей власти восходит к восточной традиции. Эта привычка прошла через века, дожила до наших дней и во многом определяет современные стереотипы взаимоотношений, социопсихологических установок, иногда далеко не безобидных для утверждения человеческого достоинства. Однако авторитетные, высокообразованные руководители, наделенные исключительными личностными качествами, являются гарантами стабильности общества на Востоке и определяют пути развития своих стран и народов.

Например, личность казахстанского президента Нурсултана Назарбаева была и остается наиболее яркой и цельной в созвездии ведущих политиков на территории бывшего СССР. Во многом благодаря выдержке и стратегическому расчету казахстанского лидера удалось избежать глубокого раскола на евразийском пространстве и создать Содружество независимых государств.

Когда в 1990 г. в Туркменистане были предприняты попытки организовать беспорядки на национальной почве, именно нынешний президент С.Ниязов положил им конец и не допустил развития событий наподобие таджикского варианта. Он же обеспечил мир и стабильность в Туркменистане и на туркменско-афганской границе. Правда, чрезмерное возвеличивание “вождя всех туркмен” — Туркменбаши вызывает неприятные ассоциации с недавним советским прошлым времен культа личности.

Президент Кыргызстана А.Акаев уверенно пресекает всяческие попытки разжигания мусульманского фанатизма, фундаментализма и национализма. Он систематически призывает население вверенного ему государства к веротерпимости.

Претензии Узбекистана во главе с его президентом И.Каримовым на своего рода региональное лидерство вполне можно понять и объяснить, так как он внес немалый вклад в стабилизацию, хоть пока и относительную, обстановки в Таджикистане, первым осознал опасность исламского фундаментализма в Центральной Азии и установил кордоны на пути его распространения.

Напряженность на таджикско-афганской границе постоянно возрастает. В настоящее время можно четко констатировать факты прямой агрессии против Таджикистана. Буквально ежедневно на его территорию в разных районах пытаются проникнуть вооруженные банды и группы со стороны ИГА. Наблюдается изменение тактики действий вооруженных формирований оппозиции и их переход к методам партизанской войны с использованием опыта афганских моджахедов. Особое беспокойство вызывает деятельность боевика и наркобарона некоего Резвона, объявленного так называемым “правительством в изгнании”, командующим всеми вооруженными силами оппозиции. Таджикская оппозиция в эмиграции вкупе с аф-

ганскими моджахедами вынашивает планы широкомасштабного вторжения из-за Пянджа.

Все это потребовало от России, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана (впоследствии присоединился и Туркменистан) принятия необходимых адекватных мер по оказанию помощи Таджикистану и обеспечению его государственной целостности, прежде всего создания эшелонированной обороны границы. В основном этим и занимаются коллективные миротворческие силы выше-названных государств СНГ с 1993 г. В случае открытия границы возрастет активность исламских фундаменталистов в опасной близости от территории России, поток оружия и наркотиков захлестнет многие страны СНГ. И это отнюдь не пустые слова: только в 1993 г. в Таджикистане было изъято 5 тонн наркотиков афганского производства²⁰⁹.

Таджикско-афганская граница стала не просто политическим и географическим понятием, это рубеж, сдав который Россия, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Туркменистан рискуют слишком многим. Защищая вместе с бывшими советскими среднеазиатскими республиками границу по далекому Пянджу, Россия оберегает в первую очередь мир и покой своих граждан. Национальные интересы России основаны на ее геополитическом евразийском положении и на том, что в нынешнее время она имеет новые, прозрачные и легко проницаемые границы.

Китайская Народная Республика тоже весьма обеспокоена возрождением ислама в Центральной Азии и рассматривает это как появление новых идеологических и политических реалий. В Пекине учитывают, что по обе стороны границ среднеазиатских государств и КНР живут исповедующие ислам таджики, киргизы, казахи, уйгуры, дунгане. Вопросы пограничного урегулирования между КНР и этими государствами не сняты с повестки дня, по-прежнему предьявляются территориальные притязания на земли Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. Стремясь к упрочению отношений с последними, Пекин в первую очередь думает о мусульманах, проживающих в западных районах КНР. Китай, безусловно, заинтересован в том, чтобы воспрепятствовать мусульманам Восточного Туркестана, а также всем мусульманам, проживающим на территории КНР, получать поддержку через границы.

Современные события в Афганистане и Таджикистане, несомненно, следует оценивать в контексте англо-русского противостояния в Центральной Азии в прошлом веке.

Послесловие

Политическая география современной Центральной Азии, несомненно, носит глубокий и неизгладимый отпечаток англо-русского соперничества в прошлом. На судьбы народов в огромной степени повлияла захватническая, завоевательная политика России и Англии в обширном центральноазиатском регионе.

Стержнем и эпицентром англо-русского противоборства волею судьбы оказалась Британская Индия. Соседние с ней страны — Афганистан, Персия, Кашгар, Памир и другие более мелкие государства представляли для Англии второстепенное, подчиненное по отношению к Индии значение, что зависело от степени соприкосновения с ней. В середине XIX в. в основном завершилось покорение Индии, причем закрепление индийских территорий осуществлялось на средства индийского народа и по преимуществу индийской кровью. Англия получила власть на Индостанском субконтиненте лишь благодаря несокрушимо мужеству мадрасских и бенгальских солдат. С тех пор Индия стала для Британии самым ценным достоянием; главной опорой ее силы и могущества. В начале XX в. один из военных историков отмечал, что за 150 лет владения Индией Англия брала с нее каждые 10 лет невиданные контрибуции, подобные той, которую взяла Германия с Франции после войны 1871 г. — 2 миллиарда рублей с лишком. Если разменять 30 миллиардов серебряными рублями, уложить их рядом по экватору Земли (а каждый из них в диаметре составлял $3 \frac{1}{3}$ сантиметра), то ее можно опоясать 9 раз.

Даже английскими авторами признавалось, что подобное выкачивание средств из Индии, с точки зрения справедливости и в плане собственно английских интересов, противоречило гуманности, здравому смыслу и признанным экономическим принципам. Это вызывало полную отчужденность между иноземными правителями и народом Индии. Жгучая ненависть индийцев к англичанам коренилась в губительности и жестокости британской политики.

Журнал “Statesman” в свое время писал: “Мы ненавидимы, как классами, бывшими до нас влиятельными и могущественными, так и воспитанниками наших же учебных заведений в Индии, школ и колледжей, ненавидимы за наше эгоистическое полное отчуждение их от всякого почетного или доходного места в управлении их собственной страной, ненавидимы народными массами за все невыразимые страдания и ту ужасающую нищету, в которую свергло их наше господство над ними”.

Английский экономист Г.Дигби с горечью констатировал: “Получив в управление народ, мы не осветили нашей власти светом туземной науки, не воспользовались помощью туземных людей, обладавших знанием и опытом, а главное, не повели наше владычество к благу управляемого народа”.

И действительно, система владычества англичан над Индией была хищническим и жестоким управлением иноземцев, считавших побежденный ими народ расой более низкой в умственном, физическом и нравственном отношениях.

Ограническим, специфическим звеном этой системы были политические агенты и резиденты, капитаны и майоры, люди, по большей части, не блестящего образования, даже совершенно далекие от него, но преисполненные любовью к своей родине — великой Британии — и фарисейской религиозностью. Они вселяли в умы своих подопечных, местных правителей (раджей, князей и т.д.) неверие и развращали их презрением к собственной родине, а затем хвастались своей умелостью в дрессировке местных “царей-обезьян”. Для подчинения своему влиянию агенты-резиденты, как правило, прибегали к самому надежному средству на Востоке, всегда открывавшему сердца азиатов и покорявшему их рассудок — деньгам, золоту.

Индия как страна необъятных естественных богатств, как самое ценное достояние Британской империи, как главный источник ее славы и могущества причиняла ей излишне много хлопот, тревог и опасений. Заботы о безопасности Британской Индии вызывались, прежде всего, недоверием и подозрительностью колониальной администрации к местному населению и успешному продвижению России в юго-восточном направлении, неустанном приближением ее к пределам Индии. Эти обстоятельства придавали англо-русскому противостоянию в Центральной Азии чрезмерно нервный оттенок, особенно со стороны англичан.

Их недоверие и подозрительность к индийцам были вполне оправданы. Мечта об освобождении от угнетателей и поработителей всегда жила в сердцах индийцев. Среди них существовало поверие полумистического характера об избавлении Индии от англичан с севера: чаще всего эту легенду выдают как пророчество какого-то старца. Кто избавит страну, почему и каким способом — об этом умалчивалось, но легенду повторяли с убежденностью и лихорадочным блеском в глазах. Подобное ожидание мессии отвечало миро-созерцанию индийцев и их ненависти к иноземному гнету. Ничего нет удивительного, что на англичан это подействовало, по крайней мере некоторые из наиболее ярких русофобов горячо отстаивали мысль о неизбежности нашествия на Индию со стороны России.

На самом деле, Индия была объектом многократных нашествий с северо-запада и севера, из них 7 закончились покорением почти всей Северной Индии. Британцы всерьез изучали пути великих завоевателей, в том числе с древнейших времен, ставивших целью покорение Индии, но особенно пристрастно они старались предусмотреть пути и характер действий России в этом направлении. Наиболее яркий пример тому — уже упоминавшийся меморандум Г.Роулинсона в 1868 г. ввиду угрожающих Индии, по его мнению, успехов России в Центральной Азии. В нем он сравнивал продвижение России с операциями армии, ведущей параллели против осажденной крепости, то есть Индии; там упоминались и наблюдательные, и демонстрационные линии и т.п. Его пророчества не сбылись, однако этот меморандум произвел сильное впечатление на английское общественное мнение и сыграл свою роль в нагнетании атмосферы общественного психоза.

В глужей ненависти индийского народа к порабитителям-англичанам сомневаться не приходилось; в распространявшейся в Индии прокламации говорилось: “Эти воры, погубившие нашу туземную промышленность, до тла уничтожившие торговлю нашей страны, наших ткачей, кузнецов, медников ввозом товаров, приготовленных в их собственной земле, и открытием лавок в каждом уголке и прибрежном местечке, высасывающие наши богатства и губящие наших соотечественников, — разве это наши правители?”

Между прочим, еще в середине XVIII в. по уровню развития промышленности Индия ни в коей мере не уступала самой Англии, а, может быть, и превосходила ее. Прядильное и ткацкое производство Ланкашира, с точки зрения технической, было, пожалуй, на одном уровне с индийским. Что касается судостроения, то некоторые типы индийских судов были совершеннее и значительно дешевле судов, построенных в доках Англии. Преимущества были столь очевидны, что англичанам пришлось потратить много усилий, неправедных и жестоких, чтобы свести к нулю некогда блестящую промышленность Индии.

С учетом изложенного утверждение Керзона о том, что английская семья пожертвует своим последним сыном для защиты Индии, было не просто фразой, а истиной, которая находила отголосок в сердце каждого англичанина. Эта позиция обуславливалась сознанием значения Индии для Британской империи и своей вины перед ее народами.

Еще с конца XVIII в. над англичанами довлела мысль, что самые чувствительные и ощутимые удары могуществу Британии могут быть нанесены лишь в Индии. В Англии никогда не забывали высказанные в 1786 г. слова Мирабо, что русские войска могут со временем осуществить вторжение в Индию через Центральную

Азию и что этим путем Россия, угрожая Англии, произведет полный переворот в системе европейской политики.

Все это, вместе взятое, побуждало Англию постоянно предпринимать превентивные меры, подчас абсолютно излишние, к обеспечению безопасности Индии и ее удержанию. Они сводились к противодействию расширению русских владений в Центральной Азии по направлению к Индии и усилению английского влияния в Афганистане, Иране, Западном Китае и на других сопредельных с Индией территориях.

В английской прессе с упорной настойчивостью и методичностью муссировались фразы типа: “если бы только Россия отказалась от Индии”, “если бы только Россия дала гарантию, что не посягнет на Индию”, и т.д. и т.п. Ни в настроении общественного мнения России, ни в завоевательных прожектах русских военачальников Чихачева, Хрулева, Хлудова, Скобелева и др. англичане не могли найти подтверждений в пользу серьезных посягательств на Индию. Более того, напрасно некоторые вдумчивые английские политические деятели и исследователи, в том числе и побывавшие в Туркестане, старались уверить общественное мнение своей страны, что в России власть имущие и трезво мыслящие люди и не помышляют о завоевании Индии. Британское общественное мнение продолжало страдать кошмаром русского нашествия, что граничило с национальным психозом. Основная мысль британской пропаганды оставалась одной и той же: продвижение России в юго-восточном направлении есть стремление к Индии, все русские действия в Средней Азии имеют конечной целью Индию. История опровергла абсурдность этих утверждений.

Вообще англо-русское соперничество в Центральной Азии вызывалось сложным комплексом политических, экономических и иных задач и интересов, распространявшихся на эту обширную территорию. Оно включало в себя и многотрудное поступательное движение, вызывавшее политическое состязание и дипломатические демарши, и разведывательную деятельность, и войны, и плохо замаскированные военные конфликты (осада Герата, Геок-Тепе, Таш-Кепри). В арсенале двух великих держав имелись многочисленные, разнообразные способы, средства и методы в их борьбе за преобладание в Центральной Азии. Существенным ее компонентом стало использование мусульманского духовенства, в том числе исмаилистского. Как англичан, так и русских весьма интересовали вопросы о мусульманских паломниках и маршрутах их следования к святым местам, даже развернулось своего рода соревнование в переманивании мусульман-паломников. Соперничающие державы справедливо полагали, что нельзя упускать ни единой возможности

собрать интересующую их информацию разведывательного характера. Политика благоприятствования паломникам обеспечивала Англии и России лояльность и расположение местных властей и населения. Энергия наступательного движения России и Англии естественно переходила в открытое соперничество по мере их сближения до политического соприкосновения. А в последнем десятилетии XIX в. оно привело и к географическому соприкосновению в районе Восточного Гиндукуша, на юге Памира.

В колониальной политике Англии и России, связанной с завоеванием Индии и Средней Азии, просматривается нечто общее, и не только в неумном стремлении к расширению захваченных территорий. Но прежде всего в том, что в англо-русском противостоянии центральноазиатские народы неизменно занимали самое низкое или подчиненное положение. При этом пересечение, перекрещивание англо-русских отношений и интересов совершалось на фоне самобытного, продолжающего существовать и развиваться азиатского мира.

Две великие державы по собственной воле и исходя только из собственных политических интересов и выгод, вопреки фактам толковали историю небольших центральноазиатских государств и манипулировали судьбами их народов. Например, Рушан, Шугнан и Вахан, всегда существовавшие в политическом равновесии между соседними Дарвазом, Бадахшаном, Читралом и Канджутом, по воле России считались принадлежавшими, хотя бы в недалеком прошлом, Кокандскому ханству, а Англия ставила их в зависимость от Бадахшана. Последний, искони самостоятельное государство, по воле англичан был превращен в вассала Афганистана. Англичане видели в Канджуте вассала Кашмира, хотя Китай считал его принадлежащим себе. И таких примеров можно было бы приводить много.

В развернувшемся соперничестве и противоборстве на центральноазиатской арене Англия проявляла несравненно больше гибкости, напористости, настойчивости, энергии и разнообразия в методах и тактике политической борьбы, всегда располагала обильной и разнородной информацией относительно Центральной Азии. В основе всех ее действий лежал принцип самой полной осведомленности. Денег на это не жалели, английские исследователи, разведчики и пандиты исколесили территорию Средней Азии по всем направлениям, собрали превосходный картографический материал, которым Британия умело пользовалась в своих интересах. Приходится только удивляться размаху, методичности английских исследований, подбору способных исполнителей и упорной энергии англо-индийских властей. Так, задолго до соглашения 1873 г. Британия распо-

лагала полными сведениями о Бадахшане и его политическом статусе. В отличие от России, продвижение Англии в Центральной Азии было планомерным и системным. Она умело пользовалась той совокупностью средств, которые ей давали деньги и политическая осведомленность, а также промахи России.

Наступательное движение России в Средней Азии происходило в условиях стихийности и нейтральности, какой-то даже безучастности Петербурга. У политических и военных деятелей на местах, безусловно, был известный план действий, та или иная приспособляемость к складывающейся обстановке, но этого часто оказывалось недостаточно, так как следовало бы опираться на более широкую осведомленность и хорошо обоснованный план. Царское правительство занимало выжидательные позиции, довольствовалось оборонительными мерами, противилось активным наступательным операциям, всячески сдерживало боевые порывы русских генералов. Его роль главным образом сводилась к оправданию и дипломатическому оформлению вновь приобретенных территорий. Петербург был сдерживающим фактором в продвижении русских войск в Средней Азии и играл роль дирижера в связи с возникавшими дипломатическими и другими осложнениями.

В силу исторических обстоятельств Россия не сумела, а, может быть, и не желала воспользоваться выгодами занятого ею положения у порога британского могущества. К тому же политическая позиция Англии, несомненно, в значительной степени ограничивала продвижение России.

Англо-русские противоречия и соперничество в центральноазиатском регионе, без сомнения, составляют существенный компонент колониальной политики. Колониализм как историческое явление было бы неправильно рассматривать лишь с точки зрения бедствий, несчастий, страданий, которые он нес народам колониальных стран; по своим последствиям он был далеко не столь однозначным. Под воздействием колониализма восточный социум, прежде всего Центральная Азия, подвергся серьезной ломке и трансформации, формы которых во многом зависели от историко-культурных и религиозно-цивилизационных факторов. Вместе с тем центральноазиатские традиционные общества упорно стремились сохранить привычное для них существование настолько, насколько это возможно, и как-то приспособиться к изменявшимся условиям.

Эти сложные процессы вызывались различными обстоятельствами и причинами: характером и типом ориентации общества, его мировоззрением и культурой, религиозно-культурными стимулами жизни и деятельности населения, силой традиции и готовностью к сопротивлению, стремлением и интересом к плодотворным заимст-

ованиям и т.д. и т.п. Колониализм не пользуется доброй репутацией на Востоке, и не только там. Неиссякаемая ненависть к колониализму питается перенесенными страданиями и многовековым сопротивлением. До сравнительно недавнего времени едва ли неоднозначно было принято считать, что колониализм — это безусловно зло. И, действительно, колониализм, и прежде всего ранний, прославился жестокостью и беззастенчивым стремлением к разграблению природных богатств Востока и эксплуатацией дешевого труда населения.

Принципиальное, структурное несоответствие восточных и западноевропейских обществ, и вследствие этого энергичное неприятие западных стандартов на протяжении веков формировали определенный стереотип отношения к колониализму. Суть такого стереотипа сводилась к сопротивлению, неприятию и отторжению чужого. Кстати, противостояние своего чужому является одним из древнейших модусов поведения человека. Тем не менее колониализм отнюдь не может быть однозначно охарактеризован как зло. Взламывая традиционные структуры в Центральной Азии и других регионах мира, колониализм во всех его модификациях сыграл решающую роль внешнего фактора, мощного импульса извне, не просто пробудившего их, но и придавшего им новый ритм поступательного развития. Важность внешнего импульса можно сопоставить по значимости с ролью оплодотворения живого организма: это было неременное условие для последующего развития, для рождения нового качества.

Перманентное воздействие колониализма постепенно преодолевало инерцию традиции и трансформировало азиатские структуры на еврокапиталистический лад.

Индия с ее древней традицией религиозного плюрализма и ненасильственных действий при сравнительно ограниченных функциях государства, с огромной ролью в ее жизни общины и касты оказалась достаточно благоприятным полигоном для насаждения там элементов британской политической практики и культуры, чему в немалой степени способствовали длительность правления англичан в Индии и целенаправленность политики британской колониальной администрации. Н.А.Бердяев как-то заметил, что традиция должна быть и универсальной, и национальной, тогда лишь она плодотворна для культуры и вообще национального развития. В Индии, например, вновь познают свое прошлое историческое наследие и пытаются адаптировать его к требованиям современности, так как в результате британского владычества образовался разрыв между ее историческим прошлым и современным развитием.

В Средней Азии дело обстояло несколько иначе. Россия стол-

кнулась здесь с активно функционирующим в весьма определенном ключе религиозно-цивилизационным фундаментом. Среднеазиатские ханства Бухара и Хива, будучи по статусу близки к колониям, все же считались протекторатами России, где однако далеко не вся власть принадлежала ей. Россия была вынуждена считаться с традициями и сложившимися реалиями и действовать гибкими методами. Не слишком форсируя перемены, она тем не менее способствовала развитию региона. Следует иметь в виду и то, что царская Россия не располагала столь длительным сроком, как Британия, для трансформации среднеазиатского общества. Достоинно удивления, сколь много за какие-то пятьдесят лет Россия сумела сделать для развития огромного по территории края и приобщения его к достижениям европейской цивилизации.

Вовлекая колониальные территории в мирохозяйственные связи с целью эксплуатации их капиталистическими методами, великие державы вместе с тем создавали необходимую инфраструктуру, включая банки, страховые компании, почту, телеграф, пароходства, железные дороги, промышленные предприятия по добыче полезных ископаемых, первичной обработке сырья и т.д., и таким образом сокращали разрыв между традиционно-восточным и колониально-капиталистическим рынком. Трансформированный восточный рынок стал интегральной частью мирового.

Едва ли не главным последствием колониальной экспансии в страны Центральной Азии было проникновение в них европейской культуры, более высокого уровня цивилизации и в связи с этим создание сети просвещения и системы здравоохранения, приближенными к европейским стандартам, что в конечном итоге привело к возникновению местной интеллигенции, хорошо знавшей самобытные культурные традиции своих народов и выступавшей распространителем полученных ею знаний в народе, что, в частности, привело к постепенному усвоению элементарных представлений о гигиене, квалифицированной врачебной помощи, профилактике инфекционных заболеваний и т.п.

Оказавшись втянутой в мировой рынок, Центральная Азия в силу этого подверглась заметной внутренней трансформации. Изменялось многое: и характер производства, и его объем, и связанные с ним привычные трудовые навыки, образ жизни значительной части населения, особенно городского, и веками считавшиеся незыблемыми духовные ценности, в том числе отношение человека к обществу, жизни, природе, миру в целом. Как бы колониальные структуры ни вписывались в местные реалии, что бы позитивного и полезного они ни привносили в жизнь колоний, но все-таки они были чуждыми для большинства их населения. Возникал феномен своего

рода симбиоза, вынужденного сосуществования. И все же история противоборства двух держав — Англии и России — в Центральной Азии разительно отличалась непохожими друг на друга подходами к покоренным народам и землям.

Похоже, что к началу XXI в. история англо-русского соперничества в XIX в. становится весьма поучительной и актуальной на фоне устремлений отдельных российских политиков, которые видят единственный выход из возникшей после развала СССР кризисной ситуации в войне, захвате новых территорий и чужих богатств. Последний бросок на юг всего лишь переводит стрелки часов на столетие назад — к временам территориального передела мира, рассматривая его как кардинальное решение всех российских проблем. Вполне очевидно, что полностью игнорируются, начисто забыты прошлый российский внешнеполитический опыт и недавние трагические события, связанные с советским вмешательством в афганские дела.

В Афганистане, раздираемом на части в ходе разворачивающейся гражданской, а скорее религиозно-клановой войны, некоторые лидеры исламских фундаменталистских группировок уже лелеют мечту о некоем мощном мусульманском образовании, способном поглотить Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан и отчасти Казахстан, к нему гипотетически возможно присоединение Пакистана и Ирана. Впору выработать глубоко продуманную и научно обоснованную российскую политику по сдерживанию исламской экспансии на постсоветском геополитическом пространстве. Необходимы политика гибкого лавирования и создание пояса стабильности по периметру российских границ.

Назрела также существенная корректировка политики США и их западноевропейских партнеров в отношении Боснии. Ведь боснийские мусульмане-сербы не собираются заканчивать свой джихад. Лидер высшего руководства правящей партии мусульман — СДА А.Изетбегович совершенно открыто в программном выступлении заявляет: "Я хочу, чтобы ислам одержал победу. Сейчас мы демонстрируем современный европейский ислам и можем в этом направлении многое сделать для Востока и для Запада. Теперь мы совсем другие, наши силы насчитывают свыше 200 тысяч бойцов — шесть армейских корпусов". И далее: "Для меня вообще не имеет значения, будут ли завтра здесь жить боснийские мусульмане или пакистанцы. Все мусульмане — братья по вере. Главное, чтобы наше независимое государство стало исламским. За такую цель можно пожертвовать последним боснийцем".

Весьма неосмотрительно игнорировать такие сентенции фундаменталистского толка. Тем более, если учесть, что исламский мир

солидарен с боснийскими мусульманами, а Пакистан и Иран давно оказывают им помощь оружием и даже выражают готовность направить в Боснию тысячи фанатически настроенных добровольцев, своего рода моджахедов.

Следует учитывать и то, что в Германии и Франции находятся свыше 4-х миллионов турок-эмигрантов, которые по преимуществу проживают в дискомфортных условиях и, несомненно, с сочувствием относятся к борьбе своих единоверцев в Боснии. В сложившейся ситуации реально предположить взрыв исламского фундаментализма не в бывшей Советской Средней Азии, а в центре Европы.

Поддерживая боснийских мусульман, США стремятся расположить к себе мусульманский мир, представить себя его защитником и тем самым пригасить антиамериканские настроения в исламских государствах. Ничего оригинального в этом нет, история повторяется тривиальным образом. К той же самой аргументации прибегали и британские политики в XIX в. во времена англо-русского противостояния в Центральной Азии.

Приложения

Некоторые архивные документы и материалы,
относящиеся к 20 — 40-м гг.,
характеризующие сущность памирского исмаилизма,
обычаи, условия жизни современных исмаилитов
и их взаимоотношения с властями

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ О ЗАГОВОРЕ ПИРОВ

1922 г. августа 16 дня, я, уполномоченный Особого отдела Туркфронта и охраны границ Туркеспублики на Памире, Дьяков Таричан, рассмотрев дело N 169 по обвинению гр. Саид Юсуф Алишо Фарухшоева, Саид Махмудшо Саид Мизробшоева, Саид Мурсалья Сеид Ашрафова, Сеид Асада Саид Мурсалева и Гулям Сафара Лашкарбекова в организации контрреволюционного заговора на Западном Памире, связи с афганскими властями и пособничестве шпионам в пользу Афганистана граждан Исмаила Неккадамова, Сокибека Зиобекова, Назарбека Шокарбекова, Санг Мамада Уста Ниязова, Гафура Уста Ниязова, Ельчибека Раджабекова, Таваккля Дехканова, уполномоченного НКВД Пумпура и его заместителя Сагреддинова в содействии организации контрреволюционного заговора на Западном Памире,

НАШЕЛ:

С самого начала работы Особпункта в Хороге стали поступать сведения о связи ишанов Шугнана Юсуф Алишо и Махмудшо, ишана Рушанского Шо Гадо и бывшего Шугнанского волостного Азизхана с Дарвазом и Афганистаном. При ближайшем рассмотрении осведомительной сетью Особпункта было установлено, что наиболее активным лицом во всей подпольной работе, проводимой на Западном Памире дарвазскими басмачами во главе с ишаном Калай-Хумбским Саид Султаном и афганскими властями с целью подрыва авторитета Советской власти, является ишан Поршневский Саид Юсуф Алишо, за которым и было установлено Особпунктом наиболее внимательное наблюдение.

Вначале центром работы Особпункта являлся Рушан, откуда поступали сведения о письмах, посылаемых ишаном Султаном и его

братом на имя ишанов Шугнанных, и некоторые из этих писем Особпунктом были перехвачены, но уже в конце ноября месяца 1921 г. Особпункту удается получить сведения о связи ишана Юсуф Алишо с Файзабадским Джарнейлем, которому ишан посылает подарки и письма, на свидание с которым отправляет, по приезду Джарнейля на границу, своих сыновей с доверенными своими юридами Назарбеком Шакарбековым, Исмаилом Неккадамовым, Сокибеком Зиобековым и другими. Приблизительно к этому же времени поступают в Особпункт сведения и о связи ишана Поршневого с жителем пограничного афганского кишлака Башор Шокуллобеком, проходящим по наблюдению Особпункта как афганский разведчик.

В конце ноября выясняется, что несмотря на вражду, искони существующую между ишанами Саид Юсуф Алишо и Саид Махмудшо, последний вызывает к себе Юсуфа Алишо для переговоров о совместной разработке линии поведения в отношении к новым начинаниям на Памире, но по неизвестной причине Саид Юсуф Алишо к ишану Шахдаринскому не приехал.

По приезду отряда 1921 г. в Хорог было замечено, а впоследствии окончательно установлено, что уполномоченный НКВД в Памиррайоне Эрнест Пумпур ведет свою секретную работу через ишана Поршневого и лиц, им указанных, следовательно, Юсуф Алишо фактически является его уполномоченным, что еще более затрудняет и без того трудную, благодаря конспиративности ишана, работу по наблюдению за связью Юсуфа Алишо с Афганистаном и Дарвазом.

Более того, уполномоченный НКВД Пумпур категорическими речевыми выступлениями за лиц, работающих у него (взятых по рекомендации Саида Юсуф Алишо), и нежеланием давать правдивые ответы о его работе, проводимой через подозреваемых Особпунктом лиц, работу Особпункта почти приостанавливает. Все же Особпункту удастся выяснить, что наряду с постоянной поддержкой связи с Афганистаном и Дарвазом, Юсуф Алишо ведет определенную агитацию среди населения против постановлений Военполиттройки на Памире, главным же образом против законов о разводе, упразднении казиев и выборного начала в организации местной власти. И вся эта контрреволюционная работа ишаном проводится под прикрытием Пумпура.

В особенности усиливается агитация Юсуф Алишо в декабре 1921 г. путем сбора от ближайших помощников подписки о том, что население недовольно Политтройкой и ее распоряжениями, наряду с этим распространяет слухи о том, что закон о разводе военно-политическая тройка провела на Памире, не имея на то разрешения и т.д.

К этому же времени относятся и попытки Пумпура раскрыть через ишана и его приближенных осведомительную сеть Особпункта.

Наблюдение за другими ишанами Шугнана никаких результатов не дало, ибо подойти к ним оказалось еще труднее, чем к Саид Юсуф Алишо, и агитации они никакой не вели. Не удалось установить и сношений этих ишанов с Афганистаном.

Далее устанавливается, что Юсуф Алишо неоднократно писал письма в Дарваз, получал оттуда ответы, сносился с афганвластями, но все это делалось через лиц, работающих у Пумпура и под прикрытием неприкосновенности дипломатической работы последнего.

В конце декабря в деле появляется новая личность — афганский кази Назаршо, по сведениям, вполне доказанным впоследствии, он был послан Файзабадским Джарнейлем с целью узнать взгляды населения, а в особенности ишанов и почетных лиц, на присоединение Западного Памира к Афганистану. Кази Назаршо в своей работе все время опирается на дружбу с Юсуф Алишо, становится сотрудником Пумпура и беспрепятственно путешествует с одного берега Пянджа на другой и по всему Шугнану. Впоследствии после убийства кази Назаршо, ишан Юсуф Алишо принимает участие в собиращии сведений об обстоятельствах убийства. Таким образом, выплывает наружу следующее преступление ишана — помощь афганским разведчикам.

В конце мая 1922г. в Особпункт поступают сведения о том, что некий Кадыр, житель кишлака Башор, только что возвратившийся из Файзабада, куда ездил как делегат от населения, по поручению Файзабадского Джарнейля, передал Юсуф Алишо письмо, в коем Джарнейль предлагает ишану объединить таджиков для борьбы с большевиками. В это же время ишан имеет связь с заместителем Пумпура Сагреддиновым и ведет разговоры о том, как бы подкапаться под Особпункт.

30 июня Особпунктом получены сведения о том, что приехавший в пограничный афганский кишлак Башор Каттаганский ишан Темур Шо Хан послан Наиб Саларом в Шугнан с целью организации восстания в Советском Шугнани.

4 июля уже эти сведения подтвердились в более определенной форме. Выяснено, что Каттаганский ишан переговорил с ишанами советского Шугнана относительно организации восстания и что для более подробного выяснения вопроса ишаном Юсуф Алишо был вызван проживающий в Кала-и-Вамаре Абдул Гияс Хан (сын бывшего Шугнанского хана) и вскоре должно состояться совещание всех Шугнанских ишанов для принятия окончательного решения по предложению Темур Шо Хана. Допрошенный по этому поводу Аб-

дул Гияс Хан показал 7 июля: из Каттгагана Наиб Саларом Надирханом послан в Шугнан ишан Темур Шо Хан с целью поднять в Советском Шугнани восстание против русских. Темур Шо Хан ездил с разрешения Особпункта к ишану Шахдаринскому Саид Махмудшо, переночевал у него, на пути в Башор остановился на одну ночь у ишана Поршневского Саид Юсуф Алишо. Что говорил Саиду Махмудшо Темур Шо Хан, неизвестно, но Саиду Юсуфу Алишо Темур Шо Хан говорил: “Все здесь мусульмане восстают против русских, только у Вас в Шугнани русские живут спокойно, если вы — мусульмане, то должны поддерживать восстание против большевиков, если Вы откажетесь, то Афганистан, как мусульманская страна, будет Вам мстить. Об этом же я говорил с Сеидом Махмудшо и Мурсалем и они мне ответили, что посоветуются с Вами и тогда дадут ответ. Я Вас прошу поговорить с ишанами и ответить на мое предложение”. Темур Шо Хан получил подарки от ишанов и, подарив свою лошадь Саиду Юсуфу Алишо, уехал в Башор, где решил дожидаться ответа от ишанов советского Шугнана. Перед своим отъездом он назначил жителя кишлака Хорог Гулям Сафрала наблюдать за ишанами и сообщать ему, кто стоит за поднятие восстания и кто против. Во время пребывания Абдул Гияс Хана у ишана Поршневского к последнему пришел Шокуллобек с письмом от Темура Шо Хана, в котором Темур Шо Хан просит дать поскорее ответ. Юсуф Алишо спросил у Шокуллобека, будут ли при восстании афганцы помогать восставшим, на что Шокуллобек ответил, что в случае неустойки помощь будет оказана. На вопрос Абдул Гияс-хана, есть ли у Темура Шо Хана документ от Надир-хана, Шокуллобек ответил, что Надир хан не дал документ Темур Шо Хану, боясь, что документ попадет в руки большевиков. Тогда Юсуф Алишо потребовал через Шокуллобека документ о том, что помощь афганцами ему будет оказана, такой документ был в тот же день ишану доставлен, но содержание Абдул Гияс-хану неизвестно. (...).

Согласно ордеру от 16 июля ишан Юсуф Алишо и находящийся у него в доме Сангмамад были арестованы. Опрошенный 17 июля Юсуф Алишо показал, что Темур Шо Хан приезжал к нему, ничего ни о каких делах не говорил, что казначей Темур Шо Хана говорил, что приезжал ишан, чтобы сватать его (Юсуф Алишо) дочь, что о приезде Темура Шо Хана к Саиду Махмудшо он не знал, что ездил он (Юсуф Алишо) к Саиду Махмудшо лишь для того, чтобы посоветоваться о приезде от Ага Хана Саид Манира, поучающего таджиков вере, что писал он Гияс Абдул-хану для того, чтобы тот посоветовал ему отдать дочь за Темур Шо Хана. Далее Юсуф лишь показывает, что дней через 8 после совещания его с Темур Шо Ханом пришел Шокуллобек и заявил, что, вероятно, Темур Шо

Хан имеет к Сеиду просьбу об удалении большевиков с Памира, но он, Юсуф Алишо, ответил, что об этом лучше ничего не говорить. Вторично и третий раз опрошенный 18 июля Сеид Юсуф Алишо никаких существенных изменений в свое первое показание не внес, продолжал утверждать, что ему известно только, что Темур Шо Хан приезжал сватать его дочь и что собрались ишаны вместе для обсуждения вопроса о приезде Саид Манира.

Вечером 18 июля член ВПТ Шотемор отношением сообщил, что в Поршневе население волнуется из-за ареста Юсуф Алишо и с ним из Поршнева прибыли делегаты для выяснения положения ишана. Делегатам предложено было поручиться за исполнение Саидом Юсуф Алишо 5 пунктов:

1. Служащие ишана по указанию Особпункта должны быть уволены и после увольнения никакой связи с ишаном не иметь.
2. Кроме своих, халифа с афганского берега ишан принимать не имеет права.
3. Свидание ишана с лицами, указанными Особпунктом, могут происходить лишь в присутствии Председателя и секретаря совета кишлака Поршнева.
4. Ишан обязан выдать Особпункту всех известных ему афганских разведчиков.
5. Ишан обязан во всех своих поступках против Советской власти в течение последнего года сознаться и выдать всех соучастников.

В случае исполнения настоящей подписки Особпункт обязался ишана Поршневского освободить. Делегаты на предложение согласились, ишан также, после чего ишану были вручены ручка и бумага, и он ночью с 18 на 19 июля дал следующие показания: Темур Шо Хан по своем прибытии в Башор известил его о желании видаться секретно и прислал в подарок лошадь. Юсуф Алишо ответил, что видаться с Темур Шо Ханом он может только с разрешения властей. Таким образом, приехал Темур Шо Хан в Шахдару к Сеид Махмудшо, оттуда Темур Шо Хан приехал к нему и ночевал две ночи. Что говорил Темур Шо Хан ишану Юсуф Алишо во время своего пребывания, Юсуф Алишо в своем основном показании не говорит, а кратко излагает разговор лишь в ответе на вопрос, данный ему в письменной форме, где показывает: Темур Шо Хан рассказывал, со слов Салара, о том, что афганцы посылают своих солдат по вечерам переряженных в сартовские халаты в Бухару и предложил ему (Юсуф Алишо) выгнать большевиков, обещая помочь оружием в случае прихода большевистского подкрепления. Далее Юсуф Алишо показывает, что к нему приезжал Шокуллобек

после отъезда Темур Шо Хана и передал просьбу последнего об организации восстания на Памире. Собрались ишаны на даче у Махмудшо, пишет ишан Поршневский, с целью обсудить вопрос, как бы отвязаться от Темур Шо хана так, чтобы не пострадать в случае занятия Афганистаном Памира, ибо Темур Шо Хан пугал ишанов тем, что все равно Афганистан займет Шугнан и, если ишаны заранее не сумеют организовать восстание, то с ними расправятся в первую очередь как с неверными.

Опрошенный пятый раз 19 июля ишан Юсуф Алишо показал, что еще до приезда Темур Шо Хана в апреле месяце в Хорог в качестве провожатого риса, присылаемого в подарок Пумпуру Джарнейлем Файзабадским Пиниекханом, был послан новым джарнейлем житель кишлака Башор Кадыр Таибов, который зашел к нему и передал, что скоро из Афганистана приедет большой человек (речь, очевидно, шла о приезде в будущем Темур Шо Хана), и к его приезду необходимо подготовить почву для восстания против Советской власти и что, если почва не будет подготовлена, то ишанам придется плохо от афганцев, ибо они все равно скоро займут Шугнан. К ранее данным показаниям о Темур Шо Хане Юсуф Алишо добавляет, что Гулям Сафдар, житель кишлака В.Хорог, больше него посвящен во все дела Темур Шо Хана. В этом же показании Юсуф Алишо отрицает категорически какую бы то ни было связь с Дарвазом, агитацию против Советской власти и связь в этом отношении с Пумпуром, но не отрицает того, что Пумпур часто говорил с ним по поводу мероприятий, проводимых В.-П. Тройкой на Памире, и Пумпур же говорил, что Дьяков, не считаясь с местным населением, делает так, как в России, и что, если население захочет, то можно закон о свободном разводе отменить. 19 июля Юсуф Алишо был из-под стражи освобожден.

В шестом своем показании по делу от 27 июля Юсуф Алишо добавил: "Однажды, уже после свидания с ишанами, когда Темур Шо Хану было написано от имени всех ишанов Шугнана письмо с просьбой отсрочить решение вопроса, предложенного Темур Шо Ханом, на 3 месяца, к нему пришел из Башора посланный с письмом от Темур Шо Хана следующего содержания: "Ответ об отсрочке вопроса на 3 мес. получил, но выяснит все через 4 дня". Это письмо Юсуф Алишо передал через Исмаила Неккадамова Сеиду Махмудшо, причем содержание письма Исмаилу не сообщил. Тут же Юсуф Алишо сообщает, что однажды ездил на афганскую сторону Пянджа Сокибек, который сообщил ему, что, по словам жителя кишлака Башор Афрешима, Шокуллобек нарочно ведет дело к тому, чтобы русские убили ишана Поршневского, за что Темур Шо Хана будет благодарить Сапасалар (смысл таков: если будет поднятие восста-

ния против большевиков, все равно они победят, ишана Поршневского убьют, Темур Шо Хану же будет благодарность за поднятие восстания в Советском Шугнана независимо от его успешности).

Наиболее подробные показания Юсуфом Алишо были даны 28 июля. В них ишан к своим прежним показаниям добавляет: раньше Темур Шо Хан вместе со своим братом проживал в Кулябе, где его брат служил разведчиком, имел чин прапорщика. После смерти брата Темур Шо Хан возвратился в Афганистан, был арестован, но потом освобожден. Жил в Кабуле, а потом перебрался в кишлак Гури, где живет в настоящее время. В Башор Темур Шо Хан приехал 24 июня. Остановился Темур Шо Хан у Шокуллобека и через два дня после приезда послал племянника своего домохозяина к Юсуфу Алишо с просьбой увидеться с ним секретно или открыто. Через два дня после этого Исмаил передал Юсуфу Алишо, что Темур Шо Хан приезжал к шахдаринскому ишану, куда его, Исмаила, просил приехать Шокуллобек. По приезде к Юсуфу Алишо Темур Шо Хан сказал: "Меня послал к Вам Сапасалар, который просил передать Вам, что в Кулябе и Гиссаре мусульмане выгнали от себя большевиков, делайте так же и Вы". Сеид Юсуф Алишо ответил, что население Шугнана против Советской власти не пойдет, да и оружия нет, тогда Темур Шо Хан ответил, что у него есть три винтовки, которые он отдаст ишану, но последний резонно возрадил, что с тремя винтовками воевать нельзя. Через некоторое время Юсуф Алишо прибыл на дачу Сеид Махмудшо, где было написано письмо с просьбой отсрочить решение о восстании на 3 месяца. В конце показания Юсуф Алишо добавляет, что о просьбе Темур Шо Хана из его слуг знают: Исмаил Неккадамов, Назарбек Шакарбеков, Сокибек Зиобеков, Ельчибек Раджабеков и Санг Мамат Уста Ниязов, но последнему он сообщил о цели приезда Темур Шо Хана лишь по приезде в Поршнев, т.е. после совещания ишанов. Назарбек же даже писал письмо Темур Шо Хану о решении ишанов отложить вопрос о восстании на 3 месяца.

В последнем своем показании Саид Юсуф Алишо определенно утверждает, что Темур Шо Хан был послан в Советский Шугнан Сапасаларом Надир-ханом. Справкой сотрудник Разведупра сообщает, что Сапасалар Надир-хан является военным министром Афганистана.

17 июля был арестован сын Сучанского ишана Саид Мурсаля Саид Асад, отцу же его, равно как и Саид Махмудшо, Особпунктом было предложено сознаться в связях с Темур Шо Ханом, но оба они сделали весьма краткие, но совершенно неправильные показания: саид Махмудшо показал, что он просил разрешения на свидание с Темур Шо Ханом у зам. нач. Особпункта и что Темур Шо Хан

подарил ему лошадь и добавил, что съехались все ишаны у него на даче для обсуждения поведения Саид Манира. Саид Мурсаль показал, что слухи о том, что Темур Шо Хан приехал с целью поднять восстание — ложь.

18 июля Саид Махмудшо по вызову прибыл в Хорог, где был арестован. Саид Махмудшо 19 июля дал показания: Темур Шо Хан прислал к нему человека с просьбой разрешить ему свидание с Саид Махмудшо. Саид Махмудшо послал своего слугу Мамад Садыка за получением разрешения на свидание с Темур Шо Ханом. Разрешение было получено, и Темур Шо Хан приехал к Саид Махмудшо на дачу, где в секретном разговоре, в котором принимали участие Саид Махмудшо, Темур Шо Хан и Саид Мурсаль, Темур Шо Хан предложил им, как мусульманам, поднять восстание против большевиков. Если же ишаны его предложение не примут, то им будет плохо в случае занятия афганцами Шугнана. Саид Махмудшо вызвал к себе на дачу Юсуф Алишо и здесь все трое (Саид Махмудшо, Саид Мурсаль и Саид Юсуф Алишо) решили отложить решение вопроса на три месяца, о чем и написали письмо Темур Шо Хану. В последнем своем показании от 13 августа Саид Махмудшо утверждает, что ни один из его слуг не был посвящен в истинные причины приезда в Шугнан Темур Шо Хана.

Саид Махмудшо по просьбе своих мюридов был освобожден из-под стражи 20 июля.

Показания Саид Мурсаля почти ничем по существу от показаний Саид Махмудшо не отличаются. Но Саид Мурсаль не так старается выгородить себя, как Саид Махмудшо, и более определенно говорит о целях Темур Шо Хана. Так же, как и Саид Махмудшо, Саид Мурсаль был освобожден 20 июля.

Саид Асад в первом своем показании совершенно отрицает свое участие в заговоре Темур Шо Хана, ссылаясь на болезненное состояние, но во вторичном своем показании признался, что ему было известно предложение Темур Шо Хана, хотя все же старается представить себя не участником, а скорее наблюдателем всего дела и только на очной ставке с Исмаилом Неккадамовым сознался в том, что последнее письмо от Темур Шо Хана было получено от Исмаила им и передано своему отцу. Его участие в секретном совещании ишанов выясняется лишь показаниями Юсуф Алишо и очной ставкой между последним и Саид Мурсалем, произведенной 16 августа, когда Саид Мурсаль, очевидно, не желая выдавать участие в деле своего сына, заявил, что он не помнит, присутствовал ли на совещании Саид Асад или нет. Саид Асад был освобожден благодаря просьбе некоторых жителей Сучана (мюридов его отца) и болезненного его состояния 25 июля.

Вместе с ишаном Поршневым Саидом Юсуф Алишо был арестован самый приближенный к нему слуга Санг Мамад Устаниязов. 18 июля были арестованы слуги ишана Таваккаль Дехканов, Назарбек Шокарбеков и Гафур Устаниязов (брат Санг Мамада). 19 июля последовал арест остальных близких ишану Поршневному лиц, Ельчибека Раджабекова и халифа Исмаила Неккадамова, последним был арестован Сокибек Зиабек (22 июля).

В агентурной разработке дела был материал на всех этих лиц лишь в отношении их прежней совместной работы с ишаном Юсуф Алишо по агитации среди населения, передачи поручений к Джарнейлю и так далее, но материалов, указывающих на их содействие или хотя бы осведомленность о действительных целях, преследуемых на Памире Темур Шо Ханом, совершенно не было. Это обстоятельство и не дало возможности Особпункту при дознаниях сразу же вести их по существу главного обвинения — связи с афганскими властями. Кроме того, вся агентурная разработка дела дала очень скудный материал для ведения следствия, ибо богатые по своему содержанию сводки не могли дать желательных результатов, при разработке их следствием, за недостатком свидетелей, вернее благодаря причастности подавляющего большинства их к делу скорее как обвиняемых, так как вся работа ишана Юсуф Алишо проводилась в очень узком кругу, и даже агитация распространялась лишь через особо надежных прихлебателей.

Наименее замешанными лицами из арестованных были, как выяснило следствие, Таваккаль, Ельчибек, Гафур и Санг Мамад. Все они отрицали вначале, на первых допросах свою осведомленность в отношении работы Темур Шо Хана. Больше того, все категорически отрицали вообще причастность к работе, проводимой среди населения ишаном. Сознания относительно работы Темур Шо Хана удалось добиться лишь на очных ставках с ишаном Поршневым, со знавшим первым из всех замешанных в деле, да и то только со стороны Санг Мамада и Ельчибека, Гафур же после первого опроса был освобожден, ибо по ходу следствия стала очевидна его непричастность к делу Темур Шо Хана, участие же его в прежних преступлениях ишана также сомнительно. Таваккаль так же, как и Гафур, отрицал свою вину в деле Темур Шо Хана, что подтверждается и показаниями Юсуф Алишо, и против него остается одно обвинение: распространение ложного слуха об уходе гарнизона с поста Хорог на пост Памирский и неуплате в связи с этим населению денег за продукты. Хотя сам Таваккаль и в этом преступлении, несмотря на очную ставку со свидетелем Мамад Ризо, не сознается. В результате следствия в отношении Ельчибека и Санг Мамада было выяснено, что обоим им сам Юсуф Алишо сказал о цели приезда Темур

Шо Хана, но оба в поддержании связи Юсуф Алишо с Темур Шо Ханом активного участия не принимали, и Санг Мамад узнал о деле лишь после совещания ишанов на даче Махмудшо. Таким образом, преступления Санг Мамада и Ельчибека сводятся к двум пунктам:

1. Оба знали о заданиях, полученных Темур Шо Ханом в отношении организации восстания в Шугане, знали лиц, примкнувших к заговору, и участия в нем, и не сообщили своевременно об этом Исполкому или Особпункту.

2. Оба давали до очной ставки с Саид Юсуф Алишо ложные показания о Темур Шо Хане и совершенно не сознавались на допросах о прежней контрреволюционной работе ишана.

Трое остальных приближенных ишана Поршневского Юсуф Алишо — Исмаил Неккодамов, Сокибек Зиобеков и Назарбек Шокарбеков были посвящены в работу Темур Шо Хана вполне.

Самую видную роль в связи Саид Юсуф с Темур Шо Ханом играли дальний родственник Темур Шо Хана, муж сестры афганского разведчика Шокулло Бека, в доме которого остановился Темур Шо Хан по приезду в Башор, Исмаил. В первом своем показании Исмаил отрицает абсолютно всякую связь по делу между ними и действующими лицами.

Очная ставка с ишаном Шахдаринским однако привела Исмаила к сознанию того, что им было передано письмо Саиду Махмудшо от Саида Юсуф Алишо, но от кого было это письмо, Исмаил не говорил и утверждает, что письмо написано Юсуф Алишо.

Только на очной ставке с Юсуф Алишо, произведенной 31 июля, Исмаил после упорного нежелания давать правдивые ответы, наконец сознался в том, что цель приезда Темур Шо Хана в Шугнан ему была известна, но продолжает отрицать известность для него посещения Темур Шо Хана Шахдаринского ишана и говорит, что узнал он об этом лишь в г. Хороге, через который проходил, направляясь к своей сестре.

Более подробно показания впервые даны Исмаилом 4 августа.

Здесь Исмаил говорит: в Башоре (Афганистан) был при Темур Шо Хане два раза, оба раза с Сокибеком, первый раз навестить Шокулло Бека, на сестре которого женат, и второй раз по поручению Саид Юсуф Алишо — благодарить Темур Шо Хана за подаренную им Саиду лошадь и слышал, что Темур Шо Хан приехал в Шугнан по поручению сапасалара для поднятия в Советском Шугнани восстания. Впервые во второй свой приезд в Башор (до приезда Темур Шо Хана к ишанам в Советский Шугнан) от Шокулло Бека слышал о желании Темур Шо Хана поднять восстание в Сов.

Шугнана, еще всего лишь один раз от Саида Юсуф Алишо, вскоре по отъезде Темур Шо Хана в Башор и никогда ни с кем не говорил по этому поводу. Тут же Исмаил показывает, что Шокуллобек был в Сов. Шугнана со дня приезда Темур Шо Хана из Ханабада всего три раза и с ним (Исмаилом) по делу ничего не говорил. На очной ставке с Сокибеком Исмаил продолжает утверждать, что оба раза в Башоре был с Сокибеком, тогда как последний говорил, что был всего лишь один раз с Исмаилом. В своем показании от 13 августа Исмаил в общем только подробнее излагает уже сообщенное им 4 августа, но добавляет, что о приезде Темур Шо Хана он узнал в Поршневе, перед первой поездкой к Шокуллобеку, от жителя кишлака Башор Худжама.

В своем показании от 28 июля Саид Юсуф Алишо указывает на то, что Исмаил передавал ему письмо от Темур Шо Хана, что Исмаил поехал в Шахдару с определенной целью — встретить там у Сеид Махмудшо Шокуллобека и Темур Шо Хана, о приезде которых туда знал, будучи в Поршневе, и что Исмаилу было известно, что письмо, которое он носил от Юсуф Алишо к Саиду Махмудшо, было написано Темур Шо Ханом. Кроме того, на очной ставке с Исмаилом Юсуф Алишо заявил прямо, что Исмаилу известно о работе Темур Шо Хана в Сов. Шугнана не меньше, чем самому Юсуф Алишо.

На очной ставке с Саид Юсуф Алишо, произведенной 16 августа, Исмаил показания ишана Поршневского от 18 июля подтвердил, что фактически является окончательным признанием его вины.

Сокибек Зибабеков так же, как и Исмаил, в первом своем показании от 22 июля отрицает свою осведомленность относительно целей приезда Темур Шо Хана в Сов. Шугнан и только на очной ставке с Юсуф Алишо в этом отношении сознается.

В последующих своих показаниях Сокибек путается и, наконец, сознается в том, что был в Афганистане три раза, заходил два раза на поклон к Темур Шо Хану. Первый раз услышал о цели посещения Темур Шо Хана в Шугнан от жителя кишлака Башор Афрошима, во вторую же свою поездку в Афганистан и что Саид также ему говорил о приезде Темур Шо Хана в Шугнан. Отличая же очную ставку Сокибека с Юсуф Алишо и показания Сокибека, видно, что Сокибек был с Исмаилом в Башоре два раза, а не один, как уверял на очной ставке с Исмаилом Сокибек.

Назарбек Шокарбеков, писарь ишана Саида Юсуф Алишо, после двукратного заверения в своих показаниях от 18 и 19 июля о своей непричастности к работе Темур Шо Хана по прочтении отрывка одного показания Саид Юсуф Алишо, где последний указы-

васт на Назарбека как на человека, писавшего письмо от его имени Темур Шо Хану, в своем третьем показании от 22 июля говорил, что письма писал Темур Шо Хану два раза, первый раз от имени Саид Юсуфа Алишо о том, что прежде, чем решиться на предложение Темур Шо Хана, Юсуф Алишо должен посоветоваться с другими шугнанскими ишанами и вряд ли в этом деле мюриды пойдут за ним, и второе — в присутствии всех трех ишанов на даче Саид Махмудшо, в котором писал по приказанию ишанов, что есть слухи о скором прибытии из Туркестана на Памир большого отряда, а потому ишаны решили отсрочить разрешение вопроса, предложенного Темур Шо Ханом, до сентября месяца, когда выяснится, придет ли новый отряд. В то же время ишаны говорили, что давая такой ответ Темур Шо Хану, они желают поскорее от него отвяжаться, ибо предложение его они решили не принимать.

В отношении противосоветской работы ишана Юсуф Алишо до приезда Темур Шо Хана и связи его с Файзабадским Джарнейлем и Дарвазом, следствие желаемых результатов, по причинам, упомянутым уже в заключении по делу, не дало. Относительно связи с Джарнейлем не удалось установить, действительно ли Юсуф Алишо получал от Джарнейля деловые письма или же, как показывает в своих показаниях сам ишан Поршнеvский, письма были исключительно характера личного, обмен приветствиями, посылка подарков и т.д. В этом отношении ни один из обвиняемых не сказал правды, что видно из того, что единственный более разработанный случай общения ишана с Файзабадским Джарнейлем в результате, если даже считать доказанным только то, в чем обвиняемые сознались, привел к установлению просьбы ишана Поршнеvского свободного приезда в Афганистан по показаниям же свидетелей. Юсуф Алишо добивался личного свидания — с Джарнейлем и даже запрашивал, можно ли надеяться на хороший прием ему, если он пожелает бежать с Сов. Памира и укрыться в мусульманской стране (Афганистан).

В отношении связи с Дарвазом следствием не установлено абсолютно ничего, ибо единственный свидетель по делу Файзулло отрицает остановку у него посланного ишаном в Дарваз с письмами Бахтыбека.

Также не удалось установить связи ишана Поршнеvского с англоразведкой, ибо как сам Юсуф Алишо, так и Назарбек отрицают посылку писем последней из Читрала ишану конфиденциального характера и относящихся исключительно к Саиду Юсуф Алишо, но в своих показаниях и на очных ставках как Назарбек, так и привезший по сведениям Особпункта письма Абдоль Бек путаются чересчур явно, и единственной отговоркой в критический момент для них является ссылка на забывчивость.

Относительно агитации Юсуф Алишо и его приверженцев за восстановление кази, аксакалов и т.д. свидетельскими показаниями установлено, что действительно слух такой был, и как на более возможного претендента на должность волостного указывали на Абдуль Назара и что как на человека, который восстановит старый порядок, указывали на Пумпура, но свидетели сами не заслуживают доверия.

Неудача следствия в этом отношении, помимо указанных ранее причин, станет для каждого вполне понятной, если обратить внимание на то, что и в отношении кардинального пункта дела — заговора Темур Шо Хана вопрос оставался совершенно неосвещенным свидетельскими показаниями до признания самого Юсуф Алишо и очных ставок с ним обвиняемых, но в данном случае признаться ишан не мог, ибо был вполне уверен в скромности всех замешанных в его прежних преступлениях лиц. Таким образом, неустановленный материал можно считать лишь недоказанным и не опровергнутым.

Подводя итог изложенному материалу, считаю **ДОКАЗАННЫМ**:

1. Ишан Поршневский Саид Юсуф Алишо все время поддерживал дружественные отношения, хотя бы только личного характера с афганвластями, прямым и вполне естественным следствием чего явилось обращение к нему и другим шугнанским ишанам афганвластей с предложением поднять восстание на Советском Памире против Советской власти.
2. В конце апреля к ишану Поршневскому приезжал житель кишлака Башор Кадыр Тоибов с заданием от афганских властей подготовить Юсуф Алишо к приезду Темур Шо Хана.
3. Темур Шо Хан был послан в Советский Шугнан с целью поднять восстание военным министром Афганистана (сапасаларом) Надир-ханом.
4. Ишаны Шугнанские, в особенности Юсуф Алишо как человек честолюбивый, отнеслись к предложению Темур Шо Хана сочувственно, почему и не выдали целей Темур Шо Хана своевременно.
5. Отклонили предложение ишана Каттаганского Темур Шо Хана ишаны Шугнанские по двум причинам: а) из боязни скорого прихода на Зап.Памир вооруженного подкрепления из центра Туркестана, б) учитывая резко отрицательное отношение населения к Афганистану и приверженность населения к зарождающейся на Памире Советской власти.
6. Наиболее горячее участие в деле ишанов принимал Саид Юсуф Алишо, с которым и сносился Темур Шо Хан чаще, чем с другими ишанами, остальные же ишаны: Сеид Мавмуд-

шо и Саид Мурсаль, а также сын последнего Саид Асад играли менее видную роль в неудавшемся заговоре.

7. Житель кишлака В-Хорог Гулям Сафдар, проживавший ранее в Кабуле, равно как и житель кишлака Башор Шокуллобек, родственник Темур Шо Хана, были ближайшими помощниками последнего в организации в Советском Шугнани заговора в пользу Афганистана.

8. Халифа ишана Поршневого Исмаил Неккодамов, как родственник Шокуллобека, а следовательно, и Темур Шо Хана, надеясь в случае успешного результата заговора получить личные для себя выгоды во всем деле, принимал не менее активное участие, чем Саид Юсуф Алишо.

9. Сокибек Зибеков, равно, как и Назарбек Шокарбеков, были посвящены в заговор Темур Шо Хана всецело, но выступали лишь как преданные Саиду Юсуф Алишо люди, не проявляя в работе своей инициативы.

10. Ельчибек Раджабеков и Санг Мамад Устаниязов были посвящены в дело не всецело и не принимали в нем активного участия.

11. Таваккаль Деханов и Рауф Устаниязов в заговор посвящены не были.

12. Уполномоченный в Памиррайоне НКВД Пумпур Эрнест своим преступно доверчивым отношением в своей работе к Саид Юсуф Алишо, а также полнейшим нежеланием давать ответы по существу вопросов Особпункта в отношении своей работы, равно как и сочувственным отношением, выраженным перед ним Саидом Юсуф Алишо мнениям по поводу проведения в жизнь Сов. власти, способствовал успешной подготовке заговора.

13. Заместитель Пумпура Абдуль Вали Сагретдинов по отъезде Пумпура продолжал линию поведения, принятую Пумпуром, а потому

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Ишанов САИД ЮСУФА АЛИШО САИД ФАРУХШОЕВА, САИДА МАХМУДШО САИД МИЗРОБШОЕВА, САИДА МУРСАЛЯ, САИД АШРОФОВА, ХАЛИФА ИСМАИЛА НЕККОДАМОВА и САИДА АСАДА САИД МУРСАЛЕВА как виновных в активном участии в заговоре, организованном с целью уничтожения Советской власти на Памире афганвластями через ишана Каттаганского Темур Шо Хана, РАССТРЕЛЯТЬ, принимая во внимание нежела-

тельность применения на Западном Памире вообще, в отношении служителей религиозного культа в особенности, ЗАМЕНИТЬ ДЛЯ ИШАНОВ — САИД ЮСУФ АЛИШО САИД ФАРУХШОЕВА, САИД МАХМУДШО САИД МИЗРОБШОЕВА и САИД МУРСАЛЯ САИД АШРАФОВА, а также для САИД АСАДА МУРСАЛИЕВА (для последнего принимая во внимание его болезненное состояние) — РАССТРЕЛ — УСЛОВНЫМ РАССТРЕЛОМ, для ИСМАИЛА же НЕККОДАМОВА — пятилетним заключением в концентрационный лагерь.

2. СОКИБЕКА ЗИОБЕКОВА и НАЗАРБЕКА ШОКАРБЕКОВА как принимавших участие, хотя и пассивное, в заговоре и упорно не желавших признаться в своем преступлении, приговорить каждого к ТРЕХЛЕТНЕМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ В КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ.

3. ЕЛЬЧИБЕКА РАДЖАБЕКОВА, САНГ МАМАДА УСТАНИЯЗОВА как не сообщивших своевременно о заговоре и не сознавших о своей осведомленности о заговоре, приговорить к УСЛОВНОМУ ОСУЖДЕНИЮ В КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ СРОКОМ НА ОДИН ГОД.

4. ТАВАККАЛЯ ДЕХКАНОВА и ГАФУРА УСТАНИЯЗОВА за недоказанность обвинения — ОПРАВДАТЬ.

5. ГУЛЯМ САФДАРА ЛАШКАРБЕКОВА на случай его появления на территории Сов. Памира ОБЪЯВИТЬ ВНЕ ЗАКОНА.

6. Материал на ЭРНЕСТА ПУМПУРА и АБДУЛЬ ВАЛИ САГРЕТДИНОВА выделить для приобщения к делу за № 111 по обвинению Пумпура в содействии иностранному шпионажу на Памире и др. преступлениях.

7. Материал на САИДА МАХМУДШО МИЗРАБШОЕВА по подозрению его в принадлежности к англоразведке, так же как и материал по обвинению его слуги Паранда, и материал о контрреволюционных сношениях с Дарвазом передать для дальнейшей разработки осведомительной сетью ХПОП.

8. Лошадей, подаренных Темур Шо Ханом САИДУ ЮСУФУ АЛИШО, САИДУ МАХМУДШО и САИДУ МУРСАЛЮ, КОНФИСКОВАТЬ и передать в распоряжение Западно-Памирского Райисполкома.

9. Дело сдать в архив ХПОП.

Уполномоченный Особотдела Туркфронта и охраны границ Туркеспублики на Памире

(ДЬЯКОВ)

Примечание: Подлинник постановления находился в архиве КГБ Таджикистана.

Один из фирманов Ага Хана

Перевод с персидского

Во имя Великого Господа!

Всем честно верующим, всем подчиняющимся, всем уважаемым и любимым, проживающим в Шах-Даре, Сучане, Гунте, Воваре, Башоре, Нимдага, Виоре, Дармарахте, Горане, Ишкашине, Даршоре, Зебаке, на территории Читрала, Лутку, Кошти, Малах-Даште, Яркенде и всем другим честно и крепко верующим, мужчинам и женщинам, малым и великим, молодым и старым, пребывающим в милосердии Великого Господа, создающего мир, здоровье и веселую жизнь, я постоянно в отдаленности Вас вспоминающий, вечно о Вас думающий и заботящийся.

Надеюсь, что и Вы тоже в своем старании как крепко и честно верующие не забываете о любви друг к другу, так и повсюду не забываете обо мне.

И если Вы поддерживаете любовь и веру, как поддерживали Ваши поколения — то Вы достигнете своих великих желаний мира. Если Вы делаете в этом мире добро, то в загробной жизни Вы достигнете также прекрасных результатов, ибо этот мир есть только посевное поле того мира, который существует постоянно в вечной жизни, т.е. Ваше деяние — как посев, Вам даст прекрасный плод урожая в раю. А если ваши деяния в этом мире будут плохими, то Ваш плод урожайности также будет плох и Вы очутитесь в аду. Дехканин, сеющий пшеницу ранней весной, получит осенью много пшеницы, а дехканин, пахущий землю и не бросающий в нее никакого зерна, осенью не получит ничего, несмотря на то, что он вложил труды.

Предупреждаю Вас, чтобы Вы в этой жизни делали все то, что хорошо, уничтожайте среди себя враждебные деяния, не нападайте друг на друга. Одним словом, чего не желаете себе, не делайте другому лицу. Живите между собой как родные братья, любите друг друга. Если Вы делаете все добро и хорошо, то Вы будете как в этом свете, так и на том свете подыматься до самого высокого уровня перед лицом божьим до Великого места в раю.

В настоящее время благополучно прибыли сюда Карамшо и Нажмудин, имея с собой прошение от населения и зякет. Они до-

стигли Великого Порога и выяснились все обстоятельства о тех, кто крепко и честно верует, злодеяние и дьявол у которых не мог нарушить истинной веры, охраняемой господом.

* * *

Данное время является концом мира и дьявол как дикий, так и людской является уничтожить веру и религию. Всем верующим надлежит постоянно молиться и делать доброту в религиозных действиях и всегда просить бога, чтобы он своей милостью охранял Вас от всякого злодеяния и, главное, вы не должны чинить никому ни зла, ни вреда, относиться ко всем хорошо, как свои родные братья, и этими действиями, повторяю, вы достигнете наивысшего уровня как в этой пятидневной жизни, так и вечной — постоянной, загробной и будете спасены от всякого зла. Кроме того, в прошении указывалось о назначении Саидахмат Шо на место покойного отца его — ишаном. Объясняю, что два года тому назад сам Карамшо был здесь с заявлением о назначении Саидахмат Шо, но так как тогда здесь были с заявлением и зякетом о назначении ишаном Саид Джелалетдин Хусейнова, брата покойного Ходжабадала и имели с собой в подтверждение еще несколько письменных заявлений от Горно-Бадахшанского населения, в силу чего повеление Великого вышло на имя Сеид Джелалетдин Хусейнова. По поводу Саидахмат Шо был такой приказ: он малолетний и поэтому не может обслуживать население и выполнять те поручения, которые возлагает на него религия. Близко находящемуся к нему населению поручается воспитать его и, как только подрастет он до известных годов, он будет назначен на место своего отца.

Теперь, принимая во внимание ваше единогласное заявление о назначении Саидахмат Шо на должность его отца и благополучия услуги покойного Ходжабадала, делаю милость и соизволяю назначить Саидахмат Шо на эту высокую должность. Надеюсь, что все верующие будут признавать Саидахмат Шо заместником своего отца и выполнять все то, что будет поручаться. Вы же Муки Саидахмат Шо, подумайте о тех услугах, которые оказал населению Ваш отец, обучайте население религиозным обязанностям. Относитесь к ним с добром, выполняйте все то, что будет Вам поручаться с согласия почетных лиц, т.е. с теми лицами, которые близко стоят к Вам и к нам.

В будущем приезжать в Индию никому не разрешаю, как это было до сих пор — приносили зякет или просто приезжали повидаться. Исключение для причин приезда могут составлять только важнейшие вопросы, которые на месте никто не может разрешать,

и то приезд разрешается только двум лицам, самым добрым, вместе с ишаном.

Зякетные деньги разрешаю посылать почтой из г. Читрала или Гильгита, откуда вы будете получать приказы и расписки в получении зякета.

Кроме того, Муки Саидахмет Шо, вам поручается приказать своим мюридам, чтобы в каждом населенном пункте были открыты школы с охватом всех детей, где бы занимались религиозными науками.

Надеюсь, что все честные и крепко верующие Великой Религии с большими радостями будут выполнять все пункты настоящего Великого приказа и не сойдут никогда с открытого и прямого религиозного пути.

В месяц Мухарам 1353 года.
Печать “Султан Мухаммад”

Примечание: Ага Хан рассматривал Северо-Западную Индию, Кашгар и Бадахшан как единое целое, считая их своей спархией.

В фирмане содержится и инвеститура на 12-летнего Саидахмад Шо, благословляющего его на исполнение обязанностей муккипири. Фирман относится к 1933/34 г.

История борьбы Шугнана, написанная собственноручно Мамадалишо Юсуфалишоевым

Перевод с персидского

Приблизительно в 1170 г. (середина XVII в.) по магометанскому летоисчислению в Памирском Шугнанае был шахом Амирбек, который являлся большим тираном и через каждый год направлял своих приближенных людей по кишлакам. Последниe забирали от населения, не разбирая классовости, малолетних детей, мальчиков 10-летнего возраста, девочек 14-летнего возраста, таким образом, забранных детей приводили к шаху Амирбеку, который, в свою очередь, передавал купцам для продажи их, т.е. малолетних детей,

короче говоря, работорговцам. Реализация вышеуказанных производилась в городах: Яркенд, Кашгар, Сарыкол — Западный Китай; также продавали по городам: Кабул — Афганистан, Читрал — Индия и Коканд — Туркестан. На вырученные деньги от продажи живого товара работорговцы покупали: чай, пиалы, мануфактуру, ичиги и сапоги. Все это доставлялось шаху Амирбеку.

Насилие шаха доходило до такой степени, что, например, один человек имеет хорошую лошадь, а другой человек имеет красивую жену, и вот захотелось шаху во что бы то ни стало овладеть данной лошастью, для чего он посылает своего приближенного купить лошадь, на что владелец лошади отвечает: продать я ее не прочь, но на вырученные деньги, если шах сделает одолжение, т.е. поможет купить красивую женщину некого человека. Шах тут же забирает лошадь и ставит ее к себе в конюшню и посылает нарочного, чтобы некий человек выдал своей жене развод, как бы ни тяжело — муж выдает ей развод. Нравится ли он ей или нет, на это внимания не обращалось. На почве угнетения и притеснения люди совершали преступления, как-то: отец убивал сына, сын — отца, брат — брата.

Царствование шахов, т.е. первый шах был Худойдод и последний шах — Шах Юсуф Алихан, промежуток коих исчисляется в 150 лет. В это время королем Афганистана являлся Эмир Абдурахман Хан, проживал в гор. Кабуле, последний направил в Каттаганскую провинцию и Бадахшанскую Шир Дильхона по должности луи ноб и сардара Абдуллоджона по должности ноиб уль-хукума (губернатор). Центром Каттагано-Бадахшанской провинции, сардаром Абдуллоджаном был избран гор. Ханабад, где и был губернатором. Спустя несколько времени губернатор, т.е. сардар Абдуллоджан, предложил карнаэлю с десятью солдатами поехать в Шугнан к шаху Юсуф Алихану с тем, чтобы последний прибыл к нему, т.е. губернатору, для личной беседы, после чего может обратно вернуться в Шугнан. Шах Юсуф Алихан, поддавшись уговору карнаэля, прибыл в гор. Ханабад, где был оставлен, до прибытия своей семьи из Шугнана, в доме губернатора сардара Абдуллоджана. Часть солдат была направлена в Шугнан за семьей шаха Юсуф Алихана, солдаты семью его в Кала-й-Бар-Пяндж Шугнана не нашли, она уже успела переселиться в Бартанг, откуда они намеревались перебраться в Мургаб, после чего решили выяснить положение шаха Юсуф Алихана. Если афганское правительство Юсуф Алихана вернут в Шугнан Кала-и-Бар-Пяндж, то мы, его семья, вернемся обратно на место своего жительства, в случае задержки афганским правительством шаха Юсуф Алихана мы переселимся в сторону Коканда или же перейдем на китайскую территорию.

Со стороны прибывшего карнаэля с солдатами в Шугнан Кала-и-Бар-Пяндж было написано письмо на имя жены шаха Юсуф Алихана о том, что “я из Ханабада возвратился в Шугнан Кала-и-Бар-Пяндж, прошу вас вернуться к месту постоянного жительства”, и в конце письма была приложена личная печать шаха Юсуф Алихана.

Письмо было направлено алякдару Бартанга для передачи жене шаха, последняя, прочитав вышеуказанное письмо, убедилась, что от мужа, приехала со всей семьей в Шугнан Кала-и-Бар-Пяндж, где афганскими солдатами были арестованы и этапированы в гор. Ханабад, откуда вся свита, семья и сам шах Юсуф Алихан были арестованы, закованы в цепи, на ноги были одеты колодки и направлены в Кабул.

Таким образом, шах Юсуф Алихан поцарствовал в течение 30 лет, в возрасте 65 лет афганским правительством был арестован и, просидев в тюрьме 5 лет, был расстрелян совместно с сыновьями по имени Амирбек, Куботхан, брат — шейх Сулейманхан.

Так, афганское правительство в Шугнано просуществовало 2 месяца. Родственник шаха Юсуф Алихана — Акбархан проживал в дарвазском алякдарстве, узнав, что шах Юсуф Алихан арестован, а его имуществом завладели афганцы, он сколотил из населения Дарваза войско и направился воевать против афганцев, находящихся в Шугнано, дойдя до Шугнана, Акбархан привлек на свою сторону жителей Шугнана и пошел на Шугнан Кала-и-Бар-Пяндж, всего было 50 человек афганских солдат, которые просили дать срок эвакуироваться в Афганистан. Просьба была удовлетворена Акбарханом и он им дал срок 6 дней, после чего афганские солдаты эвакуировались в Афганистан в гор. Файзабад. Таким образом, Акбархан стал шахом Шугнана Кала-и-Бар-Пяндж и просуществовал около 4 — 5 месяцев как вор-правитель. Афганское правительство двинуло много войск на Шугнан, последние, не приняв боя, разбежались, часть в Дарваз, а часть в сторону гор. Коканда и гор. Ош; когда афганцы овладели Шугнано, то из населения шугнанцев никого не было. В течение от 1 — 3 лет сбежавшие из Шугнана стали возвращаться по своим кишлакам. Завоеванная Афганистаном территория Шугнана осталась за ним.

До появления шахов в Шугнанском алякдарстве население жило как дикари, это объясняется тем, что средства продвижения, а самое главное — бездорожье заставляло население жить замкнуто. В тот период отсутствовали в обращении деньги, широко применялась меновая торговля, также в культурном отношении были отстающие. Через некоторое время стали выбирать правителя, наподобие хакима, и присваивали звание “шах”, каковой имел неограничен-

ную власть, право убивать, продавать как раба. Шах, со своей стороны, назначал с каждого кишлака по 1 аксакалу, население родственников аксакалов называли “акобиром”.

Тех лиц, которые прислуживали шаху, называли пиром.

До шахов существовало звание “саид” (ишан), каковое имеется до сих пор в восточных государствах, эти лица пользуются особым уважением.

Принятие звания “саид” — это значит, что саид является потомком и родственником МАГОМЕТА, а МАГОМЕТ — это пророк ислама. Саиды секты исмаилитов являются исторически более древними, нежели шахи и государство. С появлением проповедника саида Хосыр Хисрау в Шугнани последним была проведена агитация по вовлечению населения в веру исмаилизма и им же назначались ишаны. До саида Носыр Хисрау население Шугнана поклонялось 12-ти имамам, но с появлением его и проводимой агитации население Шугнана стало признавать религию исмаилизма.

Спустя 150 лет после смерти саида Носыр Хисрау стали появляться шахи.

При владычествании Афганистана в Шугнани притеснение и издевательство было в ходу. Был арестован саид Мансур Саид Исаев, происходит из Поршнева-Шугнан, с ним репрессировано несколько человек. Саид Исаев сбежал с 2 — 3 заключенными из тюрьмы и через Гунд пошел в гор. Ташкент.

Население Гунда, Шохдара и Поршнева выдали удостоверение Саид Мансуру о том, что он выбран представителем, кроме того, ему вручили заявление для передачи генерал-губернатору гор. Ташкента. Последний, со своей стороны, оказал помощь посылкой на Памир войсковой части под командованием одного полковника (имя, фамилия неизвестны) через гор. Ош на Памир. Было столкновение между русскими солдатами и афганскими солдатами, последние отступили и переправились через реку Пяндж и остановились на исходном положении в Кала-и-Бар-Пяндж. Русские войска захватили Шугнан и обосновались в кишлаке Хорог, начали заниматься строительством домов и казарм своими силами. Полковник заявил афганским властям, что отныне река Пяндж будет считаться границей России. Завоевание Памира Россией можно отнести к 1890 — 1900 гг.

Как началась Октябрьская революция, войска Памира с оружием перешли через Вахан на территорию Индии — Читрал с полковником Фениным, забрав с собой орудие, пулеметы. Полковник Фенин до 1931 г. работал зав. электростанцией в гор. Бомбей. После того, как царские войска в начале 1918 г. эмигрировали в Индию, гор. Читрал, население Шугнана выбрало Мухамеда Амира

Абдуллаева хакимом гор. Хорога, в его подчинении было несколько добровольцев — милиционеров.

Духовенство, ишаны, воспользовавшись безвластием, написали письмо эмиру бухарскому, группа ишанов, куда входили: ишан Саид Махмуд Шо, ишан Саид Марсал, ишан Мирзо Исмоил и мингбаши Азизхан, вышеуказанное письмо передали Тавакал Дехканову, который поехал в Дарваз и откуда привел одного бухарца с несколькими дарвазцами в Шугнан, где он был принят как представитель бухарского эмира, и что, мол, эмир бухарский его утвердил правителем Шугнана — “миром”.

Поскольку население Шугнана было отсталым в культурном отношении, они поверили кучке провокаторов ишанов, что прибывший бухарец из Дарваза является посланцем от эмира бухарского — не существует, что существует Бухарская Народная Советская Республика. Так и была обманута беднота Шугнана кучкой духовенства — ишанов, мулл и байства.

После того, как из Дарваза прибыл бухарец в Шугнан и был принят населением как мир-чиновник бухарский, в это время в крепости Хорог находился отряд в 80 человек милиции под руководством Мухамад Амир Абуллаева, Ашратшо Кирманшоева и некого Карабоса.

Указанный доброотряд милиции присоединился к указанному бухарскому миру и сложил оружие. Капитуляция доброотряда милиции произошла по следующей причине: ишан Саид Марсал мобилизовал своих мюридов из Гунта в возрасте от 15 до 70 лет, собрал отряд человек 300 — 400, ишан Саид Махмудшо набрал своих мюридов человек 1000 — 1500 и мингбаши Азизхан также собрал большое количество людей, таким образом, было создано ополчение, в несколько раз превышающее силы доброотряда милиции. Ишан Саид Юсуф Алишо оставался нейтральным между доброотрядом милиции и миром бухарским, поэтому доброотряд милиции, не имея никакой помощи внутри и извне, пошел на капитуляцию перед миром бухарским.

После капитуляции доброотряда милиции мир бухарский стал приближенным своим людям присваивать чины бухарского эмирчиновничества: джибачи, караул беги, мирохур, от коих брал взятки, согласно присвоенного чина от 300 до 500 рупий. Кроме того, само население, а также мюриды ишана Саид Марсал и Саид Махмудшо давали взятки миру бухарскому, чтобы получить какой-либо чин эмирата. После получения взяток он щедро раздавал чины. Тавакал Дахканов, как близкий человек мира бухарского, получил чин “дивонбеги”, что касается ишана Юсуф Алишо Фаррухшоева, то он, как нейтральная личность, никаких чинов не получил, ибо он был

противником мира бухарского, также и его мюриды оставались верны ему.

Весной 1919 г. доброотряд милиции пошел к ишану Юсуф Алишо, где имели беседу и поклялись кораном, что они будут бороться против мира бухарского, ишан также сказал, что “я совместно со своими мюридами буду также оказывать вам помощь против мира бухарского”.

Летом 1919 г. ишан Саид Махмудшо, проживающий в Шах-даре, пригласил к себе на квартиру в гости мира бухарского, последний просьбу исполнил, т.е. пришел к нему в гости. Доброотряд милиции использовал этот момент, собрали имеющиеся винтовки, шашки, кинжалы, а часть вооружилась палками и топорами и двинулась на штурм крепости Хорог. Штурм продолжался с 9 часов утра 15/V — 1919 г. и до 6 часов вечера 15/VI — 1919 г.

Завладев крепостью Хорог, стали готовиться к выступлению против мира бухарского. Вдохновителями штурма и выступления являлись: ишан Юсуф Алишо, Мухамед Амир Абдуллаев, Ашратшо Кирманшоев и Абдуназар (ф.н.).

Доброотряд милиции и ишан Юсуф Алишо со своими мюридами находились в крепости Хорог, а мир бухарский, ишан Саид Марсал и ишан Саид Махмудшо находились за городом и вели между собой парламентерские переговоры, чтобы не было кровопролития. В конечном счете, цель ишана Саид Махмудшо и ишана Саид Марсала сводилась к тому, чтобы перетянуть ишана Юсуф Алишо на свою сторону и устранить его от доброотряда милиции, а последних в количестве 80 человек передать в руки мира бухарского. Ишан Юсуф Алишо, выдвинул следующие условия мира: чтобы мир бухарский возвращался туда, откуда он пришел, т.е. в Дарваз, воевать с вами не желаю, нужно выбрать человека из Шугнана, чтобы он правил до прихода русских, что Шугнан является территорией (Шугнана) России.

Ишан Саид Махмудшо и Саид Марсал с выставленными условиями ишана Юсуф Алишо не согласились, поэтому вышеуказанные и минбаши Азизхан, побеседовав между собой, написали письмо на имя кефтона крепости Кала-и-бар-Пяндж (Афганистан), в письме говорилось о том, что эмир Бухарский и король Афганистана являются оба мусульманами и одного вероисповедания, а русские являются кафирами. Мы желаем, чтобы мусульманство процветало, чтобы они же и правили государством, но проводимым нашим мероприятиям мешает ишан Юсуф Алишо, который с группой милиционеров ожидают прихода русских и установления русских порядков и власть передать им в руки, что противоречит нашим желаниям.

В письме указывалось, что одно письмо нужно направить эмиру бухарскому, а адресованному лично вам кефтону удовлетворить нашу просьбу, если возможно, окажите нам помощь.

В ответ на это письмо кефтоном было написано письмо лично ишану Юсуф Алишо, содержание письма гласило, что нужно согласиться быть в подчинении, т.е. принять гражданство мира бухарского, что я, кефтон, прибуду в Шугнан с помощью для ишанов Саид Махмудшо и других.

Ишан Юсуф Алишо понял, что содержание письма является дипломатическим подходом, в действительности же афганское правительство не даст согласия оказания помощи другим государствам. Ишан написал ответное письмо кефтону, что если он желает воевать, то пусть с войсками перейдет на территорию России. Кефтон увидел, что ничего от этого не получается.

Ишан Саид Махмудшо написал письмо бухарскому эмиру с просьбой об оказании помощи, данное письмо было передано жителю кишлака Поршнев-Кушкар (ф/н) для доставки в Бухару с напарником (имя, фамилия неизвестны), когда они дошли до Рушана, то их остановил шах Абдул Гияс-хан, последний являлся сторонником ишана Юсуф Алишо, узнав, что Кушкар идет в Бухару и цель его, он пригласил его к себе в гости и вечером, под разными предложениями, велел показать ему письмо, когда Кушкар ему дал письмо, он просмотрел его и вместо содержания — вложил чистые бумаги и, запечатав конверт, передал Кушкар, последний двинулся в путь, в Бухару. Дойдя до Дарваза, он решил проверить письмо, при проверке оказалось — вложены чистые бумаги, поэтому он возвратился обратно в Шугнан. Кефтон крепости Кала-и-Бар-Пяндж направил письмо эмиру бухарскому, которое было прислано ишанами Саид Махмудшо и ишаном Саид Марсал. Письмо до места назначения не дошло, так как уже стало известно о бегстве эмира бухарского из Бухары.

Ишан Юсуф Алишо совместно с Мухамед Амиром, побеседовав, вызвали некоего русского Вайчич, находящегося в то время в Вахане, каковой прибыл в гор. Хорог и стал находиться в крепости. Ишаны Саид Махмудшо и Саид Марсал потерпели поражение, и их мечта о вооруженном выступлении против гарнизона крепости Хорог — не сбылась.

Спустя дня 2 — 3 Вайчичем был арестован мир бухарский, который находился под стражей в крепости Хорог в течение 2-х месяцев, после был выдворен обратно в Дарваз.

Мятеж мира бухарского с ишанами Саид Махмудшо и Саид Марсалом против доброотряда милиции продолжался с апреля месяца по конец ноября месяца. Победителем вышел Вайчич.

Правителем Шугнана был выбран Вайчич, мир Салмон из Вахана и Абдулла Мухамед Амир, каковые правили около полтора года. Доброотряд был создан из жителей Хорога, Шахдары, Гунда и

других кишлаков. Вышеуказанные правители имели беседу с ишаном Юсуф Алишо по поводу посылки нескольких доброотрядов в гор. Ташкент для привода советских войск на помощь.

Представителями от Памира поехали Валдаш, Замон Нагзибеков, Бозича Мухамед Касымов и другие. Ходоки-представители в гор. Ташкенте задержались около 6 мес., пока не был решен вопрос об оказании помощи Памиру, после чего представители с советскими войсками прибыли в гор. Хорог, начальником в тот период был Семькин, спустя несколько времени Семькин поехал на Восточный Памир, где он брал много взяток, возвратился в гор. Хорог, откуда имел намерение сбежать в гор. Ташкент, боясь быть разоблаченным жалобами дехкан Восточного Памира. Оставив на своем месте начальником тов. Аркаш, забрав с собой человек 20 — 30 красноармейцев, поехал по направлению Дарваза, где в Дарвазе имел столкновение с басмачами, видя, что не устоит, послал представителя на афганскую территорию — крепость Нусай со взяткой на имя хакима, чтобы последний пропустил его с отрядом на афганскую территорию, откуда он мог бы возвратиться обратно в Хорог. Получив разрешение, Семькин с отрядом перешел на афганскую территорию, доехав до Рушанского альякадарства, переправился на советскую территорию.

Узнав обо всем этом, Аркаш выслал отряд встретить Семькина с отрядом в Рушан. Семькин со своим отрядом был арестован и доставлен в гор. Хорог, откуда арестованные были этапированы через Мургаб в гор. Ташкент, после чего Аркаш был утвержден начальником крепости Хорог, на этой должности он проработал около полтора или два года. Аркаш был крепко связан с байством и ишанами, об этом стало известно Ташкенту, откуда в Хорог приехал начальник Особого Отдела Дьяков, несколько человек уполномоченных и с ними был Шотемор Шириншо. Прибывшие арестовали Аркаша и, посадив его на ишака, этапировали в Ташкент через Восточный Памир — Мургаб.

До прихода нач. Особого Отдела Дьякова в Шугнани не было Особого Отдела, а также не было с/советов, а власти были старые: аксакалы, мингбаши, кази и арбобы.

С приходом начальника Особого Отдела Дьякова и Шотемор Шириншо и после ареста Аркаша старые чиновники были упразднены и была создана советская власть, на местах сельсоветы, национализация земли, распределение байских земель малоземельным дехканам, открыты были школы для детей бедноты, раскрепощение женщин, установление равных прав мужчин и женщин.

Приблизительно в 1921 г. из Афганистана — гор. Гури, на советскую территорию прибыл ишан Темур Шо Хан Саид Гаухара-

монов в местности Шугнан, где устроил совещание среди ишанов, на совещании говорил, “что меня направило афганское правительство и военный министр Надыр-хан, т.е. уполномочил провести подготовку борьбы против Советской власти, что оружие и боеприпасы будут представлены афганским правительством, на что вы должны подготовить своих мюридов”. В виде подарков были преподнесены лошади ишанам Саид Юсуф Алишо, Саид Махмудшо и Саид Марсалу.

Ишан Темур Шо Хан поехал в гости в Шахдару к ишану Саид Махмудшо, где имел беседу, куда из Гунда прибыл ишан Саид Марсал. На другой день при беседе с ним говорил: “что меня уполномочил военный министр Афганистана Надыр-хан провести работу, т.е. устроить ”мятеж для свержения советской власти”. Ишан Юсуф Алишо ему ответил: “что вы возвращайтесь в Афганистан, а мы, ишаны, посоветуемся и свое мнение сообщим вам”, после чего ишан Темур Шо Хан возвратился в Афганистан и прожил в доме Шокуллобека 10 дней в кишлаке Башор.

Ишан Юсуф Алишо совместно со своими приближенными выехал в кишлак Дашти-Шахдара, куда к нему приехал ишан Саид Махмудшо из кишлака Тавдым, также пришел ишан Саид Марсал со своим братом ишаном Мирзо Исмаил, а последний с сыном Саид Асадом из кишлака Сучана. Кроме вышеуказанных, на совещании присутствовали: халифа Исмаил Неккадамов, Сакибек Зиябеков, Назарбек Шакарбеков, Санг Мамад Усто Ниязов и Ельчибек Раджабеков, также были сыновья ишана Саид Махмудшо, Муталлиб халифа Таиб также было и население данного кишлака.

Все четыре ишана находились в вышеуказанном кишлаке 2 дня и все совещались, после чего написали письмо ишану Темур Шо Хану, что “мы решительно отказываемся бороться против Советской власти и этого сделать не можем, т.е. поднять восстание”. Это письмо было поручено отнести участникам совещания Исмаил Неккадамову и Сокибек Зиябекову к ишану Темур Шо Хану, находящемуся в афганском кишлаке Башор. Письмо последним было прочитано и, ничего не ответив, выехал в гор. Гури.

Начальник Особого Отдела Дьяков, узнав о совещании вышеуказанных ишанов и присутствующих лиц, произвел арест, просидели под стражей 20 дней и были приговорены к одному году. Спустя 1 год Дьяков уехал, а на его место начальником Особого Отдела вступил Островский. Ишаны, находясь под стражей 20 дней, были освобождены, а их приверженцы приговорены к 1 году заключения.

Вышеуказанную историю о Шугнани написал пир Мухамед Алишо Саид Юсуф Алишаев. Написано по афганскому летоисчислению 1319 г. Магометанское летоисчисление 1359 г. и по европейскому летоисчислению 1941 г. 17 февраля.

ФРАГМЕНТЫ
НЕОПУБЛИКОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ
О ПАМИРСКОМ ИСМАИЛИЗМЕ,
ОТНОСЯЩИЕСЯ К 40-м г. XX в.
(отличительные черты, обряды, обычаи и т.д.)

История исмаилизма берет свое фактическое начало со времен проповедника ислама — пророка Мухаммеда, тогда как в религиозном изложении это начало вытекает от сына первого человека Адама (библейский Сиф), в которого якобы и воплотилось “божество”. Последнее путем перевоплощения, путем перехода в телесную, человеческую оболочку, вылилось, в конечном счете, в существование почитаемого и до настоящего времени исмаилитами сверхчеловека, “живого бога” — Ага-Хана.

Среди исследователей исмаилизма по вопросу родового начала имамата исмаилитов существуют различные мнения, не лишённые разногласий.

Одни считают, что из двух имевшихся у шестого по счету имама шиитов Джафари-Садыка сыновей — Мусои-Казыма и Исмаила, старшим был второй, который и стал после смерти отца наследственным имамом и от него происходит весь род имамов-исмаилитов, вплоть до последнего имама, ныне живого и самого живого “бога” Ага Хана (Султан Мухаммед Шо).

Другие утверждают, что старшим сыном Джафари-Садыка был Мусои-Казым, который и должен был унаследовать имамат. Однако сам Джафари-Садык якобы этого не хотел, так как Мусои-Казым не имел детей, а, следовательно, и не мог иметь будущего в родовой наследственности.

Перед смертью Джафари-Садык будто бы сделал Мусои-Казыму заявление о том, что, хотя он и вынужден оставить ему как старшему сыну завещание на имамат, но имамом он хотел бы видеть младшего сына Исмаила. Это предсмертное устное заявление Джафари-Садыка и послужило для исмаилитов основанием считать своим имамом после смерти Джафари-Садыка его младшего сына ИСМАИЛА.

Существует даже легенда о том, что в споре за вступление на имамат Мусои-Казым и Исмаил устроили своеобразное соревнование, победитель которого должен был стать наследственным имамом. Они посетили находящийся в Мекке храм божий — Каабатула, где на некотором расстоянии от земли висит священный камень — хаджаруль-асвадж, спущенный якобы с небес самим Аллахом. Тот из соревнующихся, кто достал бы этот камень рукой, становился имамом. Победил Исмаил, хотя он по преданию был ниже ростом, чем Мусои-Казым.

Из этих двух существующих мнений по вопросу истории родовой наследственности имамата второе более логично и подтверждается тем, что имамом после смерти Джафари-Садыка стал все-таки Мусои-Казым, которого шииты и считают седьмым имамом среди двенадцати, признанных ими наследников Мухаммеда. А Исмаила и его приверженцев мусульмане шиитского и суннитского толков и поныне считают, если можно так выразиться, богоотступниками, не пошедшими общим путем со всеми мусульманами. За Исмаилом в мусульманском мире даже утвердилась кличка — “дари”, что в переводе означает богоотступник.

Таким образом, отколовшаяся от шиитов в VIII в. н.э. часть сторонников Исмаила стала называть себя исмаилитами. Это секта, возникшая в результате борьбы за вступление на имапат и существующая параллельно с другими сектами в исламе; секта со своим своеобразием и своей догматикой, идущей вразрез с общепринятыми и исповедуемыми всеми мусульманами догмами, а особенно догматикой господствующих толков суннитов и шиитов. Этим и объясняется такая нетерпимость мусульман господствующих толков к исмаилитам и конспирация последними своего учения.

СУЩНОСТЬ ИСМАИЛИТСКОГО УЧЕНИЯ

За основу основ своего учения исмаилитами, наравне со всеми мусульманами, выдвигается вера только в бога и его последнего пророка Мухаммеда. Первая фраза, которую произносит исмаилит и которая определяет его отношение к религии, гласит: “ла илаха иллаллаху мухаммедан рассулулла”, что означает: “Нет бога кроме бога, и Мухаммед его пророк”.

Помимо этого исмаилиты веруют в существование 88 имапов, которые берут свое начало от первого человека Адама и путем преемственности снизошли до ныне здравствующего в Бомбее “живого бога” — Ага-Хана (Султан Мухаммед-Шо).

Начиная с Исмаила имамами были: Шо-Исмаил, ибн-Мухаммед, ибн-Риза Ахмед, ибн-Вафи, ибн-Махди, ибн-Мансур, ибн-Мукыр, ибн-Мааза, ибн-Тахир Хусейн, ибн-Мустанзир, ибн-Муста Низор, ибн-Джалаялетдин, ибн-Зияэтдин Мухаммад, ибн-Джалаялетдин Хасан, ибн-Аляэтдин, ибн-Шамсутдин-Мухаммад, ибн-Хур-Шо, ибн-Муэмин-Шо, ибн-Касым-Шо, ибн-Аляэтдин, ибн-Касым-Шо, ибн-Халил Джалаялетдин, ибн-Мустанзир, ибн-Салям-Шо, ибн-Амодил Аквалдын, ибн-Салям-Шо, ибн-Мустанзарбилло, ибн-Салям-Шо, ибн-Касым-Шо, ибн-Муэмин-Шо, ибн-Мухаммад, ибн-Нур Али, ибн-Шо-Гариб Мирзо, ибн-Шо-Мурад, ибн-Шо-Зульфи-

кар, ибн-Шо-Халиулло, ибн-Шо-Нурильдяхер, ибн-Шо-Низор, ибн-Шо-Сеид Али, ибн-Шо-Сеид Хасан, ибн-Абуль Касым, ибн-Шо-Абул Хасан, ибн-Шо-Халиулло, ибн-Шо-Сеид Хасан Али, ибн-Ага Али-Шо, Султан Мухаммед-Шо (Ага-Хан).

Султан-Мухаммед-Шо (Ага-Хан) верующими исмаилитами считается не только потомком Али (внука пророка Мухаммеда), но и живым воплощением божества, “живым богом” на земле, что и пропагандируется приближенными к Ага-Хану людьми.

На первый взгляд кажется странным, что исмаилиты, фанатически верующие только лишь в единого бога — Аллаха, чтят и “живого бога” — Ага-Хана. Но это противоречие становится понятным, если принять во внимание то обстоятельство, что подавляющее большинство верующих исмаилитов неграмотно. В их религиозном представлении Адам и пророк Мухаммед были посланцами Аллаха на земле, были, если можно так выразиться, и материальны, и божественны, но все-таки людьми.

Исмаилиты полагают, что посланцы бога не могут существовать как нечто неодушевленное. Отсюда их страстное желание видеть главу своей секты как обожествленного человека, могущего дать им за их послушание рай на том свете.

Заглавное изречение Корана — “Нет бога, кроме бога”, произносимое всеми мусульманами, в тайном толковании исмаилитов не имеет ничего общего с общепринятым изречением. Для исмаилитов это изречение служит ключом, при помощи которого они аллегорически, иносказательно, абстрактно и выводят свою догматику, идущую вразрез с общепринятыми и исповедуемыми догмами мусульман.

В целом учение исмаилитов сводится к философии о боге и душе, которая недоступна полному пониманию не только самих верующих, но и их духовных руководителей, подчас малообразованных ишанов и халифа.

Веруя в священную книгу Коран (различитель добра и зла), исмаилиты считают, что истинный, настоящий смысл его для них представляет непостижимую тайну и понятен только самому Аллаху и его пророку Мухаммеду. Исмаилит же обязан лишь верить в бога, знать молитву “Пир-и-Шо” и выплачивать закот*, иначе ушр.

Причем внешнее, показное исполнение обрядов чужой религии, равно как и подчинение той или иной власти, не осуждается: лишь бы исмаилит в душе признавал своего “царя верующих” и

* То есть зякет.

находился в полном слепом подчинении ему, доказывая свою преданность выплатой закота.

Эти две основы: внешнее, показное подчинение и тайное внутреннее признание только лишь своего “царя верующих”, “живого бога” Ага-Хана дают возможность исмаилитам мирно уживаться как с любой религией, так и с атеизмом. От этого мировоззрение исмаилита не нарушается и не изменяется.

Основоположники исмаилизма, философы Востока, привлекая на свою сторону ученых и талантливых людей, путем целой системы всякого рода испытаний, с большой осторожностью и осмотрительностью вербовали в свои ряды наиболее преданных и способных к восприятию их учения людей. Только в кругу посвященных был известен тайный смысл учения.

Для всех же остальных верующих, еще не уяснивших вполне и правильно содержание философского трактата, понимание которого давалось не сразу, преподавалось слепое подчинение главе секты исмаилитов, их “живому богу”. Этим и объясняется та неограниченная тайная власть исмаилитских имамов, которая путем подтасовки фактов и обманного перевоплощения в “божество” традиционно поддерживается среди исмаилитов и в настоящее время.

Все исмаилиты верят в существование рая, путь в который нелегок. Философские трактаты исмаилизма по этому вопросу при объяснении верующим сводятся исмаилитскими имамами и их приспешниками ишанами и халифа к следующему: понятие рая объясняется как прекрасный сад с чудесными и вкусными плодами, но он скрыт от всех занавесом и войти в него могут только достойные.

Понимается, что под видимым значением слов Корана, как за занавесом, скрывается их тайный смысл — духовный рай исмаилитов. Чтобы войти в рай, необходимо пройти определенный путь.

Он включает в себя тарикат — искание входа в рай. Поиск истины, проявление при этом рвения и старания является уделом вновь посвящаемых; хакикат — нахождение и вхождение в рай, когда человек, нашедший вход в рай, ошеломлен открывшимися перед ним прелестями. Это понимается как раскрытие истины. И, наконец, маарифат — это достижение полноты представления, когда человек, нашедший рай, уже вкусил его прелести и осознал их. Такое достижение — это уже путь посвященных, путь полного понимания истины и удовлетворения понятой истиной Корана, скрытой от взоров недостойных, что может быть достигнуто только путем абстрактного толкования.

Дальше уже поясняется, что Ага-Хан есть сам “живой бог”, в котором пребывает дух Али и пророков и что он, как бог, существует в настоящее время и будет существовать до страшного суда, куда

явится уже не в виде имама, а в виде казия и потребует отчет о деяниях человечества и каждому воздаст должное по его заслугам, то есть предоставит рай или ад.

Если учесть, что понять или вкусить потустороннюю, духовную и несуществующую истину Корана невозможно, то становится понятным, как трудно стать посвященным в исмаилитскую философию и почему она так усердно скрывается от понимания верующих их духовными наставниками.

Примерно в X в. н.э. в секте исмаилитов появляется пир — глава религиозного учения под именем Шо-Насыр-Хисров (поэт и философ-теософ), который еще при жизни оставляет секте книгу “Ваджх-и-дин”, название которой в переводе означает “Лик веры”. Книга эта в народе больше известна под названием “Калям-и-Пир”.

Книга “Ваджх-и-дин”, являющаяся основой религиозного учения исмаилитов, содержит в себе философские рассуждения исмаилитского толка. Ее смысл недоступен полному пониманию не только верующих, но и их духовных руководителей.

Однако учение памирских исмаилитов и его ритуальное исполнение, базирующееся на книге “Ваджх-и-дин”, далеко уже не соответствует положениям, изложенным в этой книге. Но это несоответствие не опровергается ни Ага-Ханом, ни его уполномоченными — ишанами. Поэтому в настоящее время мы наблюдаем исмаилизм, отличающийся от настоящего исмаилизма, догматы которого изложены в книге “Ваджх-и-дин”.

Книга эта, фактически беря изречения из Корана и придавая этим изречениям свое аллегорическое толкование, в значительной степени опровергает учение Корана.

В книге “Ваджх-и-дин”, содержащей догматы исмаилизма, каждое значение какого-нибудь религиозного выражения или слова сопоставляется с соответствующим ему цифровым значением, то есть с определенной цифрой.

Рассмотрим это на примере и в том разрезе, как это выглядит в самой книге.

Вся догматика книги основана на изречении Корана — “Нет бога, кроме бога”, которое носит название “свидетельства”, или “ключа рая”.

“Свидетельство”, или вера в единого бога усматривается как первое доказательство в религии, а в цифровом значении сравнивается с цифрой 1 (единица).

Изречение “Нет бога, кроме бога” состоит из двух частей. Первая часть — отрицание “нет бога”, а вторая — подтверждение “кроме бога”. Этим доказывается двойственность философской мыс-

ли. Эта двойственность соответствует цифре 2 (двоица). При этом фраза “нет бога” указывает как бы на материальность мира, на существование мира без бога. Фраза же “кроме бога” утверждает существование духовного, психического мира, мира идей.

При сложении 1 и 2 получается цифра 3 (троица). Ей в духовном смысле соответствуют три достижения человека, необходимые для достижения рая, три пути — тарикат, хакикат и маарифат. В эти пути и верят нынешние исмаилиты.

В мире же физическом, по философии Шо-Насыр-Хисрова, цифре три соответствуют три измерения — длина, высота и ширина.

Выражение “нет бога, кроме бога” состоит из четырех слов. Цифра 4 в духовном смысле соответствует четырем религиозным основам: говорящей душе, подсознанию, имаму, худжату. “Хуждат” понимается как значение психических достижений человека при жизни. В мире материальном цифре 4 соответствуют огонь, воздух, земля и вода.

Цифре 7 (составное число из 3-х и 4-х) в мире физическом соответствуют семь планет, семь дней недели. В мире же духовном это рассматривается как сумма трех путей вхождения в рай и четырех основ религии.

Точно так же цифре 5 в мире физическом соответствуют: пророк Мухаммед, дочь пророка Фатима, муж дочери пророка Али, сын Али по имени Хасан, второй сын Али по имени Хусейн. Это ядро фатимидов-исмаилитов, из которого и происходит род исмаилитских имамов.

В таком же порядке в книге “Ваджх-и-дин” делается еще много других подобных сопоставлений. Следует отметить, что в этой же книге утверждается, что ни три пути, ни четыре основы религии, ни имамы — все это не божества, кроме того Аллаха, который их создал. И тот из исмаилитов, кто понимает значение чисел и значение выражения “нет бога, кроме бога” именно так, как изложено в книге “Ваджх-и-дин”, только тот освободится от вечно-го мучения и сможет достичь рая.

Дальше Шо-Насыр-Хисров в своем учении говорит: “Каждого, кто не понял значения этих слов и не произносит их, или же произносит без смысла, бог приказал убивать”.

Выходит, что основная священная, руководящая книга исмаилитов проповедует их же конец. Это относится и к современным исмаилитам, так как они не только не понимают правильного значения “свидетельства” — “нет бога, кроме бога”, но даже вразрез со своей религиозной философией имама Ага-Хана отождествляют с богом.

ВЕРБОВКА В СЕКТУ

К вопросу вербовки в секту исмаилиты подходят очень предусмотрительно и осторожно. Она представляет собой акт не менее сложный и таинственный, чем само исмаилитское учение.

Существует целая система способов и приемов вербовки в секту исмаилитов. К необходимому объекту вербовки первоначально применяется лицемерие, в совокупности с которым осуществляется знакомство с характером, привычками и степенью умственного развития обрабатываемого человека.

Затем располагают его в свою пользу, заручаются симпатиями. Если объект любит аскетизм, простой образ жизни и воздержание, то подделываются к его простоте образа жизни. Наоборот, если объект любит роскошную жизнь, то выдают себя за сторонников роскоши. Иначе, как говорят, добиваются того, чтобы стать к объекту близким и доверенным человеком.

Далес у объекта вызывают сомнение. Указывают на различные религиозные писания и их противоречия. Зароняют мысль, что под тем или иным противоречием скрывается какое-то тайное значение.

После этого сообщается, что есть тайное учение, но оно секретно и потому уславливаются не разглашать учения. Заручившись согласием не разглашать доктрины, путем обмана и подтасовки фактов доказывают, что будто бы все великие люди, писатели и ученые втайне были исмаилитами.

Убедившись, что обман удался, дается осторожное и постепенное ознакомление с той или иной догмой, затем полное ознакомление с ней во всем ее объеме, то есть настолько, насколько компетентен в этом вопросе сам вербующий.

ОСНОВНЫЕ ОТЛИЧИЯ ИСМАИЛИТСКОГО УЧЕНИЯ ОТ ШИИЗМА

1. Шииты признают и утверждают законными имамами только 11 наследников Мухаммеда: Эмируль-Муминин-Али, Хусейна, Хасана, Зайнуль-Абидина, Мухаммед-Багира, Джафари-Садька, Мусай-Казыма, Реза, Мухаммед-Таги-Джавада, Али-Паки-Кадии, Хасана-Аскарри. Кроме того, шииты утверждают о существовании двенадцатого имама Махди или, как его иначе называют Сахибуль-Замон, который уже родился, но еще не появился на этом свете.

Исмаилиты же верят в существование 88 имамов, о чем упоминалось выше. Эти имамы берут свое начало от первого человека Адама.

2. Шииты всю свою жизнь строят по шариату. Шариат — это совокупность, свод религиозных положений и законов, изложенных в Коране, а также в специальных религиозных сборниках — хадисах — преданиях о Мухаммеде и тафсирах — комментариях, изданных сподвижниками Мухаммеда после его смерти.

Исмаилиты шариат не признают. Они считают, что он создан не богом и является творением даже не Мухаммеда, а его сподвижников, которые исказили истинный смысл религии. Исмаилиты руководствуются в своей жизни в основном Кораном.

Интересно отметить следующее: шариат трактует, что не только мусульманин, уклонившийся от исполнения религиозных обрядов и правил ислама, но и допустивший это в своих мыслях ставит себя вне рядов мусульман и религии, становится неверующим — кафиром. Очевидно, на этом основании шииты считают исмаилитов кафирами.

3. Шииты совершают намаз пять раз в сутки. Исмаилиты же совершают намаз Пир-и-Шо три раза в сутки: утром перед восходом солнца, перед заходом солнца и перед сном.

4. Шииты при исполнении намаза обращают лицо на запад, в направлении храма Каабатулла. Исмаилиты могут обращать лицо в любую сторону, считая, что бог существует везде. Священный храм Каабатулла в Мекке они не признают.

5. При исполнении намаза шииты держат руки свободно опущенными вдоль бедер (по швам), а исмаилиты держат руки перед собой, имея в руках четки-тасби.

6. При совершении ритуального омовения шииты руки моют до локтей, поливая воду на локоть, чтобы она стекала по кистям рук. А исмаилиты руки моют произвольно, не придавая значения тому, в каком порядке их мыть.

7. Во время исполнения намаза шииты под место для совершения намаза — жой намаз кладут печатную глину или плоский камень, привезенные из Кербала. Исмаилиты этого не делают.

8. Шииты в пути для исполнения намаза с коня спешиваются и выбирают место для моления. Исмаилиты же могут исполнять намаз прямо на коне.

9. По религиозным толкованиям шиитов брак законным может считаться как постоянный (кабин), так и временный (сега). При венчании временно указывается срок, скажем на одну ночь, на один месяц и т.д. По истечении указанного срока брак теряет силу. У исмаилитов этого нет. Причем у исмаилитов обязательно согласие на брак как со стороны жениха, так и со стороны невесты. Иначе брак будет считаться незаконным.

ОТНОШЕНИЕ ИСМАИЛИТОВ К ПОСТУ “РУЗА” И К ПАЛОМНИЧЕСТВУ

10. Шииты держат пост руза в течение священного месяца рамазан. Исмаилиты этого не делают, а отмечают лишь последний день рамазана, что называется фитре. Воздержание от пищи в их понятии считается злом, а совершать зло по законам исмаилитского учения запрещено.

Правда, и они в соответствии с общепринятыми в исламе нормами рамазан считают священным, но объяснения существа его у них носит свой своеобразный сектантский оттенок. Вместо соблюдения поста у исмаилитов на протяжении всего рамазана считается строго настрого обязательным воздержание от поступков, которые хоть в какой-то мере могут быть отнесены к грешным деяниям. Например, в этот месяц ни в коем случае нельзя воровать, убивать, обманывать, сплетничать, клеветать и даже держать в голове дурные мысли.

Последний день рамазана — фитре исмаилиты рассматривают как конец периода слишком строгих для человека воздержаний и празднуют его, в день фитре верующие чувствуют себя празднично и готовят хорошие обеды.

11. Для шиитов обязательно хотя бы один раз в жизни совершить паломничество к храму божьему Каабатулла в Мекке. Исмаилиты же утверждают, что бог существует везде. Однако же не пренебрегают посещением “живого бога” Ага Хана. Такое посещение носит характер обязательного. Исмаилит, когда у него появится возможность и желание, в одиночку или совместно с другими верующими может пойти к своему “живому богу” в любое время в году с тем, чтобы примерностью и послушанием снискать у него святейшее обещание о предоставлении рая после смерти. Лица, посетившие хоть раз резиденцию Ага Хана, называются ходжи, точно так же, как и шииты, совершившие паломничество к святым местам.

12. Священная война джихад шиитами понимается как война против всех неверных, не исповедывающих коран. Исмаилиты же понимают джихад как борьбу со злом.

13. Главным авторитетом в толковании религиозных положений у шиитов является имам — Шафий. Исмаилиты таким авторитетом считают пира Шо-Насыр-Хисрова.

Как видим, к вопросу соблюдения поста руза в течение священного месяца рамазан и паломничества исмаилиты относятся совершенно иначе, чем мусульмане господствующих толков, и считают их необязательными. Кроме этого, имеется ряд второстепенных расхождений в религиозных толкованиях и ритуалах.

14. В Бадахшане только два факта свидетельствуют о принад-

лежности к секте исмаилитов: знание молитвы Пир-и-Шо с вытекающим из нее элементарным азбучным понятием веры и выплата закота. Вместе с тем исмаилит обязан верить в посланную Аллахом через пророка Мухаммеда священную книгу Коран, в существование рая и три пути к нему — тарикат, хакикат и маарифат, в день страшного суда, в воздаяние Аллаха за добрые и злые дела. Исмаилит обязан почитать своего “живого бога” Ага Хана, в котором пребывает само божество.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ОСНОВНЫХ ДОГМ ИСМАИЛИТОВ

Основная догма исмаилитов состоит в исповедывании единого Аллаха и признании Мухаммеда пророком и рабом Аллаха, а имама живым богом.

Практическое выполнение этой догмы совершается путем устного произношения следующих славословий: “ла иллаха иллаллаху мухаммедан альрасулулла”, что означает “верую в единого аллаха и его посланника пророка Мухаммеда”. И вторая — “ашхеду иллаха амир альмумининан алиян сахиулла”, что означает “исповедую и утверждаю царя верующих, живого Али — истинного бога”. Под Али понимаются все имамы.

Эти фразы (молитвы) всегда читаются вместе, не разделяя “ла иллаха иллаллаху мухаммедан альрасулулла ва ашхеду иллаха амир альмумининан алиян сахиулла”.

Во-вторых, исмаилиты должны исполнять намаз три раза в сутки в установленное время: утренний намаз — намози бомдод исполняется на рассвете, до восхода солнца; послеполуденный намаз — намози аср исполняется перед заходом солнца и ночной намаз — намози хуфтан исполняется после захода солнца перед сном.

При каждом намазе читается молитва “Пир-и-Шо”. Под словом “пир” исмаилиты подразумевают Мухаммеда, а под словом “шо” — Али, то есть пророка и имама.

Причем, не все исмаилиты исполняют намаз три раза в сутки. Обычно большинство исмаилитов (в условиях ГБАО) послеполуденный и ночной намазы совершают вместе. Практически получается так, что вся процедура, совершаемая при чтении молитвы, удваивается.

По законам религии требуется, чтобы каждый мусульманин, а также исмаилит перед чтением Корана и перед исполнением намаза был чист не только душой (то есть думал только о боге), но и телом. Последнее достигается путем совершения ритуала омовения водой — тахарт, а при отсутствии воды землей или песком.

В случае, если исмаилит имел сношение с женщиной в действительности или во сне, то он обязан искупаться, что называется пок шустане джануб, то есть обмывание грешного тела.

Ритуальное омовение водой исмаилитами совершается следующим образом: специальное место для омовения не устанавливается, оно может производиться во дворе, поблизости от дома. При омовении можно пользоваться водой из посуды, а также и чистой проточной водой непосредственно из реки или арыка.

Омовение начинается с мытья рук, которые моются обычным образом, примерно до локтей. После этого омывают половые органы. При этом правой рукой поливают воду на левую руку, а последней производится омовение половых органов три раза.

После омовения половых органов споласкивают снова руки, затем моют лицо и проводя руками по лицу, спереди назад, произносят следующую молитву: “бисмиллохи альрахмане альрахим ла иллаха иллаллаху мухаммедан рассулулла ва ашхаду иллаха амир альмуминан алиян сахиулла”. На этом омовение заканчивается.

Ритуальное омовение без воды совершается в таком же порядке, только вместо воды руки и половые органы обтираются песком или пылью, а лицо платком.

Иногда при нахождении в пути исмаилитами применяется следующая процедура, заменяющая омовение песком: берут камень, читают вышеуказанную молитву, плюют на камень и бросают его.

Следует однако отметить, что к последним двум разновидностям омовения исмаилиты прибегают крайне и крайне редко и в настоящее время их можно совсем не наблюдать, так как законы религии трактуют: если вода имеется на расстоянии, которое верующий может пройти в этот же день, то омовение должно быть совершено водой.

Омовение грешного тела после сношения с женщиной — пок шустане джануб — осуществляется обычным образом, то есть так же, как моются все люди.

После ритуального омовения исмаилит заходит в помещение для чтения намаза. Для этого нужно встать на колени или сесть, подобрав ноги под себя. Так как местом для исполнения намаза служит обычно в помещении возвышенность (лежанка), на которой спят, то садятся лицом к стене. Но исмаилиты при исполнении намаза могут обращать лицо в любую сторону (не обязательно к западу), ибо для них, как уже упоминалось, бог существует везде.

Под себя кладут подстилку, чем может служить обычный национальный чистый платок. В руки берется тасби — четки, представляющие собой бусы (ожерелья), состоящие из 101 деревянной косточки.

Взяв тасби в руки, необходимо произнести обращение: “бис-муллохи альрахмане альрахим ие Султан Мухаммед-Шо мадад”. Это обозначает обращение о помощи к богу и к святейшему Султан Мухаммед-Шо, чем и начинается исполнение молитвы “Пир-и-Шо”.

Затем восклицают “хак ноом”, что означает выражение блаженства, и перебирают косточки тасби, сопровождая это повторением фразы “Пир-и-Шо”. Так сто один раз.

После перебора тасби делают земной поклон и в этот момент про себя произносят: “Ие мавлоно гунои бандогон ро бебахшой” (О, владыка! Грехи рабов прости). В этот же момент верующий может перечислить все несчастья и грехи, которые он имеет. Потом поднимают и снова перебирают тасби, то есть все проделывают в той последовательности, как и в первый раз. После пятикратного, а вечером десятикратного перебора тасби целуют их, восклицая: “Ие Султан Мухаммед-Шо!”. Затем кладут тасби перед собой в собранном виде, смотрят на ладони рук и читают молитву “Пир-и-Шо”: “Ие мавлоно гунои бандогонро бебахшой аз шархи шайтон махфуз бидори ва батавфике таат бан даги ато намои ва басахадате дидори мубораккат берасони файз ва барраккат бар джон бар мол бар фарзандон джами и муминон ва мусульманонро бебахшой ие Султан Мухаммад-Шо Аллоху акбар!” (О, владыка! Грехи рабов прости, от злобы сатаны избавь (сохрани), спешествование и послушание рабам даруй (к счастью рабов доставь). О, Владыка! Изобилие и благоденствие душе, имуществу, детям всех верующих дай (сделай судьбой). О, Султан Мухаммед-Шо!).

Молитва “Пир-и-Шо” произносится на таджикском и арабском языках.

После чтения молитвы “Пир-и-Шо” произносится свидетельство (символ веры): “ла иллаха иллалаху мухаммедан расуллула ва ашхеду иллаха амир альмуминонан алиян сахиулло”. Затем, повернув лицо направо и взявшись левой рукой за большой палец правой руки, восклицают: “Ай, зинда!” — О, живой! А повернув лицо налево и взявшись правой рукой за большой палец левой руки, произносят: “Коим пайя! — О, вечно предстоящий! Этот момент называется “видение царя” — шо дидор, так как считается, что бог в это время находится вблизи верующего.

Если верующих при исполнении намаза несколько, то тасби перебирает только один из них — наиболее грамотный и уважаемый, а остальные только повторяют слова молитвы за ним. В таком случае по окончании исполнения намаза один из молящихся берет правой рукой за большой палец правой руки соседа, целуют поочередно друг другу тыльную часть ладони, смотрят друг другу в глаза, после чего первый восклицает: “Ай, зинда!”, а второй отвечает: “Коим пойя!”.

На этом исполнение намаза заканчивается. Перебравший тасби поднимает их с пола, целует, проводит ими по лицу и кладет туда, где они хранятся (вешает на стену или кладет в специальную сумку, в которой тасби носят с собой).

В отличие от шиитов и суннитов, у исмаилитов мечетей не существует. Исмаилитами намаз совершается в собственных жилищах индивидуально или небольшими группами. Причем, женщины и мужчины могут молиться вместе.

Иногда в доме того или другого верующего устраивается традиционное коллективное чтение религиозных книг, что носит название “даъават” — радение. Даъават проводится халифа и заключается в том, что все собравшиеся исмаилиты под руководством халифа первоначально исполняют молитву “Пир-и-Шо”, затем поют псалмы, в которых описывается мученическая смерть имама Али и его двух сыновей-имамов Хасана и Хусейна. Верующие постепенно приходят в экстаз и начинают восклицать: “Ие, имам!” — О, имам! Достигнув высшего экстаза, поворачивают головы направо с возгласом: “Ай, зинда!” и налево с возгласом: “Коим пойя!” — О, живой! О, вечно предстоящий!

После этого падают на обращенные ладонями к лицу руки, вполне уверенные, что с ними в это время присутствует сам его превосходительство Ага Хан.

Однако даъават устраивать могут только состоятельные верующие, так как заказывающий даъават обязан для присутствующих в знак жертвоприношения зарезать барана и хорошо их угостить, а также уплатить за проведение даъавата халифа.

У исмаилитов специальных намазов, которые бы исполнялись по случаю религиозных праздников, не имеется. Во всех случаях исполняется только молитва “Пир-и-Шо”.

Кроме того, исмаилит по установленным религиозным законам обязан один раз в год уплатить подать — закот в размере 1/10 части своего годового дохода. Причем бедно живущие верующие могут закот не уплачивать, так как по этим же законам брать что-либо с неимущих не принято.

Закот взимается в пользу религии и для оказания помощи нуждающимся членам секты непосредственно через халифа и ишанов.

Порядок сбора закота следующий: в конце года, обычно после сбора урожая, одна десятая часть дохода каждым верующим отдается халифа для распределения нуждающимся членам секты и для отправки в Бомбей Ага-Хану.

Собранный халифа закот отправляется ишанам, которые в свою очередь переправляют его непосредственно в Бомбей. Достав-

ка закота производится выбранными для этой цели верующими в сопровождении одного из духовных лиц. Причем никакого контроля за халифа и ишанами по вопросу сбора и распределения закота со стороны верующих не осуществляется. Поэтому, несмотря на то, что закот должен идти только на нужды религии и бедствующих, на практике он присваивается исмаилитским духовенством и служит для него доходной статьей.

ОБРАЩЕНИЕ С КОРАНОМ

Среди исмаилитов, как и среди мусульман вообще, принято, что прежде чем брать в руки или читать Коран, верующий обязан совершить ритуальное омовение. Исмаилит не должен вытягивать ноги в том направлении, где находится Коран, его нельзя оставлять открытым, нельзя продавать.

Поскольку Коран считается божественной книгой, многие исмаилиты (особенно ишаны и халифа) носят его с собой в специальном чехле. Как утверждают последние, это укрепляет веру и оберегает от козней дьявола (шайтана).

В целях установления истины применяется приведение к присяге на Коране подозреваемого в нечестности.

Вообще исмаилиты к любой бумаге относятся как к божественному предмету с уважением, тем более это касается Корана.

НЕКОТОРЫЕ ОБЫЧАИ ИСМАИЛИТОВ

БРАК

По исмаилитским обычаям свадьба, имеющая название сур, устраивается в большинстве случаев осенью или зимой.

Человек, который решил жениться, первоначально должен послать своих родителей к родителям невесты для сговора.

Во время сговора родители невесты, а при их отсутствии ее ближайшие родственники, у которых она находится на воспитании, назначают жениху размер выкупа за невесту, что носит название амал.

После того, как жених подготовит амал, его родители вновь идут к родителям невесты и сообщают им об этом. Одновременно окончательно договариваются о дне свадьбы. На следующий день амал доставляется в дом невесты ее родителями или родственниками.

Свадебное торжество проходит сначала в доме жениха, а затем невесты. При этом, если невеста является девушкой, то свадьба устраивается днем, если женщиной, то ночью.

В день свадьбы в доме жениха собираются гости. Ввиду того,

что по обычаям исмаилитов приглашения о прибытии на свадьбу никому не делаются, на свадьбу приходит большое количество одноклассников жениха и невесты. Приглашение делается только халифа, который производит венчание.

Гости рассаживаются двумя группами: женщины и мужчины раздельно. Жених располагается в центре группы мужчин. Невеста же на торжестве в доме жениха не присутствует, а находится у себя дома.

В ожидании прибытия халифа собравшиеся веселятся: поют песни, играют на национальных инструментах, шутят.

Халифа по прибытии на свадьбу приступает к чтению такбиров — стихов, религиозных формул из Корана и, когда кончит их читать, хором произносит: “Аллаху акбар!”. Все присутствующие хором эту фразу повторяют. Затем жених-хончи в присутствии всех одевается в свадебную одежду, которая состоит из белого чекменя, национальных сапог, тюбетейки и чалмы. Чекмень подвязывается красным национальным платком, а на чалме прикрепляется красная лента.

Затем для гостей устраивается угощение. Часть гостей кушает, другие веселятся. Наступает оживление, вызванное тем, что мужчины и женщины во время обеда перебрасываются орехами, сахаром, фруктами и т.п. Вдоволь навеселившись, все отправляются в дом невесты.

В доме невесты торжество продолжается и все протекает в том же порядке, как и в доме жениха. В группе женщин сидит одетая в свадебную одежду невеста — невенц. На ней нарядное белое платье, на голове тюбетейка, на плечи наброшен красивый платок. Лицо невесты закрыто красным платком, носящим название фидон.

Через некоторое время начинается венчание — никох. В торжественной тишине халифа читает намази никох, подходящий для этого случая. Ему в это время подносят тарелку с вареным мясом и тонкими лепешками, а также глиняную чашку с водой — гидора, которая накрыта платком.

Перед халифа на колени становятся трое мужчин, которые повторяют слова молитвы. По окончании молитвы халифа дует на воду и передает гидору одному из этих мужчин. Последний поочередно подходит к жениху и невесте, дает им выпить воды из гидоры, три раза обращаясь к каждому с вопросом: “Бихос ба кабушал карди?”, то есть спрашивает их, согласны ли они на брак. В знак согласия каждый кивает головой. После этого гидора выносится на улицу и воду из нее выливают на дерево с тем, чтобы у новобрачных было потомство.

На этом венчание кончается и невесту везут в дом жениха. При сопровождении поют песни и бьют в барабаны. Если дом жениха находится далеко, то невеста едет на коне. В противном случае ее несет один из родственников. На коня рядом с невестой по обы-

чаю садится еще одна женщина, которой надлежит быть при молодоженах две первых брачных ночи.

По прибытии в дом жениха находят человека, который бы имел живых родителей (отца и мать). Такой человек называется пид. Ему предоставляется право снять с невесты платок. Для этого пид берет в правую руку цинич (инструмент для отбивки шерсти наподобие лука со стрелой), а левой с применением палочки от цинича два раза приподнимает платок, затем кладет его на голову невесты.

Затем вновь устраивается обед, по окончании которого гости расходятся по домам. В доме новобрачных остается лишь женщина, прибывшая с невестой. На третьи сутки после свадьбы в дом новобрачных вторично приходит пид со своими родителями и приносит подарки.

В отличие от шиитов, у исмаилитов временных браков не существует. Причем каждый мужчина должен иметь только одну жену. Не разрешается также жениться на близких родственниках. В остальных случаях браки разрешаются.

РОЖДЕНИЕ

Рождение мальчика носит название пуц азнан сут, а девочки — гац азнан сут.

Как только в семье исмаилита родился ребенок, его родители делают небольшой подарок первому попавшемуся человеку, а также раздают милостыни нищим.

Нельзя заходить в дом, где имеется новорожденный, всаднику, только что прибывшему в кишлак. По исмаилитским обычаям необходимо сначала зайти в другой дом. После этого нужно выдернуть из хвоста лошади два-три волоса и принести их матери ребенка. Принесенные волосы подвязываются вокруг шеи новорожденного. Это, якобы, предохраняет от болезни и смерти.

Существует и другое поверие. В дом, где имеется новорожденный, нельзя заходить в вечернее время. Если кто-либо это сделал, необходимо остаться ночевать в этом же доме. Иначе, как считают исмаилиты, у ребенка пропадает сон.

Следует также знать, что новорожденного в течение трех суток никому не показывают.

На седьмой день после рождения ребенка в доме его родителей собираются однокишлачники, чтобы отметить это событие. Они приносят с собой подарки. Никаких молитв по случаю рождения не читается, а ограничиваются проведением традиционного обеда.

СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ

К умирающему человеку приглашается халифа. Последний садится возле умирающего, кладет руки на колени и читает выдержки из Корана, соответствующие данному моменту.

После установления смерти — марг — одежда с умершего должна быть снята, затем его снимают с постели и кладут лицом вверх. Вокруг головы умершего подвязывается белый материал и в верхней части головы завязывается два узла. Кроме того, связываются вместе два больших пальца обеих ног.

Далее покойник должен быть обмыт, для этого его кладут на какой-нибудь дощатый подстил. Если досок не имеется, то для этой цели используются двери. Покойник полностью обмывается теплой водой, одновременно удаляются ногти и волосистой покров около половых органов, а также бреются усы и борода.

Затем мертвый мужчина должен быть одет в одежду, состоящую из трех предметов: один одевается на верхнюю часть тела (рубашка), другой на нижнюю, а третий на все тело. Эта одежда называется кафан — саван. Кафан женщины состоит из пяти предметов.

Когда умерший вымыт и одет в кафан, его кладут на специальные носилки — тобут, сделанные из деревянных палок. Иногда этой цели служит обыкновенная лестница. Под тело умершего на тобут подкладывается палас.

Перед выносом умершего на улицу его необходимо в середине помещения повернуть ногами к выходу.

Во дворе покойника снимают с тобута и кладут на землю. Затем все садятся вокруг него и халифа приступает к чтению специального намаза — джаназы, состоящего из четырех стихов — такбиров, взятых из Корана. Текст этого намаза следующий:

“Ният кардам бегузoram намази джаназы бар чахор такбире фано ва хамди санох савобе маргузориндаро омурзиши бар ин маит(а) вагтикe бар ман хаст ру овардам бар кабле каблаи ман джахат хонаи кааба иктидо кардам бо имоме хайне лоямут холесе Аллох лаита Аллох Аллохуакбар.

Аллохумма саллаиллох Махаммад камосальхата ва саломате Аллох эброхим ва холи эброхин аннике ахмадаальмаджид.

Аллохумма аджаллано эджрин шофаан мушфаан бар рахматике ис альрахмоне альрахим.

Аллохумма майитанох ва шаиданох ва гаибанох ва сахиранох ва кабиранох ва закиранох валь инсона.

Аллохумма хаитанох минхаль эброр ба рахматике ис альрахмоно рохемин”.

Смысл этих слов состоит в том, что халифа, обращаясь к богу, просит его простить грехи умершего и взять в рай, ибо умерший

и все верующие верят и почитают только единого бога (Аллаха) и его пророка Мухаммеда, а также верят в своих имамов всех времен.

В момент, когда халифа закончит чтение молитвы, все присутствующие восклицают: “Аллоху акбар!”. Затем кладут умершего вновь на тобут и быстро несут его на кладбище, так как по исмаилитским обычаям умерший должен быть похоронен как можно быстрее.

Около могилы покойника снимают с тобута и опускают в могилу. Причем покойник в могиле должен лежать так, чтобы голые локти и пятки касались земли.

Похоронив умершего, халифа еще раз читает длинные выдержки из Корана. Чтение их занимает около 15 минут. Затем все возвращаются домой и умываются. А те люди, которые обмывали умершего, моются полностью.

Похоронив умершего, его родственники обязаны сварить небольшого барана и мясо выбросить собакам. Через три часа после похорон в доме родственников умершего вновь собираются однокишлачники, которые приносят с собой пищу. Устраивается коллективный обед. На третьи сутки после смерти устраиваются поминки, на которых присутствуют только мужчины. После поминок в доме умершего остаются только его близкие родственники и халифа. Готовится бодж (баранье мясо и пшеница).

Халифа в этот день вновь читает выдержки из Корана. По обе стороны от него ставятся глиняные чашки с небольшим количеством растительного масла. В них опускают фитили, которые зажигаются. По окончании молитвы один из родственников умершего берет эти чашки и стоит с ними. Когда масло выгорит, чашки выбрасываются на улицу.

Затем подается бодж, присутствующие кушают его, и на этом поминки заканчиваются.

Ко всему вышеизложенному следует добавить, что родственники умершего в течение сорока суток находятся в трауре. Мужчины в знак траура не бреют ни усы, ни бороду.

БОЛЕЗНЬ

По обычаям исмаилитов к больному приглашается халифа, который осматривает больного и читает выдержки из Корана. В это же время халифа держит перед собой глиняную чашку с водой. Кончив молитву, он дует на воду и дает ее выпить больному. Такое лекарство называется дамья. Кроме того, халифа выписывает больному тумар. Последний представляет собой небольшой листок бумаги, на котором пишутся слова из молитвы, в которой излагается обращение к богу об избавлении больного от недугов. Тумар зашивается в небольшой кусок материала и вешается на шею больного.

Если больной чувствует себя очень плохо, то халифа прибегает

ет к другому методу лечения: устраивает дуди и туштов. Дуди — это исписанный словами молитвы небольшой кусочек коры дерева шелковицы, который сжигается, а дым вдыхается больным. Туштов — это другой подобный кусочек коры со словами молитвы, вымытый в воде, которая принимается больным.

За проведение подобного лечения родственники обязаны заплатить халифа.

Следует отметить, что тумары могут быть написаны не только по случаю болезни, но и тогда, когда человек хочет избавиться от нежелательных для него обстоятельств.

ПРАЗДНИКИ

У исмаилитов существуют следующие праздники:

— Иди-Курбан — праздник жертвоприношения. Отмечается на десятый день одиннадцатого мусульманского (лунного) месяца, который по европейскому календарю приходится на июль или август.

В день Иди-Курбана верующие режут скот и устраивают коллективный обед. Причем мясо зарезанного животного не может использоваться для своих нужд тот верующий, которому оно принадлежало.

— Соли Нав — новый год, отмечается по европейскому календарю в марте месяце. В день нового года устраиваются угощения и национальные игры.

Специальных праздничных намазов у исмаилитов нет. В эти праздники они исполняют обычный намаз — “Пир-и-Шо”.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ ИСМАИЛИТОВ

При встрече принято здороваться и целовать друг другу тыльную часть ладони. Первым обязан поцеловать младший. Женщины при встрече целуются, обхватив друг друга за плечи.

Если навстречу верующему едет халифа, нужно спешиться с коня и поздороваться с ним. В том случае, если халифа слез с коня, то при прощании необходимо помочь ему сесть в седло.

При начинании какого-нибудь дела нужно произнести: “бисмуллахи рахмоно рахим” — “с именем бога”.

Отправляющемуся в путь принято говорить “тавакал бар худо” — “надейся на бога”.

При получении хорошей вести человеку, который ее сообщил, делается небольшой подарок.

При виде мертвого нужно сказать: “саловот бар Мухаммад”, что означает: “поручаю Мухаммеду”.

ИЗ ДОКУМЕНТА,
ОТНОСЯЩЕГОСЯ К ИСТОРИИ
ЗАПАДНОГО ПАМИРА (1932 г.)

История Шугнана, вернее Шугнанского ханства, тесно переплетена и связана с шугнанским исмаилизмом. Изучение шугнанского языка ясно подтверждает его близкое родство с древним персидским языком, а живая связь жителей Шугнана со своими родичами в Персии (Хорасане) указывает на происхождение народности — шугнанцев из Ирана, которая в древние времена исповедывала огнепоклонство. В народных преданиях упоминается, что Кухистан, и в частности Шугнан, был благоустроенной и богатой страной, с огромным населением, частично исповедывающим огнепоклонство и большей частью шиизм. Смутно упоминается нахождение их под владычеством Китая и более ясное воспоминание (в преданиях, легендах и былинах) о покорении их кафиристанцами, известных больше под названием сияпуш. Остатки развалин сияпушских крепостей (Кофыр-Кала) на почти отвесных скалах имеются и в настоящее время, а легендарные сказания о них опутаны подвигами народных героев, и особенно Шо-и-Мардона (Али), который в духе шиизма воспевается как непобедимый воин не только с кафирами (сияпушами), но и с чудовищами в виде змей и драконов.

Этими легендами устанавливается, что господствующей религией Шугнана был шиизм, наряду с которым существовал после проповеди пира Шо-Носыр ХОСРОВИ и исмаилизм, и доживало последние дни огнепоклонство. Затем появился мор, и кафиры (сияпуши) сами ушли на свою родину, Кафиристан, оставив Шугнан (равно, как и другие ханства Кухистана) на свое усмотрение. Шугнанцами стали управлять свои цари, сохранившиеся в памяти народа под названием рив, и последним из них был коренной царь рив по имени Рив-и-Форгот. На то, что после пира Шо-Насыра исмаилизм среди коренных шугнанцев имел широкое распространение, указывает тот факт, что существование исмаилизма было хорошо известно фатимидскому имаму, который в дополнение к имеющемуся уже тогда ишану пир Мир-и-Гуль-Сурх послал еще из Хорасана четырех проповедников-дарвишей:

1. Шо-и-Хомуш из города Моп-и-Зиндорон;
2. Шо-и-Молянг из города Сабзевар;
3. Шо-и-Кошон из города Мони-Зиндорон;
4. Шо-и-Бургон из города Туссе.

Могилы этих дарвишей, особенно почитаемых исмаилитами-шугнанцами, находятся: Шо-и-Кошона в сел. Вуж (на афганском берегу р. Пянджа), Шо-и-Молянга — тоже на левом берегу р. Пянджа (против нашего селения Тим) и Шо-и-Бургон по р. Шах-Даре

в сел. Туссон, названного им в воспоминание своего города Тусса в Персии, откуда он и пришел в Шугнан. Наиболее влиятельный из этих четырех проповедников, пришедших из Персии, по имени Шо-и-Хомуш, при помощи своих единоверцев, фанатиков-исмаилитов, свергнул коренного царя риза по имени Рив-и-Фаргот, объявил себя царем и стал не только духовным руководителем, но и светским царем.

Впоследствии Шо-и-Хомуш с близкими себе 70 семьями ушел в Таджикистан и поселился в нынешнем сел. Лянгар Муминабадского района (Кулябский вилоят), где и находится его могила, а потомки этих 70 семей приняли суннизм и потеряли всякую связь с нынешним Шугнаном. Наследники самого дарвиша царя Шо-и-Хомуша подпали под власть воинственных и сильных ханов Бадахшана, которым и платили дань пшеницей, необрезанными мальчиками и девственницами девочками.

Впоследствии, чтобы доказать свое вассальное подчинение, цари Шугнана из рода дарвиша Шо-и-Хомуш вынуждены были отдавать на воспитание при дворе ханов Бадахшана и своих детей, которые воспитывались в духе суннизма.

Таким образом, светские цари Шугнана через несколько поколений сделавшись суннитами, потеряли всякое значение князей духовных, поэтому руководство исмаилитами целиком перешло на роды дарвишей Шо-и-Молянг, Шо-и-Кошон, Шо-и-Бургон и существовавшего еще до прихода четырех дарвишей пира Мир-и-Гуль Сурх. Шо-и-Бургон потомства после себя не оставил, а роды Шо-и-Молянг, Шо-и-Кошон и пир Мир-и-Гуль Сурх, сохранившиеся и по настоящее время, представляют собою родовую знать, так сказать князей исмаилизма, которая, породнившись со светскими царями и ханами, составляет до сего времени замкнутую касту.

По традиции, имеющей место и по сегодняшний день, родовые цари и ханы, равно как князья исмаилизма, берущие свое родовое начало от дарвишей и старинного пира Мир-и-Гуль Сурх, так же, как и другие роды ишанов (царского, светского происхождения) и современников пира Шо Носыр ХОСРОВИ (сеид Сураб, Бобо Умар Юнги и Бобо-Шо) могут брать себе в жены женщин или девушек простого низкого происхождения (факиров), причем на потомство от такой женщины-факирки права и преимущества рода отца не переходят, но ни в коем случае нельзя отдать дочь ишана, сеида или хана за простого смертного, низкого происхождения факира.

Царский род, царей Шугнана от дарвиша Шо-и-Хомуш, прекратил свое существование. Так, последний потомок этого рода Абдул Гияс-хан, бежавший из Кабула в дореволюционное время и поселившийся в Кала-и-Вамаре, умер в 1931 г., не оставив после себя мужского потомства. Бесцветна, бесславна и позорна история Шуг-

нанского ханства, но зато обильно залита кровью шугнанцев-исмаилитов, поддерживавших власть того или иного суннита-высочки из рода Шо-и-Хомуша, прибывшего сюда из Хоросана как дарвиша — проповедника исмаилизма. Дорого обошлась шугнанцам власть этого проповедника исмаилизма дарвиша Шо-и-Хомуша, ставшего впоследствии при помощи исмаилитов же светским царем Шугнана. Потомки этого выходца, унаследовав власть светского царя, а затем отвергнув исмаилизм и приняв суннизм, в течение четырех веков терзали и мучили население Шугнана, превратив когда-то сравнительно процветавший Шугнан в разрушенную, разграбленную, обнищавшую и обезличенную, забитую, темную провинцию.

Этим и объясняется отсутствие записей, хотя бы каких-либо эпизодов из этого позорного царствования, так как всякий факир, вздумавший записать тот или иной позорный исторический факт или эпизод из этого гнусного отцеубийства и братоубийства, был бы лишен жизни, тем более что грамотные люди были преимущественно из знати, находившейся в родственной связи с этими извергами, или, находясь на службе у них, занимали почетные и прибыльные должности, фактически участвуя почти во всех темных делах своих светских повелителей. Не лучше поступали и князья церкви исмаилитов — ишаны и сеиды, но только масштаб их злоупотреблений был значительно меньше, и они всегда старались прикрываться тем или иным поводом или предлогом благовидного характера.

Раболепство, лесть, двуличность, скрытность, неискренность под давлением насилия и жестокости царского режима, когда, если не польстишь, не прикинешься ничтожным рабом, не скроешь истины, не скажешь чего-нибудь двусмысленного в смысле интриги, жить было невозможно, вошло в привычку, выработалось в целую систему.

Таким именно кажется при поверхностном знакомстве шугнанец, но он совсем другой вдали от сильных мира сего, у родного очага, в кругу своих родичей и друзей, когда он уверен, что его слово не будет вынесено на сторону. Только войдя в доверие, не только стариков, но и прочих членов семьи, можно услышать от главы дома историю позорного прошлого, в тысячу раз превосходящего своими жестокостями и изуверством наше крепостничество. Не может знать Шугнана, сеиды и ханы, похвалиться ни теперешней знатью, ни ее предками.

Слишком велико позорное пятно на их родах. Слишком велик страх бедняков-факиров перед представителями этих знатных родов, чем и объясняется раболепство факиров перед ними, доходящее до целования им рук, даже и теперь, при Советской власти.

Ханы не брезговали и педерастией и не оставляли без внима-

ния ни одной красивой девочки или красивого мальчика, слух о которых доходил до их сведения. Мальчики для педераста-хана, его законные жены, обыкновенно знатного происхождения, наложницы, насильственный привод на одну только брачную ночь дочери или жены факира — все это считалось обыкновенным заурядным явлением и не опротестовывалось даже хотя бы в незначительной степени духовенством — ишанами и сеидами. Противиться же этому бедняку-факиру было невозможно. Это значило быть убитым или замученным. Так было у хана Шугнана, так было и у ханов Шахдары, Гунда и Рушана.

Хан Шахдары со своими войсками переваливает через ущелье Дузах-дара из Шах-дары в долину р. Гунда и без боя покоряет население верхнего Гунда. Затем спускается вниз по течению р. Гунда до сел. Сучан, где находился хан Гунда по имени Шо Назарбек, убивает его вместе с его родичами и объявляет себя ханом Шахдары и Гунда. Воспоминание о хане Гунда сохранилось лишь в виде высеченного на камне неудачно вымышленного автором-подхалимом стишка: “От границ Рима до ворот Сирии все покорил Шо Назарбек под ноги свои”. Комментарии о правдивости этого высеченного на камне стишка излишни. Хан Шахдары и Гунда, почувствовав под собой уже известную силу, делает налет на Шугнанское ханство, посева предает огню, женщин и девушек, попавших в плен, уводит в Шахдару и раздает своим приближенным и воинам. Возвратившийся из Дарвазского плена шах Шугнана по имени Кабоат-Хан набирает войско и дает Шахдаринскому хану Курбан-Джану реванш. Шугнанцы одерживают победу, хана Шахдары казнят в крепости Рошт-Кала, а его малолетнего сына продают рабом в Китай.

После такой победы, сделавшись ханом Шугнана, Шахдары и Гунда, Кабоат-хан нападает на хана Рушана, убивает его и становится даже могущественным ханом Шугнана, Рушана, Шахдары и Гунда. Оставив в завоеванных ханствах своих поверенных людей, миров, сам в своей крепости Кала-и-бар-Пяндж предается разврату, отвлекаясь изредка только охотой. Шахдаринцы, воспользовавшись отдаленностью хана Шугнана, убивают мира, ставленника Кабоат-хана, и объявляют миром своего человека Мамудхана.

Узнав об этом, Кабоат-хан снова набирает войско и идет походом на Шахдаринского мира Мамудхана, последний бежит и оставляет крепость Рошт-Кала. Казнив не успевших скрыться вместе со своим миром в Сарыкол участников этого неудачного опыта, назначает нового мира и опять удаляется в свою крепость Кала-и-бар-Пяндж.

Еще более подробно рассказывают старики о последнем хане Шугнана и его сыновьях — об Абдураим-хане, убитом своими сыновьями, причем один из них взял себе в жены жену убитого ими отца. Кратко это опишу, тем более, что этот эпизод к тому же является и последним характерным эпизодом позорного царствования ханов Шугнана. Абдураим-хан часто наезжал в Кала-и-Вамар к своему дяде, находящемуся у него в подчинении и им же поставленного миром Рушана.

В конце концов ему понравилась жена дяди красавица Асаль, к которой он и приходил на свидание, когда дядя упивался выгнанной из туты водкой, а это было всегда вечером. Такая мимо-летняя связь не удовлетворяла Абдураим-хана и он задумал жениться на своей тете. Развратница Асаль научила своего племянника, что, когда ее муж будет пьян, пусть он придет и попросит ее в жены. Дескать, тот спьяна согласится. И, действительно, согласился, но на утро, когда очухался и узнал о своем обещании, то послал отказ своему хану и племяншу. Тогда Абдураим-хан уже категорически потребовал себе в жены свою тетю. Мир Рушана и дядя все-сильного хана Шугнана Абдураим-хан вынужден был отдать свою жену своему племяннику. Правда, после своего ареста на Гунде, где до своей смерти просил свою жену Асаль, которую считал виновницей всех свалившихся на него несчастий, как наказание божие, убить его, что и было, конечно, исполнено. У развратника Абдураим-хана было от его трех жен семь сыновей. От одной жены он имел четырех сыновей: Сулейман-хана, Амирбека, Мухаббат-хана и Юсуф Али-хана; от третьей жены одного сына по имени Давлят-Шо. Деточки недалеко ушли от своего папочки. Раздоры, ссоры и вражда происходили не только между братьями, но и между сыновьями и отцом. Особенно отличались лютостью Мухаббат-хан и Юсуф Али-хан. Опасаясь за свою жизнь, Давлят-Шо бежит в Бухару, в дом отца своей жены Акбар-хана, который находился в это время в Бадахшане. Затем скрывается к своему тестю хакиму Дарваза. Другой брат Амирбека Мухаббат-хан, намереваясь низложить своего отца Абдураим-хана, набрал воинов и пошел на него войной, но был разбит и бежал в Бадахшан, а потом поселился в Ишкашима. В Шугнанае остался Абдураим-хан и при нем достойный его сын Юсуф-Али, в душе ненавидевший своего отца. Тайно от отца Юсуф Али-хан пишет письмо брату Мухаббат-хану в Ишкашим и предлагает последнему отца схватить и арестовать, если он, Мухаббат-хан согласится остаться ханом Шугнана. Конечно, Мухаббат-хан дает согласие, а Юсуф Али-хан хватает своего отца Абдураим-хана, арестовывает его и отправляет под арест в сел. Ваджу на правом берегу Пянджа по дороге в Кала-и-Вомар.

Узнав об этом, другие два брата, Абдул Шаид-хан и Абдул Газы-хан, через Шахдару и перевал Мац бегут в Вахан, намереваясь оттуда пробраться в Читрал. Юсуф Али-хан сообщает своему брату в Ишкашим Мухаббат-хану, что отец их арестован и находится под стражей в сел. Ваджу и советует бежавших в Вахан братьев Абдул Шаид-хана и Абдул Газы-хана схватить и не допустить их пробраться дальше. Мухаббат-хан посылает оставшихся при нем верных людей в Вахан, те хватают обоих братьев и приводят в Ишкашим к своему повелителю. Мухаббат-хан берет с собой пленных братьев и отправляется с ними к Юсуф Али-хану. Пленных братьев, Абдул Шаид-хана и Абдул Газы-хана отправили по р. Гунд в сел. Чартым, где их и убили. Затем отца своего брата Мухаббат-хан и Юсуф Али-хан отправили в Сучан, откуда перевели в село Барсим и приказали человеку по имени Занджир убить Абдураим-хана.

Когда слухи об аресте Абдураим-хана и его сыновей дошли до Дарваза, скрывавшийся там брат-отцеубийца Амирбек просит у своего тестя хакима Дарваза войско, чтобы наказать вероломных братьев. Тесть, хаким Дарваза, дает Амирбеку под командой своего человека, мир Саидбека, 300 воинов, с которыми Амирбек и направляется в Шугнан.

Оставив главные силы позади, Амирбек с небольшим отрядом направляется вперед в Рушан и занимает в Рушане небольшую крепость под названием Пигиш в ожидании прибытия воинов под командой мир Саидбека. Собрав значительные силы, Мухаббат-хан и Юсуф Али-хан обложили со всех сторон крепость Пигиш, и таким образом Амирбек оказался в ловушке. Для переговоров к осажденному Амирбеку был послан ловкий и хитрый бадахшанец-аксакал по имени Мамуд, который и уговорил Амирбека сдаться, обещая как Амирбеку, так и его воинам полную свободу. Амирбек поддался клятвенным обещаниям и открыл ворота. Его схватили и пристрелили. Покончив с Амирбеком, Мухаббат-хан и Юсуф Али-хан, собрав все свои военные силы, пошли против дарвазских воинов под командой мира Саидбека, который в это время находился со своим отрядом в сел. Сидж.

Произошло сражение в пользу значительно превышавших числом шугнанцев. Дарвазские воины под командой мира Саидбека почти целиком были взяты в плен, и только незначительная часть смогла бежать в Дарваз. Часть воинов была арестована, часть уничтожена и часть продана в рабство. После одержанной победы братья разделились, причем Юсуф Али-хан остался хакимом Рушана, а Мухаббат-хан отправился в Шугнан в Кала-и-бар-Пяндж. После смерти убитого ими отца Абдураим-хана осталась в живых одна из

его жен, красавица по имени Савриноз, к которой оба брата воспылали страстной любовью.

Овладел красавицей-мачехой Савриноз более сильный Мухаббат-хан, что и послужило ссорой между двумя братьями, превратившейся в смертельную вражду. Мухаббат-хан идет войной на своего брата Юсуф Али-хана, который со своим войском идет ему навстречу и закрывает дорогу в Рушан. После незначительного боя рушанцы со своим хакимом Юсуф Али-ханом бегут и запираются в неприступной по тогдашней военной технике крепости Кала-и-Вомар.

Осада крепости в течение нескольких дней не дает результатов. Тогда приступают к испытанному средству — переговорам и уговорам. Мухаббат-хан обещает не убивать ни своего брата Юсуф Али-хана, ни его воинов. Юсуф Али-хан сдается. Правда, Мухаббат-хан в данном случае сдерживает свое обещание и в благодарность того, что только из-за стараний Юсуф Али-хана Мухаббат-хан стал ханом Шугнана, не убивает своего брата, но высылает его из пределов своего ханства в Сарыкол. Юсуф Али-хан из Сарыкола бежит в Бадахшан к хану миру Джандор-Шо. Из Бадахшана уговаривает управляющего двором хана Шугнана (дивонбеги) отравить Мухаббат-хана.

Вероломный дивонбеги дает Мухаббат-хану яд, пересланный Юсуфом Али-ханом, и Мухаббат-хан умирает. Юсуф Али-хан является в Кала-и-бар-Пяндж и становится опять ханом Шугнана. Началась расправа с врагами и недоброжелателями Юсуф Али-хана, и первыми же были казнены управляющий двора (дивонбеги) — отравитель Мухаббат-хана и жена его отца, ставшая женой отравленного им брата, отправленная на Бартанг, красавица Савриноз. Акбар-хан, отец Амир-хана, у которого скрывался убитый Юсуф Али-ханом в крепости Пигиш брат его Амирбек, набирает в Бадахшане воинов и вместе с сыном Амир-хана, своим внуком, идет войной на Юсуф Али-хана. Юсуф Али-хан терпит поражение, но удачно успевает скрыться.

Акбар-хан как завоеватель объявляет себя ханом Шугнана (хакимом). Но и на этот раз счастье не изменило ловкому и пронырливому Юсуф Али-хану, так как в это время ханом Бадахшана стал его родственник Мир-и-Олям, который дает Юсуф Али-хану войско, с которым он разбивает Акбар-хана. Последний вынужден бежать в Дарваз, а Юсуф Али-хан снова, но в последний раз делается ханом Шугнана. Конец позорному царствованию ханов Шугнана положил эмир Афганистана Абдурахман (дед Амануллы-хана).

После покорения Бадахшана эмир Афганистана Абдурахман-хан посылает отряд своих войск под командой сердара Абдулла-Джона подчинить своему влиянию и Шугнанское ханство. Абдулла-

джон, разбив войска шугнанцев, арестовывает самого хана Шугнана Юсуф Али-хана, а жену его и сына Абдул Гияс-хана (ребенка еще) обманным путем, послав ей письмо от имени ее мужа, уже находившейся в пути через Бартанг в Фергану (в подтверждение правдивости прикладывает отобранную у Юсуф Али-хана именную печать) возвращает в Кала-и-бар-Пяндж.

Затем Юсуф Али-хана с женой и малолетним сыном Абдул Гияс-ханом отправляет в Кабул. В Кабуле Юсуфа Али-хана убивают, а его жену с сыном помещают в гарем эмира. Так прекратило свое существование ханство Шугнана. Последний наследный принц Шугнанского ханства Абдул Гияс-хан, получивший приличное восточное образование при дворе в царствование эмира Хабибуллы-хана, бежит из Афганистана и поселяется в своей родовой крепости Кала-и-Вомар, надеясь восстановить себя в правах своего отца. Но было уже поздно, так как Шугнан по правому берегу р. Пянджа, хотя и номинально считался провинцией Бухары, но фактически находился в руках русского царского правительства.

Умер Абдул Гияс-хан в 1931 г., не дождавшись исполнения своей заветной мечты и не оставив после себя мужского потомства. Шугнанцы пробуют освободиться от власти афганцев, но сардар Абдулладжон снова наголову разбивает их и в знак покорности требует себе в жены дочь весьма популярного в Шугнани родового сеида Шо Фарруха — отца известного Шугнанского ишана Юсуф Али Шо.

Таким образом, сестра известного Шугнанского ишана Юсуф Али Шо становится женой афганского сардара Абдулладжона. После похода полковника Ионова со своим адъютантом поручиком Ванновским (сыном военного министра Ванновского) в Шугнани устанавливается престиж русских, и военное ведомство строит в сел. Хорог небольшую крепость под названием “Укрепление Хорог”.

Бесславлен и поход полковника Ионова, завоевателя Памира. По словам участника этого похода, переводчика сеида Маасума, сыновья которого теперь на советской службе и присвоили почему-то себе фамилию Мансуровых, и проводника Азиз-хана, который за преданность русским был назначен волостным управителем Вахана, Горана, Ишкашима, Шугнана, Рушана, Бартанга, Гунда и Шахдары, равно и офицеров-участников этого похода, служивших потом в составе Памирского отряда, фактически военных действий на Памире не было, если не считать за военное действие уничтожение афганского сторожевого поста на озере Яшиль-Куль (12 человек солдат при одном офицере капитане-кифтоне) и незначительных безобидных перестрелок по Гунду и Шахдаре, но как бы то ни было, Памир был завоеван.

После межгосударственной разграничительной комиссии, в которой от царского правительства присутствовал генерал Павало-Швыйковский, с Афганистаном была установлена официальная граница, по которой правая сторона р. Пяндж от слияния рек Памир-Дарьи и Сархад-Дарья со всеми находящимися провинциями на правом берегу Вахан, Ишкашим, Горан, Шугнан и Рушан — перешли во владения эмира Бухарского, а русская граница соприкасалась только с границей Китая и незначительной частью, у озера Зор-Куля, с Афганистаном.

Был устроен очень выгодный для англичан так называемый афганский буфер, и непосредственное соприкосновение русской и английской границ было устранено. Сначала для управления памирскими провинциями и взимания налога с населения эмир бухарский назначал своих миров (правителей), которые и являлись представителями бухарской власти, держа при себе несколько наемных нукеров.

Потом, когда с населения Памира была сняты всякие подати и налоги, назначаемые эмиром бухарским, более мелкие чиновники находились на содержании начальника Памирского отряда (80 рубл. золотом в месяц), который вместе с тем и являлся военным правителем всего Памира, и никакого отношения к управлению фактически не имели, так как волостной управитель только ради показной вежливости посещал бухарского чиновника, но исполнял только те распоряжения, которые исходили от начальника отряда и его офицеров (начальников постов).

После власти своих ханов Шугнана, власти афганцев, а потом и власти бухарцев, установившаяся фактически русская власть, власть “белого царя”, показалась населению Шугнана настоящим раем, так как русские офицеры за каждую услугу щедро платили золотом. Правда, русские офицеры за неподчинение к себе как русскому офицеру, если шугнанец не делал при встрече ему салям и не слезал с лошади или непочтительно вел себя в его присутствии, пороли нагайками, но это было ничто по сравнению с тем, что они переносили раньше от своих ханов, афганцев и бухарцев. Шугнанцы начинают улучшать свои жизненные условия и увеличивать свое до того разрушенное хозяйство. Если раньше ситцевая рубашка была гордым украшением жены какого-нибудь ишана, то теперь ситец считался уже заурядным явлением в семье бедняка, как и медная и фарфоровая посуда. Одним словом, шугнанцы начинают обзаводиться домашней утварью и одеждой. Считавшееся заурядным явление, когда женщина не могла выйти на улицу или на двор только из-за того, что истлевшая на теле рубашка или штаны из китайской маты не вполне достаточно покрывали в известных местах

ее тело, теперь стало весьма редким явлением. Наоборот, на свадебных торжествах женщины стараются перефрантить одна другую, украшая себя ситцевыми платьями. Год за годом материальное положение шугнанцев под властью русских стало заметно улучшаться. Ежегодно Памирский отряд расходовал в общей сложности 200.000 золотой и серебряной валюты. Львиная часть при этом попадала, конечно, в лапы местной знати. Если прибавить, что все натуральные повинности при этом ложились на бедняков, и только в исключительных случаях на местную знать — ишанов, сеидов, казиев и аксакалов, можно уверенно сказать, что царская власть им была слишком по душе, и лучше такой власти они не могли себе представить. Тем более, что власть совершенно не касалась религии и никаким образом не противоречила выплате зякета Ага Хану, что давало широкую возможность духовенству обирать доверчивых мюридов (верующих) и выкачивать из них всеми правдами и неправдами валюту.

Не протестовала власть и даже поощряла широкую эксплуатацию местной знатью бедняков-факиров. Не вмешивалась власть также в земельные и в другие домашние вопросы и споры, которые самостоятельно разрешались или волостным управителем или в крайнем случае казием и, конечно, всегда в пользу местной знати. Но все-таки по сравнению с управлением ханами, афганцами и бухарцами под русской властью беднякам жилось много лучше, и совсем хорошо и привольно себя чувствовала местная знать, с которой офицерство было в самых лучших отношениях. Офицерство ездило в гости к ишанам и приглашало их к себе и, принимая подарки, чтобы поддержать честь мундира, одаривало в довольно крупном масштабе.

Кутежи у ишанов и ответные кутежи ишанов у офицеров были довольно часты, и особенно с поршневым ишаном Юсуф Али Шо. Но вот наступила Февральская революция. Об этой революции офицерство не сообщало ни нижним чинам, ни населению, надеясь, что революция будет подавлена, а царская власть восстановлена.

Не тут-то было. Происходит Октябрьская революция, о которой также ничего не сообщают до 1919 г. И вот только тогда, когда стало известно, что на смену придут революционные войска, начальник отряда полковник Ягелло (ныне профессор) уезжает в Ташкент, а заведующий хозяйством отряда капитан Фенин с частью солдат и казаков, забрав из Хорога с собой два пулемета Гатлинга, через Шахдару и перевал Мац пробирается в Вахан. Из Вахана направляется через афганский Вахан в Читрал и, когда напуганные афганцы пробуют остановить его, открывает пулеметный огонь в воздух. Афганцы пропускают его, и он в Читрале сам сдаст-

ся, а пулеметы продает читральскому мехтару. Хорог оставляется на произвол судьбы. Приходят по приглашению ишанов бухарцы и занимают пост.

Молодежь Хорога, воспользовавшись отъездом бухарского бека в Тавдым к Шахдаринскому ишану, прогоняет сидевших в крепости бухарцев и сама занимает пост. Шугнанцы не знают, что им предпринять: или поддерживать сторону бухарцев, или ожидать нового приказа русских, с которыми им жилось так хорошо. В конце концов движение молодых революционеров Хорога начинает осторожно поддерживать и шугнанская знать. Решают послать своих людей в Ташкент, чтобы русские прислали свои войска. Затем этот переворот, произведенный самостоятельно хорогской молодежью без всякой помощи и совета сильных мира сего, ни с того, ни с сего возглавляет приехавший из Ишкашима Мирзо Сулейман и поршневский ишан Юсуф Али Шо.

Эти два зубра предполагали, что придет русская власть и русские офицеры со своим золотом, и наградят их за верность “белому царю”, тогда им будет не житье, а масленница. И, о ужас! Вместо русских офицеров пришли страшные и непонятные для них русские большевики. Насколько была растерянность и неуверенность в том, кому же перейдет в конце концов власть — бухарцам или большевикам, характеризует такой факт. Мамадамир Абдуллаев, выбранный волостным, снимает с себя обязанности и остается в стороне, вне политики, но в то же время одного своего брата, Зайдулло Абдуллаева, посылает джигитом на службу к бухарцам, а другого брата, Сайфулло Абдуллаева, на службу к большевикам.

Возьмут власть большевики — поддержит брат Сайфулло, перейдет власть к бухарцам! — защитит другой брат Зайдулло. Правда, это смешно, но это факт. Все-таки власть осталась за большевиками, которые и проводят до сего времени свой политический курс и укрепляют Советскую власть в Горном Бадахшане. Но очень прискорбно, что все это только “постольку, поскольку”. Поскольку мы еще можем протягивать руку с зякетом своему земному богу и царю и скрытно находиться в его неограниченной власти, постольку мы восхваляем Советскую власть и авангард-коммунистическую партию с ее вождями и наружно, с формальной стороны выполняем все директивы этой власти.

Поскольку мы можем тайно исповедывать исмаилизм и находиться в полной власти своего земного бога и царя и поставленных им князей-ишанов, доказывая свою верность уплатой зякета, постольку мы наружно являемся верными Советской власти и подчиняемся выборным представителям этой власти.

Но все мы внутренне, духовно, скрытно подчиняемся своему

земному богу и царю и только с внешней стороны исполняем те или иные распоряжения Советской власти, пока наш бог не повелит нам поступить по его святой воле.

Этим подчеркивается, что в известный момент исмаилиты поступят не так, как должен подсказывать долг советского гражданина, а так, как соблаговолит святая воля Ага Хана. В условиях действительности Горного Бадахшана мы боремся, правда, с эксплуатацией мелкого порядка и клириками исмаилизма, лишая духовенство, пользующееся наемным трудом, гражданских прав, то есть лишаем его права избирать и быть избранным, что собственно и мало интересует их, так как эти лишенцы льют слезы крокодила, когда жалуются на свою горькую участь.

В действительности их сильнее, чем власть выборных представителей в кишлаках, а необходимыми им товарами они снабжаются в большей степени, чем бедняцкие и середняцкие слои населения. Но мы не боремся в корне со злом, главной преградой для проведения и укрепления совласти, религией. Мы не боремся с грандиознейшим ограблением Горного Бадахшана. Мы безнаказанно позволяем проходимцу Ага Хану одурманивать религией население Горного Бадахшана, который при помощи этой пошлой, противоречащей здравому мышлению темного, необразованного человека религии держит в своей тайной неограниченной власти подавляющиеся наглому грубому обману трудящиеся массы Востока и сосет из них кровь и пот.

Этот царь-паук Ага Хан Султан Мухаммад-Шо при помощи верных ему князьков-пауков (ишанов) раскинул грандиозную невидимую религиозную паутину в Индии, Арабии, Афганистане, Африке, Персии и нашем Советском Туркестане и высасывает соки случайно запутавшихся в этой паутине не только отдельных лиц, но и целых народностей, как, например, население Читрала, Вахана, Мунджана, Зебака, Горана, Ишкашима, Шугнана и Рушана. Неужели наши советские работники коренного населения не видят этой паутины, не слышат душераздирающий крик запутавшихся в этой паутине, когда паук-ишан сосет из него кровь?

Неужели советские работники коренного населения не знают об этом, не видят и не слышат? Неужели советские работники коренного населения не знают, что этот кровопийца царь-паук Ага Хан сам находится во власти еще более сильного кровопийцы-паука короля Англии? Неужели неизвестно коренникам, что запутавшиеся в этой паутине несознательные, непросвещенные мухи-бедняки вынуждены служить английской контрразведке...? Безусловно, все это знают, все это видят и обо всем этом слышат. Тогда напрашивается другой вопрос. Неужели коренники еще продолжают пугаться

этого чучела-паука Ага Хана и этих ничтожных пауков-ишанов? Или им мешают родственные связи? Ведь для освобождения от этой паутины не требуется ни расхода каких-либо средств, никакой хитрой механики, ни военной техники. Для этого требуется только искреннее желание освободиться от этой паутины и вооружиться самой простой обыкновенной метлой.

Очистив свой дом и дом своих близких друзей и родственников от паутины, не давать вновь появляться паукам и вновь снова паутину, для чего в определенном месте наготове держать метлу и, как только заметил, что в доме твоём появился паук или даже безвредный паучок и начинает вить паутину, немедленно с треском выметать из дома эту нечисть.

Получается такая картина, что сознательно и несознательно, с умыслом или без умысла ответственные работники коренного населения одной рукой держатся за советскую власть, а другой рукой поддерживают духовенство или во всяком случае мирно уживаются с ним и, если сами не платят зякета, то во всяком случае и не высказываются против выплаты его хотя бы в кругу своих родных. Ни один из них до сего времени ни разу не выступил против религии, и все они под тем или иным предлогом уклоняются от этого так же, как и уклоняются даже и от товарищеской беседы на эту тему, прикидываясь незнающими и непонимающими не только основ религии, но даже всем им хорошо известной и выученной наизусть еще в детстве молитвы “Пир-и-ШО”. Ведь это трусость, это отсутствие гражданского мужества.

На стыке трех границ Горный Бадахшан должен быть “Красным Маяком”. Гореть ярко, светло и беспрерывно. Горный Бадахшан должен “маячить” зарубежному пролетариату и, освещая все вокруг себя, показывать пример на себе и не допускать, чтобы красный революционный цвет “Красного Маяка” — Горного Бадахшана заволакивался паутиной исмаилизма. Царю-пауку Ага Хану и паукам-ишанам должна быть объявлена война. Нельзя допускать, чтобы совместно с советской властью в Горном Бадахшане существовала какая-то тайная власть паука-кровопийцы Ага Хана и подвластных ему пауков-ишанов, направленная к ограблению и обманному вымогательству. Война должна быть объявлена беспощадная, но не силой оружия, не репрессиями и распоряжениями, а только словом, словом понятным, вразумительным, но в то же время и авторитетным. Необходимо к этой работе привлечь советских работников из семей родовых и знатных сеидов... Нужно, чтобы эти советские работники из сеидов не ограничивались только формальной механической стороной этого дела, оставаясь сами в тени, а, наоборот, пользуясь своим родовым происхождением, активно, публично, демонст-

ративно выступали бы против дурмана религии и своим примером вовлекали в свои ряды и дехканство. Тем самым эти товарищи, несмотря на свое знатное, родовое происхождение, не на словах только, а на деле доказали бы свою преданность делу трудящихся, которых и можно было бы увековечить на Красной Доске. Вот ядро таких товарищей, наиболее интеллектуально развитых и могущих вполне и свободно разбивать догматику исмаилизма: Хубоншо Керманшоев, Шириншо Шотемор, Бош-Ходжа, Мамад Султан Мансуров, Киябеков, Абдул Алишо Зиннатшоев и Сайфулло Абдуллаев... Вполне понятно, что существование осязаемого не только духовного, но и политического воздействия имамата Ага Ханов в Горном Бадахшане для Советской власти не может быть терпимо и, чем скорее будет этот вопрос разрешен, тем лучше, ибо скорее обезвредим влияние на советских граждан креатуры Англии.

Примечание: Этот документ дает представление о положении на Памире до 1917 г. и об отношении к исмаилизму Советской власти: решительно отвергался путь репрессий и администрирования, предлагалось проводить кропотливую и аргументированную пропаганду среди памирских исмаилитов о негативной роли низаритского имамата. Он, безусловно, является свидетельством минувшей эпохи. В нем отражается упрощенческий взгляд на сложившееся тогда положение вещей, не учитывается реальная политическая ситуация в Горном Бадахшане и проявляется присущий тому времени чрезмерный революционный энтузиазм.

Документ находился на хранении в архиве КГБ Таджикистана.

Примечания

1. Иудаизм возник в конце 2 тысячелетия до н. э., а христианство — в начале I в. н. э.
2. *Беляев Е.А.* Мусульманское сектантство. М., 1957. С. 3.
3. *Гольдциэр И.* Ислам. СПб, 1911. С. 20.
4. Цит. по: *Маркс К.* Разоблачение дипломатической истории XVIII века//Вопросы истории. 1989, N 2, С. 3.
5. Подробнее см. там же, N 1-4.
6. Переписка В.В.Верещагина и В.В.Стасова, 1974 — 1978. М., 1950. Т. I. С. 97.
7. Скайлер Юджин — писатель, очевидец Хивинского похода русских войск, тогда был секретарем американского посольства в России.
8. Цит. по: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. СПб, 1906, Т. II. С. 280.
9. *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. СПб, 1865, С. 220.
10. *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. СПб, 1906. Т. I. С. 120.
11. Там же. Т. III. С. 364 — 495.
12. Правда об Англии и сказания о расширениях ее во всех частях света. СПб, 1854//*Борщаговский А.* Русский флаг. М., 1953. С. 36 — 37.
13. См. *Маркс К.* Хронологические выписки по истории Индии. М., 1947. С. 105.
14. *Hart Liddel.* When Britain goes to war. Adaptability and mobility. London, 1935. P. 37.
15. *Маркс К.* Будущие результаты британского владычества в Индии//*Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения. М., 1980. Т. I. С. 524. В первой половине XVII в. индийская народность — маратхи основали собственное государство на развалинах империи Великих Моголов (1526 — 1707 гг.), которое стало добычей Ост-Индской компании в результате англо-маратхской войны 1803 — 1805 гг.
16. Подробнее см.: *Васильев Л.С.* История Востока. М., 1993. Т. I. С. 77-83.
17. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 9. С. 204; Т. 12. С. 74.
18. Джайнизм и буддизм — религии, возникшие в Индии в VI в. до н. э., причем джайнизм отвергает авторитет Вед и отрицает божественную предопределенность каст.
- Сикхизм возник в XVI в. в Северо-Западной Индии первоначально как секта в индуизме, подвергся сильному воздействию ислама.
19. Цит. по: *Снесарев А.Е.* Афганистан. М., 1921. С. 215.
20. В секту вахабитов входят крайне фанатично настроенные сторонники Сунны.
21. Цит. по: *Риштия С.К.* Афганистан в XIX веке. М., 1958. С. 136.
22. См.: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. XI. Ч. I. С. 134.
23. В один из кризисных моментов первой англо-афганской войны Поттингер возглавил английскую политическую администрацию в Кабуле.
24. См.: *Риштия С.К.* Указ. соч. С. 142.
25. Там же. С. 159.
26. Цит. по: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. I. С. 114.
27. Подробнее см.: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 14. С. 82; *Снесарев А.Е.* Указ. соч. С. 215; *Штейнберг Е.А.* История британской агрессии на Среднем Востоке. М., 1951. С. 72.
28. Цит. по: *Риштия С.К.* Указ. соч. С. 204, 225, 226.
29. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 12. С. 240.
30. Там же. Т. 9. С. 155.
31. См.: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Избранные произведения. Т. I. С. 518 — 519.

32. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 14. С. 503.
33. Цит. по: *Снесарев А.Е.* Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб, 1904. С. 82.
34. Там же. С. 105 — 118.
35. *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. II. С. 320.
36. Там же. Т. I. С. 398 — 399; т. II. С. 74; т. III. С. 361, 403.
37. См.: *Штейнберг Е.А.* Указ. соч. С. 113.
38. *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. II. С. 523.
39. Там же. С. 321.
40. См.: *Риштия С.К.* Указ. соч. С. 372.
41. Там же. С. 398.
42. Подробнее см.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. II. С. 428 — 473.
43. Цит. по: *Риштия С.К.* Указ. соч. С. 409-410.
44. The Fortnightly. 1879. 12 October.
45. См.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. I. С. 233, 317, 382.
46. Там же, т. III. С. 1.
47. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6810, л. 41.
48. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935. л. 37.
49. См.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. III. С. 142, 243, 244.
50. Там же. С. 246.
51. Там же. Т. II. С. 535 — 536.
52. Там же. Т. III. С. 34, 35.
53. Там же. С. 142.
54. Там же. С. 151.
55. Там же. С. 160.
56. Там же. С. 245 — 250.
57. Автобиография Абдурахман-Хана, Эмира Афганского. СПб, 1901. Т. 1. С. 328.
58. См.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. III. С. 354 — 355.
59. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 22. С. 24.
60. ЦГИА Уз.ССР, ф. 1, оп. 34, д. 80, л. 7.
61. *Серебренников А.* Очерк Памира//Военный сборник, 1899. № 6. С. 438.
62. *Риштия С.К.* Указ. соч. С. 373.
63. *Тегеев Рустам-Бек Б.* Через Алай и Памир. М., 1912. С. 13.
64. *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. III. С. 394 — 395.
65. Подробнее см.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. III. С. 394-395; *Тегеев Рустам-Бек Б.* Указ. соч. С. 13-20; *Снесарев А.Е.* Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб, 1906. С. 10.
66. ЦГВИА, ф. ВУА. оп. 1, д. II, л. м. 13, 49.
67. Цит. по: *Дюранд А.* Созидание границы. СПб, 1905. С. 8-9.
68. Там же. С. 106.
69. Там же. С. 1 — 2, 110, 162, 203, 211.
70. Подробнее см.: *Искандеров Б.И.* Гиндукуш во второй половине XIX века. М., 1968. С. 60 — 92.
71. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1368, л. 7.
72. См.: *Дюранд А.* Указ. соч. С. 3, 8, 50, 106, 107, 140.
73. *Тегеев Рустам-Бек Б.* Указ. соч. С. 26.
74. См. *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. III. С. 404 — 405.
75. Там же. С. 410, 411, 418, 423.
76. *Тегеев Рустам-Бек Б.* Указ. соч. С. 17.
77. См.: *Бобринский А.А.* Горцы верховьев Пянджа. М., 1908. С. 4 — 5, 8.
78. См.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. III. С. 394 — 426.

79. Подробнее см.: *Тагеев Б.Л.* Памирская экспедиция 1891 — 1895 гг. Варшава, 1902; *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 3; *Набиев А.* Присоединение Памира к России и его социально-экономическое положение до победы Великой Октябрьской революции (1895 — 1917 гг.)// Учен. зап. Таджик. сельхоз. ин-та. Душанбе, Т. 9. Вып. 20. С. 80 — 87.
80. *Снесарев А.Е.* Афганистан. Указ. соч. С. 34-35.
81. *Бобринский А.А.* Указ. соч. С. 4.
82. ЦИА, д. 2051, л. 26-27.
83. *Попов А.Л.* Английская политика в Индии и русско-индийские отношения в 1897 — 1905 гг//Красный архив. 1926-1927. Т. 6 (19). С. 54.
84. Там же. С. 56.
85. *Дюранд А.* Указ. соч. С. 2.
86. ЦГВИА, ф. ГУГШ, N 2000, д. 49, л. 1.
87. См.: *Попов А.Л.* Английская политика в Индии и русско-индийские отношения в 1897 — 1905 гг//Там же. С. 59-60.
88. См.: *Штейнберг Е.Л.* Указ. соч. С. 251.
89. ЦИА, ф. Дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе, д. 2660, л. 160 — 163.
90. Цит. по: *Станишевский А.* Афганистан. М., 1940. С. 76.
91. Записки генерала Куропаткина. Б. М., 1909. С. 64-65.
92. Life of Lord Kitchener. L., s.a. v. II. P. 241.
93. См. *Штейнберг Е.А.* Указ. соч. С. 121.
94. См.: *Гамильтон А.* Афганистан. СПб, 1908.; Mustrupp George. Afghanistan. From Darius to Amanullah. L., 1929.
95. Цит. по: *Неру Дж.* Открытие Индии. М., 1955. С. 137.
96. *Неру Дж.* Автобиография. М., 1955. С. 395.
97. *Энгельс Ф.* Диалектика природы. М., 1949. С. 138.
98. Ага (тюрк.) — титул военачальников.
99. Малышева Д.Б. Исмаилиты//Вопросы истории. 1977. N 2. С. 138 — 149.
100. См.: *Строева Л.В.* Государство исмаилитов в Иране в XI — XIII вв. М., 1978. С. 233 — 245.
101. Подробнее см.: *Левин С.Ф.* Реформаторское движение в индийской торговой общине ходжа в 1825 — 1866 гг.//КСИВ. (Краткие сообщения ин-та востоковедения АН СССР).
102. *Ахундов М.Ф.* Философские и публицистические произведения. Баку, 1940. С. 109, 111.
103. Цит. по: *Строева Л.В.* Указ. соч. С. 183.
104. Там же. С. 248.
105. Правда. 1957, июль.
106. См.: *Левин С.Ф.* Об эволюции мусульманских торговых каст в связи с развитием капитализма на примере бохра, мемонов ходжа//Касты и Индии. М., 1965. С. 234 — 235.
107. *Готфрид Л., Гафиз М.* Красный флаг на крыше мира. Ташкент — Сталинабад, 1930. С. 97.
108. *Naoroji M. Dumasia.* A Brief history of the Aga Khan. P. 155 — 157.
109. См.: *Климович Л.И.* Ислам. М., 1965. С. 145.
110. *Неру Дж.* Автобиография. М., 1955. С. 487.
111. *Jinnah M.A.* A political Study. Lahore, 1953. P. 74 — 75.
112. *Greenwall.* His Highness the Aga Khan Imam of ismailis. L., 1952. P. 26, 32, 40 — 43, 61 — 73.
113. *Неру Дж.* Автобиография. С. 488.
114. Who is who. L., 1939.
115. См.: *Климович Л.И.* Указ. соч. С. 145.
116. Цит. по: *Климович Л.И.* Указ. соч. С. 146.
117. *Неру Дж.* Автобиография. С. 313 — 314.
118. Там же. С. 407 — 408.
119. Там же. С. 491.
120. Там же. С. 494.

121. *Rajendra Prasad*. India, Divided Bombay, 1949. P. 77.
122. Who is who.
123. *Mthur T.B.* Muslims and changing India. New Delhi, 1972, P. 244-261.
124. См.: *Васильев Л.С.* История Востока. М., 1993. Т. 2. С. 366-375.
125. См.: *Пруссакова Н.Г.* Концепция “мусульманской нации” и “исламского государства” в идеологии движения за образование Пакистана (по работам индийских и пакистанских публицистов и историков) // Ислам в истории народов Востока. М., 1981. С. 120-122.
126. Цит. по: *Семенов А.А.* Взгляд на Коран в восточном исмаилизме. Иран. Л., 1927. Т. 1. С. 60.
127. *Бобринский А.А.* Указ. соч. С. 40.
128. Цит. по: *Турсун-заде М.* Заокеанский плач о чархи-фалаке. // Литературная газета, 1970. 10 июня.
129. См., например: *Дюранд А.* Указ. соч. С. 38.
130. *Гекертон Ч.У.* Тайные общества всех веков и всех стран. Исмелииты. СПб, 1876. Кн. IY. С. 126.
131. См.: *Семенов А.А.* К догматике Памирского исмаилизма. Т., 1926. С. IY.
132. См.: *Гафуров Б.Г.* Таджики. М., 1972. С. 397-399.
133. *Айни К.* Носири Хисрави Кабодиени // Носири Хисрав. Гулгине аз девони ашъор. Сталинабад, 1957. С. 15 — 16.
134. Цит. по: *Гафуров Б.Г.* Указ. соч. С. 437.
135. Носири Хисроу. Избранное. Сталинабад, 1953. С. 192.
136. *Семенов А.А.* Взгляд на корни в восточном исмаилизме // Иран. Л., 1927. Т. 1. С. 23.
137. Цит. по: *Додихудоев Х.* Философия крестьянского бунта. Душанбе, 1987. С. 387.
138. *Бертельс А.Е.* Насир-и Хосров и исмаилиты. М., 1959. С. 68.
139. Подробнее см.: *Додихудоев Х.* Очерки философии исмаилизма. Душанбе, 1976.
140. *Тагеев Рустам-Бек Б.* Указ. соч. С. 37, 46. Орфография оставлена без изменений.
141. *Бобринский А.А.* Указ. соч. С. 62-63.
142. ЦГА Уз. ССР, ф. 3, оп. 2, д. 97, л. 66-67.
143. См.: *Бобринский А.А.* Указ. соч. С. 5-6.
144. Отчет генерал-майора Королькова Туркменскому генерал-губернатору генерал-лейтенанту Духовскому // Красный архив. 1938. 3/88/ С. 158.
145. Красный архив. 1936. 2/75/. С. 188-191.
146. Архив КГБ Узбекистана, д. ОФ-21, л. 51-52.
147. Там же, л. 54.
148. Цит. по: *Климович Л.И.* Указ. соч. С. 144.
149. *Снесарев А.Е.* Афганистан. М., 1921. С. 115.
150. Цит. по: *Султанов Ю.* Певец Великого Октября // Литературная газета. 1970. 25 ноября.
151. *Бобринский А.А.* Указ. соч. С. 55.
152. Эти приведенные А.А.Бобринским сведения ни в коем случае не отражали истинного положения вещей.
153. *Young Husband G.* The Heart of a Continent; *Mac Gregor.* Journey through Khorassan и др.
154. Просвещение и национальности. 1934. XI-XII. № 6. С. 7.
155. Архив КГБ Таджикистана, д. 230, т.4, с. 4-5.
156. Там же. с. 7-9.
157. См.: *Искандеров Б.И.* Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX века // Труды АН Тадж. ССР. Душанбе, 1963. Т. 39. С. 252.
158. Красный архив. 1928. Т. 5 /30/. С. 71 — 79.
159. Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Т., 1967. С. 169.
160. Бухара в 1917 году // Красный архив. 1927. Т. 1/20/. С. 78-122.
161. Там же. С. 119-120.

162. Там же. С. 80.
163. Подробнее см.: Из истории национальной политики Временного правительства // Красный архив. 1928. Т. 5/30/. С. 46 — 79: ЦАОР, ф. Турккомитета Временного правительства, д. 20, л. 130 — 131, 198.
164. Цит. по: Просвещение и национальности. 1934. № 6. XI — XII. С. 74-75.
165. Там же.
166. Там же.
167. Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. С. 331-332.
168. Там же. С. 411-413.
169. Подробнее см.: *Мильштейн Н.Л.* Из истории Туркестанской ЧК. Т., 1965. С. 21-22.
170. *Зайцев И.* Из недавнего прошлого // Соловецкие острова. 1926. № 4. С. 60.
171. *Ziet-Colonel T.E. Etherton.* In the heart of Central Asia. // Русский перевод в институте истории КП Узбекистана. С. 149 — 151.
172. Архив КГБ Узбекистана, д.163201, т.3, л. 227 — 228.
173. Там же. л. 255-283.
174. Правда. 1917. 22 ноября.
175. Именно на такие суммы было реализовано промтоваров в Афганистане и Индии и доставлено в валюте в Бомбей (*Готфрид Л., Гафиз М.* Красный флаг на крыше мира. Ташкент-Сталинабад, 1930. С. 99).
176. *Назаршоев М.* Партийная организация Памира в борьбе за социализм и коммунизм. Душанбе, 1970: С. 108 — 110.
177. ЦАОР, ф. ЦИК Туркеспублики, д. 10, л. 58, 59.
178. Там же, д. 19, л. 71 — 80.
179. Из доклада председателя Чрезвычайной военно-политической тройки на Памирах в Президиум Турк. Цика от 9 авг. 1923 г. // ЦАОР, ф. ЦИК Туркестанской ССР, д. 47, л. 254 — 268.
180. Архив института истории при ЦК КП Таджикистана, ф. 63, оп. 1, д. 9, л. 13.
181. См.: *Назаршоев М.* Партийная организация Памира в борьбе за социализм и коммунизм. Душанбе, 1970. С. 109.
182. Там же. С. 98 — 99; *Готфрид Л. и Гафиз М.* Указ. соч. С. 197 — 199.
183. ЦАОР, ф. ЦИК Туркестанской ССР, д. 47, л. 254 — 268.
184. Об исмаилизме. Сталинабад, 1943. С. 37.
185. Архив бив. КГБ при СМ Таджикской ССР, д. 230, т. 1, л. 93.
186. Там же, л. 95.
187. Там же, л. 96.
188. Цит. по: *Готфрид Л., Гафиз М.* Указ. соч. С. 97.
189. Архив КГБ Узбекистана, д. ОФ-21, л. 41-42.
190. Об исмаилизме. С. 33-34.
191. Там же. С. 38.
192. Там же. С. 33.
193. Архив КГБ Узбекистана, д. 163201, с. 57.
194. *Андреев М.С.* По этнографии таджиков. Некоторые сведения. // Таджикистан. Т., 1925. С. 170.
195. *Drew W.J. Sinkang.* The and the People // Central Asian Review. L., 1968. Vol. XVI, N 3. P. 203-206.
196. В данной главе в основном использованы материалы, находящиеся в архивах бывших КГБ при Советах министров Таджикской и Узбекской ССР.
197. Цит. по: *Смирнов Ким.* Человек после легенды // Известия. 1991. 28 сентября.
198. См.: *Ленин В.И.* О Средней Азии и Казахстане. Т., 1960. С. 354-356.
199. *Готфрид Л., Гафиз М.* Указ. соч. С. 213.
200. Там же. С. 65.
201. См.: *Назаршоев М.* Указ. соч. С. 211.
202. *Неру Дж.* Автобиография. С. 474.
203. Архив КГБ при СМ Узбекской ССР, д. 159182, 161639 и др.

204. Об исмаилизме. С. 42.

205. В конце 60-х г. Л.И.Климович лично поведал автору этих строк о готовившейся в годы войны акции, направленной против памирцев и не без иронии рассказывал о попытке его отравления, предпринятой в Хороге.

206. Народная газета. 1992. 28 ноября.

207. См.: *Беляев В.* А войне не видно конца ... // Правда. 1994. 14 января. 1994. 1 февр.

208. Правда. 1994. 14 января.

209. *Булавинов И., Камышев Д.* Пограничники намерены охранять Россию на дальних рубежах // Коммерсантъ. 1994. 15 января.

Оглавление

Предисловие

3

Глава I

Англо-русское противостояние
и судьбы народов Среднего Востока

11

Глава II

От Зульфигара до Зор-куля

39

Глава III

Низаритский имамат в Индии

70

Глава IV

Бадахшан и исмаилизм

87

Глава V

Царская Россия и Западный Памир

100

Глава VI

Февральская и Октябрьская революции
и Памир

114

Глава VII

Бадахшанское сообщество

135

Глава VIII

Оптимистическая трагедия, или фарс

149

Послесловие

163

Приложения

Некоторые архивные документы и материалы,
относящиеся к 20 — 40-м гг.,
характеризующие сущность памирского исмаилизма, обычаи,
условия жизни современных исмаилитов
и их взаимоотношения с властями.

173

Примечания

232

Научное издание

ХАРЮКОВ ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ

**Англо-русское соперничество
в Центральной Азии
и исмаилизм**

Зав. редакцией
Г.М. Степаненко

Редактор
В.В. Михеева

Художественный редактор
Ю.М. Добрянская

Переплет художника
В.А. Пузанкова

Технический редактор
З.С. Кондрашова

Дизайнер
Н.И. Филимонова

Корректоры
*Г.В. Сибирцева,
В.В. Долина*

ИБ № 8455

ЛР № 040414 от 27.03.92

Сдано в набор 27.06.95.

Подписано в печать 19.09.95.

Формат 60х90/16.

Бумага офс.

Гарнитура Таймс. Офсетная печать.

Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 14,36

Тираж 1000 экз. Заказ 1242 Изд. № 5875.

Ордена “Знак Почета”

издательство

Московского университета.

103009, Москва, ул. Б. Никитская 5/7.

Типография ордена

“Знак Почета” изд-ва МГУ.

119899, Москва, Воробьевы горы.

